

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

**Сборник научных трудов
памяти И.Д. Чигрина**

**Уфа
РИЦ БашГУ
2016**

УДК 94+378(470.57)
ББК 63.3(0)+74.58(2Рос.Баш)
А43

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доцент **Р.К. Хабибуллин** (*отв. редактор*);
канд. ист. наук, доцент **Р.Р. Тухватуллин** (*отв. секретарь*);
канд. ист. наук, доцент **А.О. Целищев**;
канд. ист. наук, доцент **Е.А. Круглов**;
канд. ист. наук, доцент **А.И. Чигрина**

Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки:
А43   сборник научных трудов памяти И.Д. Чигрина / отв. ред.
Р.К. Хабибуллин. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 212 с.
ISBN 978-5-7477-4101-0

Сборник посвящен 70-летию со дня рождения советского и российского германиста Ивана Дмитриевича Чигрина (1945-1999 гг.), много лет возглавлявшего исторический факультет Башкирского государственного университета. В его написании приняли участие коллеги, родственники, ученики И.Д. Чигрина, а также ученые, представляющие другие научные и высшие учебные заведения Республики Башкортостан и Российской Федерации. Отдельный раздел сборника посвящен эволюции германской государственности и общества в новое и новейшее время, бывшей предметом исследований И.Д. Чигрина. Свое видение актуальных проблем истории стран Европы и Америки представили студенты, аспиранты и магистранты БашГУ.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов-историков.

УДК 94+378(470.57)
ББК 63.3(0)+74.58(2Рос.Баш)

ISBN 978-5-7477-4101-0

© БашГУ, 2016

ЧАСТЬ I. Памяти И.Д.Чигрина

А.И. Чигрина
(БГПУ, Уфа)

A.I. Chigrina
(M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia)

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ЧИГРИН: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

IVAN D. CHIGRIN: SKETCHES FOR A PORTRAIT

Статья посвящена жизненному пути отца автора – видного ученого-германиста Ивана Дмитриевича Чигрина. Нашли отражение основные этапы биографии ученого, его увлечения, научная, преподавательская и административная деятельность.

The article is devoted to the way of life of the author's father - a prominent scientist- Germanist Ivan Dmitrievich Chigrin. It reflected the basic stages of the biography of the scientist, his hobbies, research, teaching and administration.

Ключевые слова: Германия, карьера, научная, преподавательская, административная деятельность.

Keywords: Germany, the career, the scientific, teaching, administrative activity.

30 июня 2015 года моему отцу, Ивану Дмитриевичу Чигрину, исполнилось бы 70 лет. Больше 16 лет его нет с нами. За эти годы случилось многое, но память об отце всегда живет в моем сердце и в сердцах его близких и друзей.

Для меня и моих родных отец значил очень много. Отдавая большую часть и рабочего, и личного времени университету, он оставался при этом замечательным семьянином: отцом, мужем, дедом.

Свой путь И.Д. Чигрин выбрал самостоятельно и верно ему следовал всю жизнь. Когда в связи с перестройкой начали переписывать заново историю и безоглядно критиковать годы советской власти, он говорил, что если бы не эта власть, он со своим происхождением вряд ли бы состоялся как ученый.

Родился отец в небольшой деревне с интернациональным названием Немцкая Волынка в Альшеевском районе БАССР. Сейчас ее уже нет на карте. Это произошло в первое послевоенное лето. Родители были простыми людьми. В Башкирию они попали в начале XX века в ходе реализации столыпинской реформы. Мать, Анастасия Даниловна, в девичестве Сиротюк, окончила всего 3 класса, всю жизнь проработала в

колхозе, кроме отца родила еще троих детей (старшая дочь умерла в 10-летнем возрасте). На долю этой женщины выпало немало испытаний. Она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Отец, Чигрин Дмитрий Петрович, участвовал в трех войнах: в гражданской, советско-финской и Великой Отечественной. В годы последней он командовал артиллерийским расчетом, был тяжело ранен, последствия этого ранения давали о себе знать в послевоенные годы. Но на болезни бывшие фронтовики не обращали внимания, нужно было строить мирную жизнь. Дмитрий Петрович долгие годы был председателем Раевского сельсовета. Это был человек строгих правил, как говорят, суровый, но справедливый. Детям никаких поблажек не делали. Историкам не сложно представить, как жили люди после войны. Да и не историки наверняка много слышали об этом от пожилых родственников. Тяжело жили все. Не хватало еды, одежды. Нелегко было получить и образование. Отец рассказывал, как несколько лет ходил в школу пешком за десятки километров. Случалось убежать от волков и плутать в пургу...

Как многие его сверстники, он мечтал о карьере военного летчика. В летное училище И.Д.Чигрин, кстати, поступил, но не прошел медкомиссию (из-за детской травмы было нарушено зрение). Кроме мечты о полетах у него была еще одна страсть – историческая наука. Может, потому что история делалась на глазах. Надо отметить, главную роль в освоении исторической науки первоначально сыграло самообразование. Сложно сказать, откуда возникла эта страсть. После школы Иван Дмитриевич два года проработал в сельской школе в своем районе. О том, как вдумчиво он отнесся к этой работе, говорят чудом сохранившиеся заметки, дневники, планы уроков.

Летом 1964 г. И.Д.Чигрин блестяще сдал вступительные экзамены на исторический факультет Башкирского государственного университета, и с тех пор его жизнь была связана с историей.

В университете определилась сфера интересов. Отец увлекся всеобщей историей. Вероятно, немалую роль в этом сыграли его преподаватели антиковед Татьяна Федоровна Пиленкова, медиевист Рудольф Александрович Маслов и другие. Позже отношения с Татьяной Федоровной и Рудольфом Александровичем переросли в дружбу. Первая часто и с удовольствием вспоминала, каким Иван Чигрин был увлеченным и талантливым студентом. Он постоянно работал над собой, знакомых всегда поражала его широчайшая эрудиция. Иван Дмитриевич демонстрировал познания по истории всех стран и периодов. Удивительно, когда он всё успевал, но он читал все книжные новинки, периодичку, еще и по несколько раз перечитывал любимые вещи.

Иван Дмитриевич Чигрин был связан с Башкирским государственным университетом 33 года. Он покинул стены вуза только в 1972 году для учебы в аспирантуре при Московском государственном университете.

Поступив в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории МГУ, он оказался в коллективе выдающихся советских германистов того времени. Его научным руководителем была известная М. И. Орлова, участница войны, профессор МГУ, специалист по новейшей истории Германии, женщина очень требовательная и даже жесткая. Долгие годы впоследствии они переписывались. Бывая наездами в Москве, отец обязательно проводывал Марию Ивановну. Именно тогда, в начале 70-х, И.Д.Чигрин занялся германистикой. К слову сказать, немецкий язык после сельской школы оставлял желать лучшего. Вновь потребовались титанические усилия, чтобы восполнить гигантские пробелы. Возникла необходимость усовершенствовать свои знания в немецком языке, поскольку основную часть источников составляли немецкие тексты. Особенно тяжело было переводить книги и газеты, написанные готическим шрифтом, они не только тяжело читаются, но и наносят удар по зрению. Копировальной техники тогда в библиотеках и архивах практически не было, это усложняло научную работу в десятки раз. Отец настолько продвинулся в изучении немецкого языка и истории Германии, что его в числе лучших аспирантов МГУ направили на стажировку в Берлинский университет им. А.Гумбольдта.

Германия долгие годы оставалась в центре его научных интересов. В 1977 году отец защитил в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Соучастие в теории и практике СДПГ (1945-1969 гг.)». Данной проблематикой Иван Дмитриевич занимался и в последующие годы, при этом он значительно расширил временные рамки.

Студенты и коллеги отмечают, что Иван Дмитриевич был талантливым лектором. Лекции не были похожи одна на другую, он обычно уходил от конспекта, расхаживал по аудитории, много импровизировал. Эти отвлечения служили главным украшением его занятий.

В 1970-е-начале 80-х И.Д. Чигрин очень много ездил по республике в качестве лектора общества «Знание» с популярными тогда лекциями о международном положении. Это было сложной работой, так как нужно было найти контакт с любой аудиторией, суметь ответить на любой неожиданный вопрос. При этом необходимо было донести информацию объективно, избежать набивших оскомину идеологических штампов.

Научную и преподавательскую работу отец совмещал с административной. Иван Дмитриевич Чигрин несколько лет был

заместителем декана исторического факультета, а в 1987 г. на общем собрании преподавателей и студентов он был избран деканом. Такой способ избрания был применен впервые, и в историю факультета он вошел как «народный» декан. Собственно, таким он и был, студенты обращались к нему с самыми разными проблемами, от учебных до семейных. Иван Дмитриевич дважды переизбирался, оставаясь на этой должности до самой смерти в 1999 г.

Работой отец жил, в отпуск он уходил урывками – на неделю-другую. Он очень любил путешествовать, с удовольствием знакомился с новыми людьми, обожал море, но в последние годы из-за постоянной занятости выбирался куда-то редко. Мне всегда больно думать, что в наши дни появилось столько возможностей посмотреть мир, а отец не успел ими воспользоваться.

Докторскую диссертацию он писал, уже плотно занимаясь административной работой. Докторантурой не воспользовался, несколько лет собирал материал в московских архивах и библиотеках, когда возил студентов-пятикурсников на дипломную практику. Эти две недели в году Иван Дмитриевич проводил в московских читальных залах, как говорится, не разгибая спины. Много книг приходило ему также по межбиблиотечному абонементу. В процессе работы над докторской диссертацией отец выпустил две монографии: «Социальная политика и рабочее движение Германии в период революционного подъема 1918-1923 гг.» (в 1991 г.) и «Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг.» (в 1993 г.)¹. Несколько статей И.Д. Чигрина вышло в центральном московском журнале «Рабочий класс и современный мир»². Честно говоря, для научной работы у Ивана Дмитриевича не было ни времени, ни бытовых условий. То, что он все-таки защитил докторскую диссертацию, стало настоящим чудом, построенным на его научных талантах и, прежде всего, на трудолюбии. Защита состоялась в Екатеринбурге в Уральском государственном университете в 1994 году. Тема звучала следующим образом: «Социальная политика социал-демократии и свободных профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. (теория и практика)», во введении последовательно доказывается актуальность данной темы для России 1990-х, времени перехода к рыночной экономике с проблемами социальной защищенности ее населения. Вот выдержка из автореферата докторской диссертации: «В странах Западной Европы функционирует довольно эффективная система социального страхования, формировавшаяся в течение длительного времени. Ее создание проходило под сильным воздействием рабочего движения. Социально-политические реформы, наряду с развитой экономикой, обеспечивали трудящимся слоям западноевропейских стран более высокий жизненный

уровень, чем в нашей стране или в государствах Восточной Европы.... Социальная политика была и остается одной из важнейших сфер деятельности германской социал-демократии»³. Это исследование получило высокие оценки со стороны официальных оппонентов М.Е. Ерина, Б.С. Орлова, А.Б. Цфасмана, коллег из Москвы, Екатеринбурга и других городов. В частности, в одном из отзывов было сказано, что на востоке взошло новое солнце российской германистики.

В 1994 году И.Д. Чигрину по праву была присуждена ученая степень доктора исторических наук, а в 1996 году он получил звание профессора. Отец не был тщеславен, довольно равнодушно относился к званиям и наградам, может, поэтому их не так много, но они достаточно высоки, он был удостоен звания отличника образования СССР, в 1995 году получил грамоту Президента РБ⁴.

О том, что заслуги отца и научный вклад велики, свидетельствует и тот факт, что в 2011 г. в 7 томе Башкирской энциклопедии была помещена статья, посвященная его научной биографии⁵.

Несколько слов о главном увлечении отца... У нас дома царил культ книг. Хорошие книги тогда были почти недоступны. Первый вариант «Мастера и Маргариты», например, появился в виде ксерокопии, так же, как и стихи В.Высоцкого и другие тогдашние редкости. Ксерокопии и даже «роман-газеты» любовно переплетались и занимали на полках не менее почётное место, чем их собратья из типографии. Из многочисленных командировок по республике Иван Дмитриевич привозил хорошие книги большими сумками, почему-то их можно было купить тогда в сельских магазинах. Другим источником добывания стоящих книг было приобретение их у спекулянтов, которые вполне открыто стояли у «Букиниста». Помню, цена колебалась от 10 до 25 рублей – по тем временам немалые деньги. На книги отец обычно пускал «подработки» - деньги за лекции, прочитанные в командировках от общества «Знание». В результате он собрал библиотеку в несколько тысяч томов. Мы пережили период увлечения зарубежными детективами, вестернами, приключенческой литературой. На первом месте, конечно, стояла русская и зарубежная литература. Иван Дмитриевич очень любил Пушкина, Чехова, Гоголя, немецких авторов Фейхтвангера, Ремарка.

Шло своеобразно соревнование в книжном приобретательстве с Олегом Алексеевичем Науменковым, другими друзьями. Новыми книгами хвастались, обменивались. Хорошая книга была лучшим подарком на день рождения. И, разумеется, книги читали. Отец делал это с большой любовью и вкусом. Томик А.С. Пушкина «Евгений Онегин» он знал наизусть, мог продолжить роман с закрытыми глазами с любой страницы. Почти наизусть он знал также Ильфа и Петрова, часто цитируя большие куски их нетленных произведений.

Думаю, портрет И.Д.Чигрина - ученого был бы не полным без характеристики его человеческих качеств. Это был человек очень скромный, щепетильный, никогда не просил за себя, зато другим помогал с удовольствием. Когда Иван Дмитриевич занялся на факультете административной работой, он всегда поддерживал перспективных молодых преподавателей, видя за ними будущее.

Пожалуй, определяющей чертой характера отца была необычайная порядочность. Можно вспомнить много примеров этому. Так, когда началась перестройка и бывшие партийные чиновники принялись жечь и рвать партийные билеты, Иван Дмитриевич воспринял это как проявление непорядочности. Конечно, он, историк, яснее многих понимал изъяны советской системы и с радостью воспринял позитивные перемены, но в такие крайности никогда не впадал.

В сложных ситуациях отцу помогало свойственное только ему чувство юмора – острое, но не злое. Даже в последние месяцы жизни, зная о смертельной болезни и испытывая нечеловеческие мучения, он не изменял себе, подшучивал и над собой, и над нами.

Ивана Дмитриевича постоянно окружали друзья. До последнего он переписывался с товарищами по московской аспирантуре и немецкой стажировке - Тадеушем Сомборским из Польши, М.Е.Ериным... Друзьями становились его бывшие студенты и аспиранты, коллеги из других городов, собраты по «деканскому» корпусу. Дружба с А.Г. Чевтаевым, профессором из Екатеринбурга, зародилась, например, когда Анатолий Гаврилович инспектировал исторический факультет во время аттестации. Теплые дружеские отношения связывали И.Д.Чигрина с И.М.Узнародовым, А.Б. Цфасманом... После смерти Ивана Дмитриевича некоторое время на наш адрес приходили для него пакеты с книгами и статьями из-за рубежа, мы не всех смогли известить... До сих пор на научных и школьных конференциях ко мне подходят и говорят: «Мы учились у Вашего отца, редкой души был человек».

В сложные времена, особенно в последние месяцы жизни, его поддерживали Б.Н.Лаптев, Р.К.Хабибуллин, А.Б.Юнусова, Е.А.Круглов, Р.Н.Рахимов, А.О.Целищев и многие другие. Трудно всех перечислить. Приходили бывшие студенты, дипломники. Особенно помогли нам тогда В.И.Кокин и его супруга Людмила Сергеевна.

Иван Дмитриевич Чигрин прожил совсем недолгую жизнь – всего 53 года. Но это была жизнь богатая событиями, добрыми делами, победами и свершениями. Он жил жадно, жил как факел, горя не для себя, а для других. Память о нем живет в сердцах его родных, друзей, учеников. Его образ открытого человека, беззаветно преданного делу, доступного для студентов и товарищей, стал примером для нового поколения студентов и преподавателей.

Литература:

1. Чигрин, И.Д. Социальная политика и рабочее движение Германии в период революционного подъема 1918-1923 гг./ И.Д. Чигрин. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1991; его же. Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. / И.Д. Чигрин. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1993.

2. Чигрин, И.Д. Борьба в Веймарской Германии вокруг закона о производственных советах // Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 2. – С. 166–172; его же. Пролетариат Веймарской Германии в борьбе за 8-часовой рабочий день// Рабочий класс и современный мир. – 1987. – № 6. – С. 152-157.

3. Чигрин И.Д. Социальная политика социал–демократии и свободных профсоюзов Германии в 1918–1998 гг. (теория и практика). Автореф... дис. д-ра истор. наук. Екатеринбург. – 1994. – С.3.

4. Указ Президента РБ от 11.07.1995 N УП-414 "О награждении Чигрина И.Д. Почетной грамотой Республики Башкортостан". [Электронный ресурс] Режим доступа:URL:http://bashkortostan.news-city.info/docs/sistemah/dok_kegsvo.htm.

5. Башкирская энциклопедия в семи томах. Т. 7 . – Уфа: Изд-во «Башкирская энциклопедия». – С.241.

© Чигрина А.И., 2015

Э.Г. Чигрина
(г. Уфа)

E.G. Chigrina
(Ufa, Russia)

ОБ И.Д.ЧИГРИНЕ

ABOUT I.D.CHIGRIN

Супруга И.Д.Чигрина вспоминает о его профессиональном становлении. Рассказывает об этапах научной карьеры, чертах характера и человеческих качествах И.Д.Чигрина.

I.D.Chigrin's wife recalls his professional formation. She tells about the stages of I.D.Chigrin's scientific career, character traits and personal qualities.

Ключевые слова: поколение, общественная деятельность, черты характера.

Keywords: generation, public work, traits of character.

На исторический факультет Башкирского государственного университета Иван Чигрин поступал уже после двух лет обязательной отработки: два года учил мальчишек и девчонок в небольшой сельской школе родного Альшеевского района. В эти годы и определился окончательно он со своим призванием - будет преподавателем истории.

Историей он не просто увлекался – был ей предан. Не истории той или иной страны, не какому-то отдельному периоду или эпохе, а истории как науке, изучению исторического процесса во всей его полноте посвятил себя с юности студент, а затем аспирант Московского государственного университета, стажер Берлинского университета им. Гумбольдта (ГДР), преподаватель исторического факультета БашГУ, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории, декан факультета Иван Дмитриевич Чигрин.

«Сухарем от науки» он не был никогда. Общественная деятельность в студенческом комитете, комитете комсомола, профкоме и парткоме не превратила его в чиновника, зато помогла на протяжении 16 лет решать проблемы развития факультета, ставшего для Ивана Дмитриевича родным. В 1987 году он стал первым «народным деканом», избранным преподавателями и студентами. Затем он избирался на эту должность еще дважды – в 1992 и 1997 годах.

Сложными были эти годы. Представитель поколения, выросшего в эпоху хрущевских разоблачений и реформ, в период брежневского «застоя», он не должен был растеряться перед лицом процессов, которые начались в стране под лозунгами перестройки. Всему поколению пришлось почесать затылки! Пересматривали марксистско-ленинскую концепцию истории, — сколько написанных диссертаций, монографий полетело в мусорные корзины! Боялись писать статьи, выступать: а вдруг «не то» скажешь, «не то» напишешь!

Иван Дмитриевич Чигрин и выступал, и статьи писал, и докторскую завершил именно в это беспокойное время: он изучал историю становления и развития демократического общества и государства в Германии в 1918-1928 годах. В июне 1994 года в Уральском государственном университете состоялась успешная защита докторской, и уже 14 ноября доктор исторических наук, профессор И.Д.Чигрин возглавил кафедру новой и новейшей истории.

Ему всегда была присуща целеустремленность. Еще студентом он обещал своему отцу, что будет заниматься наукой. Не увидел отец профессорского диплома своего сына, не дожил, - но сын был верен обещанию.

Трудолюбив – причем во всем: огород ли вскопать, язык ли освоить незнакомый. Докторскую диссертацию он написал за несколько месяцев, но вынашивал ее в течение нескольких лет.

Он умел дружить и ладить с людьми. Его добрые дела и поступки помнят и сегодня. Его обязательность и самодисциплина, как внутренняя, так и внешняя, были известны всем. Даже будучи больным, тяжело переживая свою физическую немощь, каждое утро приходил на факультет, допоздна работал. Никто не знал, каких трудов это ему стоило. И все запомнили его улыбающимся, добродушным, веселым и громогласным.

За годы, что прошли со дня смерти Ивана Дмитриевича, не нашлось ни одного человека, который вспомнил бы его тяжелым словом или с обидой. Все вспоминают его как Учителя, как Человека...

И пусть ушедших не вернуть, но живые помнят о них, и они остаются с нами.

© Чигрина Э.Г., 2015

Б.Н. Лаптев
(БашГУ, Уфа)

B.N. Laptev
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ЧИГРИН

IVAN D. CHIGRIN

Автор рассказывает о многолетней дружбе с И.Д.Чигриным. Описывается совместная работа на кафедре всеобщей истории Башкирского государственного университета. Высоко оцениваются административная, научная и преподавательская деятельность И.Д.Чигрина, его человеческие качества.

The author tells about the long-term friendship with I.D.Tigrovym. It describes the joint work at the Department of General History of the Bashkir State University. Highly touts I.D.Chigrin's administrative, scientific and teaching activities, human qualities.

Ключевые слова: аспирантура, диссертация, германист, профессионал.
Keywords: postgraduate study, thesis, germanist, professional.

И.Д.Чигрин оставил нас 25 апреля 1999 года. До сих пор не оставляет нас боль утраты прекрасного человека, профессионала-историка высшей пробы, блестящего организатора и душевного, внимательного преподавателя. Чем дальше мы уходим от этой горестной даты, тем ярче представляются новые дарования этого незаурядного человека. Для меня эта утрата была особенно тяжела, поскольку мы

прошли с ним один путь учебы на истфаке БашГУ: я заканчивал, он начинал, с таким же временным отрывом мы обучались в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории МГУ, стажировались в Берлинском университете им. Гумбольдта, а затем и работали на кафедре всеобщей (с 1990 г. новой и новейшей) истории нашего университета.

На всех этапах нашей непростой жизни и работы мы были рядом, плечо к плечу, что помогало выстоять порой под сильными ударами судьбы и переломной обстановки 1980-90-х годов. Я не переставал восхищаться его безграничным оптимизмом, самобытным юмором, без которого в ту пору было невозможно понять происходящее, широтой его души и целеустремленностью. Паренек «из провинции» с отличием закончил учебу в университете и выбрал для себя специализацию, пожалуй, самую трудную в условиях Уфы, а именно историю Германии. Трудную не только из-за удаленности объекта исследования, но и отсутствия каких-либо оригинальных источников и даже литературы. Кроме того, исследование германской истории предполагает знание языка, культуры, ментальности этого народа. Иван Дмитриевич, которого родители и природа наградили великолепной памятью, трудолюбием и аналитическим умом, сумел преодолеть все эти трудности, связанные с постижением истории Германии.

Поступив в аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории МГУ, он оказался в коллективе выдающихся советских германистов того времени. Его научным руководителем была известная М.И. Орлова, участница войны, профессор МГУ, специалист по новейшей истории Германии, о которой слагались легенды в студенческой среде, даже студенческий фольклор не обошел ее вниманием: «Мы любим Машу, вот она какая...». Сотрудничество с Марией Ивановной оказалось, по словам Ивана Дмитриевича, очень плодотворным: и выбор темы диссертации, и смелость в подходах, и даже стажировка в Берлинском университете – все это было решено при активной роли М.И. Орловой. Поучительными для аспиранта были очень плодотворные дискуссии на кафедре по проблемам социал-демократии, в которых участвовали сам заведующей кафедрой И.С. Галкин, молодой профессор А.И. Патрушев, Л.В. Овчинникова и другие. Это была великолепная научная школа, в которой аспирант Чигрин И.Д. принимал самое активное участие. Именно в рамках этих дискуссий Чигрин преодолел элементы догматизма, присущие его научному руководителю. Он с присущим ему жизнелюбием, гуманизмом, любовью к людям труда не мог мириться с формализмом и бытовавшими тогда партийными шаблонами в оценках процессов развития, «соучастия рабочих» в управлении производством. В официальных документах КПСС отвергалась позитивная роль этих новых функций трудовых коллективов в Германии (Западной). Иван Дмитриевич в диссертации

пришел к очень интересным самостоятельным суждениям и показал позитивную роль производственных советов предприятий ФРГ как важнейшую составляющую социально-рыночной системы, созданной Людвигом Эрхардом. Его публикации по теме диссертации отличаются новизна подходов, убедительность аргументов и основательность суждений.

После защиты кандидатской диссертации Иван Дмитриевич поддерживал контакты с германистами МГУ, особенно с М.И. Орловой, она одобрила намерение И.Д. Чигрина расширить временные границы исследования и изучить социальную политику и рабочий класс периода Веймарской Республики в Германии (1919-1933 г.), когда организованный рабочий класс Германии добился примечательных успехов в процессе интеграции в систему государственных институтов и занял достойное место в общественной и государственной жизни страны. В исследовании этой многогранной проблемы Иван Дмитриевич тоже оказался новатором: в многочисленных статьях и монографии «Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг.», изданной в 1993 году, Иван Дмитриевич окончательно отошел от бытовавшего в отечественной историографии постулата, что улучшение положения рабочих, повышение их роли в политической жизни возможно только под руководством коммунистических партий. Он доказал, что реальная жизнь и история трудящихся гораздо сложнее и интереснее партийных схем и формальных конструкций. Именно по этой причине защита докторской диссертации на заседании Совета в Уральском университете стала событием и вызвала острую дискуссию с приверженцами традиционализма. Однако эрудиция автора, его колоссальный труд по обоснованию исторической истины одержали верх. Совет по защите присвоил ему звание доктора исторических наук.

В исторической науке, как и в любой другой, новые открытия даются не только талантом исследователя, но его упорным трудом. Поэтому особо хотелось бы отметить ряд существенных обстоятельств работы Ивана Дмитриевича. Известно, что существует докторантура для научной работы, когда соискатель-докторант на целых три года освобождается от работы, получает государственную стипендию и завершает свой труд. Чигрин не пользовался этим благом, не брал даже отпуск для научной работы. Больше того, он писал докторскую диссертацию, будучи не только преподавателем с полной аудиторной нагрузкой, но и деканом факультета, избравшимся три срока подряд всем коллективом факультета. Деканом заботливым, энергичным, авторитетным среди студентов, которых он щадил, уважал, но и жестко требовал серьезного отношения к учебе. Студенты любили его. Помнится, когда он говорил в коридоре, его громкий голос был слышен

почти во всех аудиториях и вызывал какую-то улыбку радости у студентов.

Более того, он совмещал работу декана и с заведованием кафедрой с 1995 по 1999 г. Он хорошо знал людей и умел удачно выбрать себе помощников. В самые напряженные в научной работе годы заместителем декана Чигрина был Хабибуллин Рустем Камилевич, который брал на себя многие обязанности и блестяще справлялся с этой работой, но ведь всю степень ответственности за состояние дел на факультете нес на себе Иван Дмитриевич, и за организацию работы кафедры тоже он, хотя немалую помощь ему оказывал и Олег Александрович Науменков.

Все эти обязанности неизбежно создавали стрессовое состояние. Иван Дмитриевич не имел возможности следить за своим здоровьем, целиком отдавал свои силы работе, не задумываясь о материальных благах. Был крайне неприспособлен в жизни: жил с семьей в двухкомнатной «хрущевке» и не просил ректора о предоставлении ему и его семье более удобного жилья. Однажды, когда речь шла об уровне падающей зарплаты, он с присущим ему юмором заметил: «Ну и что же. Два костюма не наденешь, двое штанов - тоже». Хотя он любил жизнь, семью, внука и очень хотел им блага, здоровья, однако сам к себе и своему здоровью относился небрежно: его недуг был обнаружен с большим опозданием.

Вспоминая годы, проведенные вместе с Иваном Дмитриевичем, я не могу освободиться от чувства вины за его преждевременную болезнь. Никто не мог предположить, что этот спортивный человек, совершавший пробежки по утрам, может заболеть тяжелым недугом.

На выборах декана на третий срок подряд, когда большинство участников собрания коллектива выдвинуло его кандидатом на избрание, он обратился ко мне: «Я устал до предела, помоги мне избежать этой участи». Я не придавал должного значения этому заявлению и ответил, что-то вроде: «Против течения не плыви, людей не огорчай». Очевидно, обстановка складывалась таким образом, что этого яркого, интересного человека хотели видеть в качестве руководителя и на кафедре, и на факультете, забывая подчас о тех невероятных перегрузках, которым подвергался Иван Дмитриевич. Тем не менее, его пример беззаветной преданности делу, его образ открытого человека, доступного для студентов и товарищей, стал путеводным для нового поколения студентов и преподавателей.

© Лаптев Б.Н., 2015

М.Е. Ерин
(ЯрГУ, г. Ярославль)

M.E. Erin
(Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

О МОЕМ ДРУГЕ ИВАНЕ ЧИГРИНЕ

ABOUT MY FRIEND IVAN CHIGRIN

Автор рассказывает о многолетней дружбе с И.Д. Чигриным. Статья посвящена воспоминаниям о совместных годах стажировки в Берлинском университете, о научных достижениях и административной деятельности И.Д. Чигрина.

The author tells about the long-term friendship with I.D. Chigrin. The article is devoted to memories of the years of joint training at the University of Berlin, about I.D. Chigrin's scientific achievements and administrative activities.

Ключевые слова: Университет им. Гумбольдта в Восточном Берлине, аспирант, диссертация, оппонент, доктор наук.

Keywords: University of Humboldt in East Berlin, the graduate student, the thesis, the opponent, the doctor of science.

С Иваном Дмитриевичем Чигриным я впервые встретился в далеком 1971 г. в знаменитом университете им. Гумбольдта в Восточном Берлине. Это было в бывшей ГДР, накануне Рождества в конце декабря. Нас, молодых историков-стажеров из СССР, пригласили на вечернюю праздничную встречу по случаю наступающего Рождества и Нового года. Эту встречу организовали преподаватели и сотрудники Bereich der Deutsche Geschichte. Причем проходила она не в самом здании университета на Unter den Linden, а на теплоходе, где был небольшой ресторан и уютный зал. В тот год в декабре стояла теплая погода. Нас было трое молодых аспирантов из МГУ и Саратовского госуниверситета: Иван Дмитриевич был аспирантом исторического факультета МГУ (научный руководитель М.И. Орлова) и мы, Жирнов Н.Ф. и я, из СГУ (научный руководитель Я.М. Майофис). Вот так мы встретились, познакомились, и это знакомство переросло затем в дружбу. Для нас все было ново, необычно и очень интересно. Мы впервые оказались в новой среде, среди немецких коллег, и было важно познакомиться с традициями немцев. Ведь у нас в стране было принято встречать только Новый год, а у немцев Рождество накануне Нового года – это большой праздник, прежде всего в кругу семьи. В СССР тогда Рождество на государственном уровне не отмечали. Немцы приняли нас очень приветливо и тепло.

В этой компании оказались известные в то время историки, среди них Курт Петцольд и самый титулованный, весьма популярный в то время историк Вальтер Бартель, профессор Берлинского университета. Мы знали его по работам, были много слышаны о нем, а тут пришлось встретиться с ним воочию, да еще на праздничной вечеринке. Бартель прошел, как коммунист, тяжелый, многострадальный путь гитлеровских концлагерей, был активным участником Сопротивления узников концлагеря Бухенвальд. Он оказался простым, разговорчивым, открытым, веселым и жизнерадостным человеком. Был душой компании, а как танцевал! Это нас очень приятно удивило. До сих пор помню, как сидели за столом, кто пил пиво, кто вино, а немцы, в компании очень веселые и шумные люди, непринужденно беседовали. Мы все трое сначала вели себя весьма сдержанно, стеснялись, больше молчали и смотрели. Все для нас было непривычно. А потом, совершенно необъяснимо, стали разговаривать с немцами, больше спрашивать и рассказывать о себе и своей стране. Так завязался разговор и, главное, мы хорошо понимали друг друга, несмотря на то, что мы говорили на ломаном немецком языке. Потом много танцевали. Вот с этого вечера и началась наша дружба, продолжавшаяся до самой его кончины. Иван Дмитриевич пробыл тогда в ГДР всего три месяца, в конце марта он уже вернулся в Москву, а мы оставались до конца сентября. Будучи в ГДР, мы вместе работали в библиотеках Восточного Берлина, прежде всего в богатейшей университетской библиотеке. Иван Дмитриевич был человеком откровенным, с юмором, со своим характерным смехом. Да и к себе он относился критически, насколько я его помню. Интерес к науке был огромный, он много читал, интенсивно занимался немецким языком и переводами. Когда мы жили в Берлине, то исходили его пешком вдоль и поперек, побывали во всех музеях и исторических местах этого прекрасного города, ходили по кинотеатрам и выставкам. Мы оба с Иваном Дмитриевичем занимались проблемами Веймарской республики.

В последующие годы он жил в Уфе, я – в Саратове. Потом я переехал в Ярославль, встречались редко, в основном на совещаниях деканов в УМО в МГУ. Он был деканом исторического факультета Башкирского госуниверситета, а я деканом исторического факультета Ярославского госуниверситета. Переписывались мы не так часто, но всегда поздравляли друг друга с Новым годом. Встречались всегда дружески, вспоминая «гэдээровские» времена, обмениваясь новостями, своими научными делами и семейной жизнью. Так мы лучше узнавали друг друга. Нас объединяла преподавательская работа, общие проблемы, заботы, научные интересы.

В 1988 г. в МГУ я защитил докторскую диссертацию. Иван Дмитриевич поздравил меня и просил, когда он выйдет на защиту своей

докторской диссертации, чтобы я согласился выступить в качестве официального оппонента. Я дал обещание и выполнил его. В июне 1994 г. в Уральском госуниверситете Иван Дмитриевич успешно защитил докторскую диссертацию. Я выступал оппонентом (одним из трех). Тема диссертации «Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии 1918-1928 гг.» вызвала оживленную дискуссию. Иван Дмитриевич волновался, как и любой диссертант, но достойно отстаивал свою позицию и свои теоретические выводы, демонстрируя хорошее знание проблемы, источников и зарубежной литературы. В своей работе он обозначил новые подходы к теме, отказавшись от старых идеологических шаблонов. Поэтому некоторые члены Совета были не согласны с его концепцией и рядом его выводов. Я поддержал Ивана Дмитриевича. Научная дискуссия показала, что времена уже не те, что не может быть единомыслия, ученый имеет право высказать собственное мнение, которое не соответствует прежним, устоявшимся взглядам. Иван Дмитриевич с какими-то замечаниями согласился, а какие-то оказались совершенно неприемлемы. Совет проголосовал и рекомендовал ВАКУ присудить ему степень доктора наук. Это был большой успех в жизни и научной деятельности Ивана Дмитриевича. После защиты мы провели с ним в Екатеринбурге целых два дня, познакомившись с городом и университетом. Мы подолгу с ним беседовали о наших общих делах, он рассказал о своих семейных проблемах и аспирантах. Некоторые из них успешно продолжают дело своего учителя и наставника. Когда я улетаю из Екатеринбурга, он проводил меня до самого аэропорта. На прощание мы обнялись, а Иван Дмитриевич сказал как-то загадочно: «Когда мы теперь увидимся, Михаил?» Кто бы мог знать в тот момент, что после этой встречи мы больше не увидимся, а когда его супруга известила меня о его смерти, я был потрясен.

Мы поддерживали друг друга в научных делах. Иногда он просил меня написать отзыв на автореферат, я обращался к нему с такой же просьбой. У нас было полное взаимопонимание и взаимная помощь, и были общие взгляды на многие проблемы, включая историю Веймарской республики.

С настоящими друзьями жалко расставаться, много теряешь. Я чужая память друга Ивана Чигрина.

© Ерин М.Е., 2009

Р.К. Хабибуллин
(БашГУ, Уфа)

R.K. Khabibullin
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ПОБЕДЫ И СВЕРШЕНИЯ И.Д.ЧИГРИНА

I.D.CHIGRIN'S VICTORIES AND ACHIEVEMENTS

Автор дает высокую оценку И.Д.Чигрину, своему учителю и другу. Показаны научные достижения, административная деятельность И.Д.Чигрина, а также его человеческие качества.

Author commends his teacher and friend I.D.Chigrin. He shows I.D.Chigrin's scientific achievements, administrative activities, as well as his human qualities.

Ключевые слова: факультет, зарубежная история, доктор исторических наук, профессор.

Keywords: faculty, the foreign history, the doctor of historical sciences, professor.

Время жестоко и неумолимо стирает в памяти многое из прошедшего, становящегося ушедшим навсегда. Кажется, это было совсем недавно. Бодрый, энергичный голос, решительная походка, крепкое рукопожатие – начинается новый рабочий день на факультете вместе с Иваном Дмитриевичем – учителем, руководителем и другом. Да, мне, считаю, очень повезло в жизни: мой руководитель в течение многих лет был и моим надежным другом и товарищем, несмотря на разницу в положении и возрасте. Человек, появившийся на свет в год Великой Победы, был рожден для побед и свершений. Он и одерживал их постоянно и последовательно, пройдя путь от выходца из села до доктора исторических наук, профессора, декана исторического факультета, заведующего кафедрой новой и новейшей истории Башкирского государственного университета. Значимость и содержание этих успехов тем более велики, что предметом исследовательской деятельности Ивана Дмитриевича стала зарубежная история, история Германии первой трети XX столетия, сложная и противоречивая, многогранная и неоднозначная. В изучении многих сложнейших проблем и вопросов Иван Дмитриевич был поистине первопроходцем, торившим научную тропу для своих последователей, щедро делаясь накопленными и осмысленными им материалами со своими коллегами и учениками. Очень многое для него значила учеба и работа в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории Московского государственного университета, предоставившая

ему уникальную возможность общения с выдающимися историками нашей страны, работы над архивными и опубликованными материалами непосредственно в самой Германии во время научной стажировки.

Он, человек, сделавший сам себя, всегда оставался ровным и дружелюбным в общении с коллегами, был уважаем и любим студентами. Будучи избран в 1987 году деканом истфака, он в течение 12 лет пребывал на этом посту, сделав очень многое для развития факультета. Иван Дмитриевич всегда с оптимизмом смотрел в будущее, он объединял людей самых разных профессий и взглядов, выполняя роль духовного наставника и друга, с которым всегда можно поговорить на любую тему. Его глубочайшая начитанность поражала всех, являлась предметом белой зависти многих коллег и просто собеседников. Мягко, ненавязчиво прививал Иван Дмитриевич окружающим вкус, любовь к большой литературе. Он мог быть строгим и требовательным, но в большей степени предпочитал достичь желаемого путем убеждения, деликатным подходом к человеку.

Подчас его так не хватает нам всем.

Единственное, что нас связывает с ним, – это память. Светлая память.

© Хабибуллин Р.К., 2015

А.Г. Чевтаев

(Уральский государственный университет, г. Екатеринбург)

A.G. Chetaev

(Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia)

ДОРОГОМУ КОЛЛЕГЕ И ДРУГУ

DEAR COLLEAGUE AND FRIEND

Автор рассказывает о дружбе с И.Д.Чигриным. Он показывает основные черты личности И.Д.Чигрина, его высокие профессиональные качества.

The author tells about his friendship with I.D.Chigrin. He shows I.D.Chigrin's basic personality traits, his high professional qualities.

Ключевые слова: черты личности, история германской социал-демократии новейшего времени, оценки, суждения.

Keywords: the lines of the personality, the history of the German social democracy of the latest time, assessment, judgment.

Мое знакомство с Иваном Дмитриевичем Чигриным произошло в декабре 1993 г. по профессиональной необходимости. В качестве члена министерской комиссии по аттестации Башкирского государственного университета мне пришлось проверять работу исторического факультета, деканом которого он был.

В такой ситуации многие руководители стремятся подать коллектив и себя в самом выгодном свете. Иван Дмитриевич вел себя совершенно иначе – честно, объективно, показывал дела кафедр и деканата в реальном положении. Кстати, проверка показала, что при всех недостатках исторический факультет и его кафедры работали вполне удовлетворительно, и было очевидно, что в этом немалая заслуга его руководителя. В этом эпизоде ярко проявились основные черты его личности: честность, порядочность, доброта, высокая ответственность, готовность взять на себя дела, которые по различным причинам не могут или не хотят выполнить его коллеги.

Как-то естественно возникла наша дружба. Помимо взаимной личной симпатии у нас оказались и профессиональные совпадения. Мне была близка сфера его научных интересов – история германской социал-демократии новейшего времени. Сближало нас еще одно профессиональное сходство: заведывание кафедрами новой и новейшей истории. И, хорошо зная эту работу, я понимал, какой нелегкий груз нес Иван Дмитриевич, совмещая ее с руководством факультета.

Важной чертой его личности была глубокая любовь к семье. Мне посчастливилось познакомиться и общаться с ней.

С самого начала научной работы он проявил себя талантливым исследователем. После стажировки в Берлинском университете им.А.Гумбольдта он защитил кандидатскую диссертацию и вскоре выдвинулся в число видных специалистов в своей области, став членом Центра германских исторических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук.

При всей огромной занятости в учебной и административной работе Иван Дмитриевич продолжал свою исследовательскую тему и в 1993-1994 гг. завершил подготовку докторской диссертации, посвященной одной из сложнейших тем своего направления – политике Социал-демократической партии Германии в Веймарский период. Он представил свою рукопись в Совет по защите докторских диссертаций Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Иван Дмитриевич знал о высоком уровне требований в этом Совете и сильной германистике на историческом факультете УрГУ, но справедливо считал свою работу достаточно подготовленной.

Рукопись его диссертации «Социальная политика СДПГ и Свободных профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. Теория и практика»

успешно прошла научную экспертизу. В ходе защиты летом 1995 г. развернулась дискуссия. Некоторым членам Совета показались слишком смелыми его выводы, не отвечающими традиционным трактовкам позиции СДПГ и профсоюзов в советской историографии. Однако Иван Дмитриевич сумел доказать, что многие прежние оценки и суждения не отражают подлинной весьма сложной истории немецкой социал-демократии в 1920-х гг. Защита закончилась успешно, и Высшая аттестационная комиссия подтвердила присужденную Советом по защите докторских диссертаций Уральского университета ученую степень доктора исторических наук. А вскоре ему было присвоено ученое звание профессора кафедры новой и новейшей истории. И мы, его коллеги, искренне радовались его успехам.

К глубокому огорчению, жизненный путь Ивана Дмитриевича Чигрина оказался слишком коротким. Да, совмещение нескольких объемных и ответственных дел, вероятно, сыграло в этом свою роль. Но, в конечном счете, человек сам выбирает свою стезю. Очень жаль, что наша дружба была такой короткой. Но благодаря редкостному сочетанию черт характера и неповторимости личности Ивана Дмитриевича эта дружба стала частью моего духовного состояния. Вероятно, при родстве душ двух людей уход одного из земной жизни не прекращает их общения. И очень к месту слова поэта:

Не говори с тоской – их нет,
Но с благодарностью – были.

Своеобразным подтверждением сказанного выше является наша дружба с семьей Ивана Дмитриевича. К сожалению, видимся мы очень редко, но те душевные контакты, что возникли в годы его жизни, оказались удивительно ясными и прочными. И пусть они останутся навсегда.

© Чевтаев А.Г., 2009.

Р.Н. Рахимов
(Российский институт стратегических исследований, г. Москва)

R.N. Rakhimov
(Russian Institute for strategic studies, Moscow, Russia)

ОБ ИВАНЕ ДМИТРИЕВИЧЕ ЧИГРИНЕ

ABOUT IVAN D. CHIGRIN

Автор делится воспоминаниями о времени работы с И.Д. Чигриным. С помощью конкретных эпизодов показывает его как замечательного историка и человека.

The author shares his memories of the time working with I.D. Chigrin. With the help of concrete episodes he shows him as the remarkable historian and person.

Ключевые слова: профессионализм, патриотизм, эрудиция.
Keywords: professionalism, patriotism, erudition.

Трудно писать о коллеге, старшем товарище и, наконец, друге, коим был для меня Иван Дмитриевич Чигрин. Много помнится, многое хочется рассказать, но не всегда получается это передать на бумаге. Как, например, передать ощущение его голоса? Голоса, который начинает звучать где-то на первом этаже университета, приближается своей бодрой, жизнерадостной волной и вот он уже на истфаке... Хорошо помнятся его шутки, но интонацию не воссоздать, да и эпоха уже не та...

С Иваном Дмитриевичем я работал в качестве заместителя декана по заочному обучению в 1993–1998 гг. Годы были сложные, шел процесс «становления новой России», одновременно изменялась и система образования. Конечно, для истфака БашГУ в те времена стало большим счастьем, что его деканом был И. Д. Чигрин. Человек, прекрасно разбиравшийся в учебных планах, легкий на подъем, ровный с преподавателями и любящий студентов. Необходимо отметить, что именно в годы его деканства защитили докторские и кандидатские диссертации большинство преподавателей – все они составляют ныне костяк факультета. В это же время готовились к защитам многие другие, и никому не создавались искусственные препятствия, а если они вдруг и возникали, то он неизменно решал их с пользой для докторанта. Именно в годы деканства Ивана Дмитриевича была создана группа с углубленным изучением башкирского языка, была открыта специализация «историк-правовед», где готовились будущие преподаватели дисциплины «Основы права» для школ. Причем лекции читались преподавателями и профессорами юридического факультета, которых Иван Дмитриевич смог

привлечь к этой работе. Но самой большой заслугой Ивана Дмитриевич было не это, самая большая заслуга его в том, что на факультете он старался, и в большей степени смог создать атмосферу доброжелательности, нормальных человеческих отношений, атмосферу настоящего истфака. Это прекрасно понимали и ощущали все - и преподаватели, и студенты. Дух открытости, тяги к знаниям, уважительных отношений друг к другу, стремление не раствориться в угаре бешеного времени, не поддаться его бездуховности... Он, например, требовал, чтобы студенты снимали головные уборы в помещении, когда почему-то вдруг все стали «забывать» это делать. Одного из студентов-заочников, пришедшего в форме ГАИ на факультет, с пресловутой полосатой палочкой и автоматом за плечом, уж не знаю, были ли в нем патроны, Чигрин просто развернул, и пригрозил, что если он еще раз придет в «храм науки» в форме да ещё с оружием, то учиться здесь уже не будет... Его очень раздражал вдруг появившийся студенческий мат, и он с ним жестко боролся. Иван Дмитриевич много читал научную, художественную литературу и публицистику. Он считал, что как декан должен быть в курсе всех новых явлений и идей в исторической науке, и вот этот высочайший профессионализм он продемонстрировал и ненавязчиво прививал нам, молодым.

Вместе с тем, Иван Дмитриевич как человек, был, я бы сказал, ярким представителем классической русской культуры. Он прекрасно разбирался в русской музыке, живописи, архитектуре, хотя сферой его интересов была политическая история Веймарской Германии, а что касается русской литературы, то он цитировал тексты классиков большими кусками наизусть. Пушкин и Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Некрасов - трудно назвать русского, да и зарубежного писателя или поэта, чье творчество было бы ему незнакомо. Сам он очень любил, когда его собеседник знает и понимает русскую литературу, поскольку его речь была усыпана прямыми и косвенными цитатами из нее, и с ним было просто интересно разговаривать.

Еще одно качество Ивана Дмитриевич хотелось бы отметить – его патриотизм. Он горячо любил свою родину, её историю и всегда отстаивал свои взгляды на наше прошлое. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне был для него свят, многие завоевания советского времени в социальной сфере Чигрин защищал, считая что «перестраивая» нашу жизнь, мы с водой выплеснули и ребенка. Причём надо отметить, что он любил дискуссии, сам горячо спорил, но обладая высокой культурой научной полемики, никогда не переходил на личности и не развешивал политических ярлыков.

Таковы некоторые черты к портрету Ивана Дмитриевича Чигрина, замечательного историка и человека.

© Рахимов Р.Н., 2015.

Е.А. Круглов
(БашГУ, Уфа)

E.A. Kruglov
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ, ИЛИ И.Д. ЧИГРИН И КЕРЧЬ

RECALLING THE TEACHER, OR I.D. CHIGRIN AND KERCH

Автор рассказывает о совместной работе и дружбе с Иваном Дмитриевичем Чигриным. Подробно описывается роль его в проведении археологической практики в г. Керчь, высоко оценивается верность традициям и моральные качества И.Д. Чигрина.

The author talks about teamwork and friendship with Ivan D. Chigrin. It describes in detail his role in the conduct of archaeological practice in Kerch, highly valued I.D. Chigrin's loyalty to the traditions and moral qualities.

Ключевые слова: античность, руководитель факультета, лидер.
Keywords: antiquity, the head of faculty, leader.

Он мечтал стать военным, подобно своему отцу, что сражался под Сталинградом. Поэтому после школы поступал в военное летное, но не прошел из-за зрения, чему мы – его ученики и позднее коллеги – очень удивлялись: нам-то казалось, что зрение Ивана Дмитриевича – соколиное, «зрит насквозь». Вместо военно-летней стези И.Д. Чигрин поступил на гражданско-мирный истфак БашГУ, блестяще окончил его и был отправлен в аспирантуру при МГУ, а вернувшись – приступил к преподаванию новейшей истории Запада для новых поколений студентов. В числе оных на рубеже 1970-80 гг. был и автор этих строк, два года мучительно определявшийся между личной симпатией к Ивану Дмитриевичу и тягой к античности. Жизнь, как всегда, оказалась богаче, шире и мудрее метаний молодости: выбрав античность, отучившись в аспирантуре при ЛГУ в городе на Неве, автор этих строк вернулся в Уфу, где на истфаке БашГУ меня по-настоящему, по-отечески, поддержал именно новист Иван Дмитриевич: искренний, щедрый, громогласный хохотун.

Возвращаясь домой после занятий с «вечерниками» (а было в те годы такое отделение, где мы оба трудились на I и IV курсах, соответственно), Митрич – как мы его частенько и в глаза называли – приглашал по пути к себе «на чашку чая». Особенно душевны эти кухонно-чаевые посиделки стали через год-полтора, когда тандем превратился в «трио», усилившись моим однокурсником Руستمом Хабибуллиным.

Казалось бы, что общего у одного антиковеда и двух новистов, один из которых – Учитель остальных? А «погутарить за жисть», оказывается, было о чем! И не раз, и не два. Обсуждали первые шаги перестройки, поток литературы «оттуда и отсюда» (из «стола», чем гордились тогда все толстые журналы), сопоставляли, вспоминая годы советского студенчества, стройотряды, поездки на сельхозработы в колхоз, на археологическую практику в Керчь.

Последнее вызывало общий эмоциональный окрас: в Керчи были в разные годы все трое. В последние годы из-за возраста и нездоровья Татьяна Федоровича Пиленкова, наша «мама Таня», уже не могла, как когда-то, вывозить в Крым на археологическую практику студентов I курса, а ее молодой коллега-антиковед археологию откровенно не любил и от практики категорически уклонялся, поэтому в 1982-1983 гг. студентов в Керчь возил сам И.Д. Чигрин. Глядя на меня, Митрич спрашивал: возьмешься, если я, став заместителем декана истфака, помогу тебе через деканат (и ректорат, конечно, тоже)? Вскоре Иван Дмитриевич стал зам. декана, а затем и деканом истфака, от обещаний помощи с возрождением Керчи перейдя моментально к реальным шагам. Мне в ответ оставалось только с радостью производить отбор (весьма жесткий и придирчивый) тех 12-15 студентов I курса, которых остальные не без оснований называли «счастливчиками» и «мафией Круглова», так как летом этих студентов ждали раскопки в Крыму, на берегу лазурного Понта Эвксинского. Как тут не отметить еще одно обстоятельство помощи Митрича: он не просто создавал обстановку-атмосферу в деканате (и ректорате!) помощи в возрождении экспедиций в Крым, но и сам непосредственно отслеживал условия содержания и быта студентов в экспедициях. Для этого летом, в июле-августе, он объезжал все археологические отряды истфака, которые копали в Башкирии, от Бирска до Баймака, чтобы лично удостовериться в надлежащих условиях практики студентов, и «напоследок» добирался до самого отдаленного археологического отряда, который вел раскопки на горе Митридат бывшего Пантикапея на юго-востоке Крыма.

И вновь, как когда-то, его раскатистый хохот сотрясал склоны седого Митридата, будил в его недрах золотых коней царя (так гласит одна из легенд), а на практике возвращал от сна к реальности

заспавшихся уфимских студентов. Только накануне у них прошло посвящение в археологи, ритуал и последующее пиршество затянулись до 3-4 часов утра, а уже в 7:30 прибывший паромом через Керченский пролив декан истфака своим громовым голосом осуществлял «наглядную инспекцию личного состава». Не вполне пришедшие еще в себя после ночного посвящения уфимцы в состоянии сомнамбулы выползали из палаток, полагая, что громовой хохот Митрича – это «сон в южную ночь». Но это был не сон, а та замечательная реальность, которая порой гораздо лучше «сна разума»: перед изумленными уфимцами стоял улыбающийся Иван Дмитриевич. Надо ли тут упоминать, что с его прибытием праздник посвящения вступил в свою новую фазу?! ... Жаль, но праздники имеют обыкновение завершаться, порой – неожиданно. Вот и здесь традиции, заложенные Т.Ф. Пиленковой еще в конце 60-х гг. XX века и возрожденные было в конце 80-х гг. того же века благодаря энергичным усилиям И.Д. Чигрина (при моей реализации), оказались оборванными со стороны обстоятельств, которые когда-то древнегреческие юристы определяли как «неодолимая сила». Иными словами, с распадом Советского Союза в 1991 г. взамен пришел СНГ, невразумительный ни экономически, ни территориально-политически: Крым выпал из орбиты СССР и России, а его берега стали омывать волны «жовто-блакитного» окраса, чуждого интернационализму истфака БашГУ. Будем надеяться, что теперь, с возвращением Крыма в состав России, традиции возродятся.

Переживал Митрич и за Крым, и за «срыв Керчи», и за разногласия по поводу Победы. Особенно ранил раздрай вокруг Севастополя, т.к. в жилах Ивана Дмитриевича текла в равной мере и русская, и украинская кровь. В 90-х годах все чаще вспоминал про отца. Как-то в канун очередного юбилея Победы его факультетский коллега вдруг стал хвастливо разглагольствовать о своем научном руководителе, как тот – в глубокой эвакуации – защитил диссертацию в 1943 г. Митрич перебил этот словесный поток одной жесткой фразой: «А мой отец в это время сражался под Сталинградом». Фраза получилась резкая, жесткая, но справедливая и уместная. За этой резкостью, крайне редкой и нехарактерной для нашего Учителя, стояла возрастающая боль. Не за себя: молодцевато выглядевший декан недавно блестяще защитил докторскую и являл образец настоящего лидера факультета. Боль росла за перспективы факультета, республики и страны в целом. Глядя на нас с Руستمом Хабибуллиным; он часто вспоминал наши очень трудные первые рабочие годы в БГУ после аспирантуры, вспоминая при этом и свои аналогичные тяготы молодых лет.

Когда-то он мечтал стать военным летчиком, а стал – и остался в нашей памяти – серьезным ученым, руководителем факультета, любимцем молодежи, надежным наставником, соратником и Другом.

© Круглов Е.А., 2015.

Б.Н. Лаптев
(БашГУ, Уфа)

B.N. Laptev
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

**КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**DEPARTMENT OF FOREIGN HISTORY BASHKIR STATE
UNIVERSITY**

Статья содержит подробный обзор становления и развития кафедры зарубежной истории БГУ. Автор рассказывает обо всех преподавателях кафедры, об основных направлениях учебно-методической и научной работы кафедры.

The article contains a detailed overview of the formation and development of the department of foreign history of BSU. The author tells about all the teachers of the department, the main directions of the department 's educational-methodical and scientific work.

Ключевые слова: исторический факультет, кафедра новой и новейшей истории, зарубежная история, специалисты.

Keywords: the department of history, the department of modern and contemporary history, the foreign history, experts.

В данной статье мы намерены показать историю становления и развития нашей кафедры с создания Башгосуниверситета в 1957 года и до наших дней. История кафедры за более чем полвека - дело чрезвычайно ответственное, поскольку мы пытаемся вспомнить наших предшественников, создавших кафедру и работавших на этой кафедре. Это были известные ученые, преподаватели с высоким рейтингом в республике, это были примечательные личности, внесшие большой вклад в изучение отдельных проблем истории зарубежных стран, в подготовку профессиональных кадров преподавателей школ и ВУЗов республики Башкортостан.

Исторический факультет университета был расположен на втором этаже главного здания, занимая левое крыло, и еще большая аудитория что-то около 100 посадочных мест - в правом крыле (ауд. 215). Помещений по тем временам было достаточно: контингент студентов - 25 человек на курсе, поэтому кафедры располагались вполне комфортно: кабинет заведующего кафедрой, преподавательская, где можно было и поработать, ограниченный книжный фонд располагался тут же в открытом доступе, лаборанты сидели, как правило, в одном из уголков преподавательской, не испытывая тесноты. Для сравнения: на историческом факультете МГУ кафедра новой и новейшей истории долгие годы гнездилась в небольшом помещении, а заведующий проф. Галкин И.С. при обсуждении деликатных вопросов выходил с собеседником в коридор или прятался за шкафом, который был настолько широк, что позволял создать в этом углу некое подобие кабинета, там, кстати, можно было покурить, а курили в ту пору многие, даже маститые профессора: Анатолий Васильевич Адо, Игорь Петрович Дементьев, сам Илья Савич были большими любителями популярного в ту пору «Беломора».

Так вот кафедра новой и новейшей истории БашГУ располагалась в аудитории 203, где она обитает до сих пор. Отдельный стол с телефоном в правом углу у окна имел только заведующий, остальные работники кафедры обычно сидели за общим столом, чем-то напоминающим монастырскую трапезную - уж очень степенно и чинно располагались друг против друга известные и уважаемые доценты с кандидатами.

Собственно, заседания всего состава кафедры проходили не часто: обычно сотрудники приходили к началу занятий и спешили уйти после окончания аудиторных часов. Правда, ректор с удивительной периодичностью - каждые три года, издавал приказ об обязательном присутствии на рабочем месте всех сотрудников. Последние послушно собирались на кафедре первые 3-5 дней после издания такого приказа: общались, студенты постоянно толпились у двери. Но никаких условий для плодотворной работы не было: теснота в комнате не позволяла сосредоточиться, поэтому, обменявшись новостями, пересказав свежие анекдоты - самый популярный жанр народного творчества в ту пору, эти люди уходили домой к любимым книгам, домочадцам и письменным столам. Приказ о всеобщей «отсидке» без его официальной отмены постепенно переставал действовать, и все становилось на круги своя: ректор делал вид, что не замечает самоуправства подчиненных, а подчиненные делали вид, что они выполняют приказ.

Помещение кафедры не вызывало восторгов у сотрудников, вынужденных смотреть изо дня в день на одни и те же стены и столы: раз

в пять лет эти стены покрывались новыми обоями, поскольку в социалистическую эпоху выбор обоев и красок был ограничен, то все эти перемены можно было разглядеть только очень пристальным взглядом.

В рамках небольшого очерка невозможно представить полную картину деятельности кафедры и колоритные, яркие и многогранные биографии незаурядных ученых, работавших на этой кафедре. Поэтому мы вынуждены ограничиться в этой работе лишь общими, часто формальными оценками помыслов, дел и некоторых сведений о работе кафедры и ее сотрудников.

Каждый из них заслуживает внимания, достоин всестороннего биографического описания, поскольку это были высоко эрудированные специалисты, знавшие иностранные языки, историю не только отечества, но и историю зарубежных стран. Кафедра изначально называлась «Всеобщей истории», а с 1990 г. из ее состава выделилась группа специалистов по истории античности, средневековой истории зарубежных стран. Вместе с археологией она образовала новую кафедру: «Археологии и Древней истории», а преемником «Всеобщей истории» стала кафедра «Новой и новейшей истории». Специфика кафедры состояла в том, что она объединяла преподавателей истории стран Европы и Америки, Азии и Африки в новое и новейшее время, а это очень разные регионы, народы и страны, следовательно, и специалисты, занимающиеся историей этих регионов, тоже очень разные. Подготовка таких специалистов велась исключительно в крупных научных центрах страны: это МГУ, Ленинградский (ныне Петербургский), Уральский университеты. До преобразования педагогического института в Башгосуниверситет в 1957 году кафедра своими силами обслуживала учебный процесс на историческом факультете, а подготовка кадров вузовских преподавателей происходила целевым назначением в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории МГУ.

Так продолжалось вплоть до конца 1960-х годов, пока аспирантуры на нашей кафедре не было, не было и докторов наук. До 1959 года заведующей кафедрой была Савельева Амина Шарифьяновна - знаток новой истории Франции, кандидат исторических наук (кандидатскую диссертацию она защитила по теме «Культурная революция в Башкирии»), ее научная биография по зарубежной истории сводилась к публикации статьи «Ленин о якобинцах».

Состав кафедры за отсутствием аспирантуры пополнялся по разнарядке Министерства высшего и среднего образования РСФСР, к которому относился наш университет. По министерской разнарядке кафедра Всеобщей истории приобрела очень ценных специалистов, составивших основу кафедры. Это Рудольф Александрович Маслов (27.03.1925 - 29.01.1996 гг.). Участник и инвалид войны, выпускник

Ярославского пединститута им. Ушинского, затем учился в аспирантуре МГУ. Под руководством известного в мировой историографии средних веков Б.Ф. Поршнева он написал и блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Присоединение Британии к Франции». И в 1951 г. был направлен на работу в Уфу, в пединститут им. Тимирязева. В дальнейшем Р.А. Маслов продолжал научные изыскания в рамках важной и, судя по оценке Б.Ф. Поршнева, слабоизученной проблемы формирования централизованной монархии во Франции. Целеустремленность, блестящее знание медиевистики, удивительный дар лектора и обаятельного человека оказали самое благотворное влияние на становление кафедры всеобщей истории, а потом и кафедры археологии и древней истории, на которую перешли Маслов Р.А., Лукиянов Ю.В., Пиленкова Т.Ф. - специалисты по античной и средневековой истории.

В 1952 году на кафедру всеобщей истории тогда еще пединститута был направлен из Ленинграда Иосиф Сергеевич Киссельгоф (14.09.1908 - 19.05.1973 гг.). Специалист по новой истории Франции, он уже имел опыт работы в Вологодском и Ленинградском пединститутах, потому легко вписался в коллектив кафедры, а через год стал деканом исторического факультета. С 1959 года он заведовал кафедрой Всеобщей истории вплоть до своей кончины в 1973 году. Киссельгоф И.С. читал лекционный курс новейшей истории стран Европы и Америки, а поскольку на кафедре не было специалиста по истории стран Азии и Африки, то Иосиф Сергеевич читал и этот курс. Кроме того, он читал спецкурс по предмету его научных интересов - это историография истории Франции в годы Второй мировой войны. В 1968 г. он защитил докторскую диссертацию, и тогда была открыта аспирантура по кафедре всеобщей истории, где стали проходить обучение выпускники исторического факультета.

В свою очередь Киссельгоф И.С. в 1960 г. пригласил на работу на кафедре всеобщей истории (на конкурсной основе) Якова Васильевича Зайцева из Уфимской Высшей партийной школы после ее закрытия в 1960 г. Доцент Я.В. Зайцев - участник войны, кавалер боевых орденов, окончил Казанский пединститут, затем академию общественных наук при ЦК КПСС, и после защиты кандидатской диссертации работал в Уфимской Высшей партийной школе (1954-1960 гг.), из нее перешел на работу в Башгосуниверситет. Яков Васильевич был деканом исторического факультета до 1973 г. В 1975 г. он защитил докторскую диссертацию. После кончины И.С. Киссельгофа Яков Васильевич возглавил кафедру всеобщей истории и заведовал ею до 1990 года.

Таким образом, кафедра всеобщей истории (с 1990 г. - новой и новейшей истории) в 1960-70-е годы пополнялась за счет привлечения специалистов из других институтов и университетов. Эти незаурядные

специалисты охотно участвовали в конкурсах на замещение должностей, конкурсы объявлялись в Учительской газете Союза СССР, а, следовательно, были известны во всех научных центрах большой страны.

Что же привлекало к нам этих специалистов? Разумеется, в ту пору, как впрочем и теперь, остро стояла жилищная проблема для преподавателей, потому большинство конкурсантов рассчитывали на улучшение жилищных условий. Башгосуниверситет в этом направлении предпринимал все возможное. Ректор университета Шайхулла Хабибуллович Чанбарисов добивался решения этой проблемы. Помимо того, что сравнительно молодой университет располагал жилищными фондами, экзотика башкирской природы была привлекательным фактором для специалистов. В 1954 году на кафедру всеобщей истории была направлена приказом Минпроса Пиленкова Татьяна Федоровна. Родилась она 25 декабря 1920 года в Калужской области, окончила Смоленский пединститут в 1948 году, затем аспирантуру при МГПИ им. В.И. Ленина, защитила кандидатскую диссертацию по истории древнегреческой тирании в 1954 году и, после недолгого преподавания в партшколе г. Тулы, прошла конкурсный отбор на кафедру всеобщей истории БашГУ как специалист по истории Древнего мира. На этой кафедре она трудилась до ухода на пенсию в 1985 году. Великолепный знаток своего предмета, сильная духом, требовательная и инициативная, к тому же очень симпатичная женщина, она была организатором студентов в качестве заместителя декана факультета, руководителя археологической экспедиции студентов (Керчь—«Херсонес») и оставила глубокий след в памяти студентов. До своей кончины в 2002 г. Татьяна Федоровна интересовались делами на факультете.

В соответствии с приказом № 374 от 29 августа 1963 года был зачислен доцентом кафедры, а вскоре избран на Совете факультета Коробов Николай Дмитриевич, проработавший на кафедре в качестве доцента до августа 1981 года - 18 лет. Родился он 2 декабря 1929 года в селе Коробовка Воронежской области. Деревенский паренек, обладавший незаурядными способностями, в 1949 г. поступил на исторический факультет МГУ и в 1953 году окончил его с отличием. В том же году поступил в аспирантуру Института восточных языков и в 1959 году успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории народного Китая.

Трудовой путь Коробова начался в 1956 году в Саратовском государственном университете, потому его избрание по конкурсу доцентом кафедры всеобщей истории Башгосуниверситета было хорошим приобретением: кафедра получила первого специалиста по истории народов Востока с базовым образованием (ИВЯ), к тому же с

опытом работы в старом университете с богатыми традициями и высоким уровнем научного рейтинга среди вузов страны.

Для сотрудников, разумеется, стоял вопрос о причинах его переезда из научного центра, каким был СГУ, в недавно открытый университет в Уфу. Человек прямой и весьма конкретный, Коробов Н.Д. упредил эти вопросы в своем очень коротком заявлении об участии в конкурсе. Он написал: «В случае избрания по конкурсу прошу предоставить квартиру. Семья моя состоит из четырех человек». Как говорится, «взял быка за рога». «Квартирный вопрос» в ту пору был исключительно в руках госорганов. Института купли-продажи жилья как такого не существовало, поэтому БашГУ, который находится в стадии становления, имел возможности для предоставления жилья.

В 1970 году на кафедру прибыл специалист по истории южных и западных славян (Польша) Вячеслав Станиславович Эйсымонт (1912-1978), прежде работавший заведующим кафедрой всеобщей истории Омского педагогического института. Кандидат исторических наук, доцент, имевший богатый опыт научной работы и преподавания в ВУЗе, он поставил преподавание курса истории южных и западных славян на высокий уровень. Этот курс стал одним из важнейших направлений в обучении студентов. Этот курс вел до Эйсымонта Н.И. Киселев (01.12.1926-20.10.1968 г.), блестяще подготовленный выпускник МГИМО. По состоянию здоровья он не был направлен на дипломатическую работу, а дал согласие на работу в Уфе, еще в пединституте на кафедре всеобщей истории в качестве старшего преподавателя с 18.03.1955, с 1963 - доцентом. Киселев Н.И. владел французским и шведским языками. Николай Иванович был любим студентами за искренность, интеллигентность и глубокое знание предмета. Он рано ушел из жизни (в 1968 г.) в 42 года.

Важный вклад в развитие кафедры внес Кавый Газизович Газизов (1.08.1928-29.09.1995 г.), он окончил с отличием исторический факультет Кировского пединститута в 1950 г., а затем в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию. Работал старшим преподавателем, доцентом Кировского пединститута в 1953-1958 гг., а затем доцентом Кустанайского пединститута Казахстана, а с 1959 по 1971 г. - ректором этого пединститута. В 1971 году он был принят на работу доцентом кафедры всеобщей истории БашГУ, а с 1973 по 1981 год был деканом этого факультета. Он читал лекционный курс по новейшей истории стран Европы и Америки, спецкурсы по германской истории новейшего времени.

Таким образом, состав кафедры 1960-70-х годов представляли известные в кругах ученых маститые, авторитетные люди, прибывшие в Уфу из различных ВУЗов страны. Они прибыли на кафедру уже зрелыми

специалистами, имевшими большой научный задел и опыт преподавательской работы. Каждый член кафедры вносил серьезный вклад в совершенствование научной и педагогической работы. К примеру, для студентов вечернего отделения большие трудности вызвало написание контрольных работ по основным дисциплинам: скудность книжного фонда библиотеки, недостаток литературы и опубликованных источников были серьезным препятствием в работе. По предложению В.С. Эйсымонта после всестороннего обсуждения кафедра приняла решение заменить контрольные работы представлением конспекта (развернутой рецензии) одной монографии, имеющейся в наличии в библиотеке. Это решение прижилось и на других кафедрах исторического факультета.

В 1973 году на кафедре стал работать выпускник Ленинградского университета и аспирантуры по кафедре новой и новейшей истории ЛГУ О.А. Науменков. Талантливый историк, он в 1992 г. защитил докторскую диссертацию по истории британского консерватизма XIX в. и с 1990 по 1995 г. возглавлял кафедру. С его именем связана активизация научной работы на кафедре. Сам неутомимый труженик, он подготовил более 10 кандидатов наук, специалистов по британской истории. Его собственные работы известны не только в нашей стране, но и в Англии.

Опыт преподавателей, прибывших из других ВУЗов, был аккумулирован на кафедре и заложил весьма устойчивые традиции, которым следует кафедра и сегодня.

Главным фактором развития кафедры в конце 1960-х годов было становление контактов с соседними университетами и московскими научными центрами. По предложению И.С. Киссельгофа была введена еще в 1963 году так называемая «преддипломная практика» - командирование студентов выпускного курса для работы в московских библиотеках, для знакомства с музеями и другими столичными центрами культуры. Эта практика была основным способом приобщения студентов к работе с иностранными источниками и литературой на языке оригинала. Кроме того, Киссельгоф И.С. заложил основу сотрудничества с профессорами других университетов: Л.Е. Кертманом, А.И. Молоком, они приглашались для чтения лекций нашим студентам. В конце 1960-х годов установились дружественные контакты с историческим факультетом Галльского университета (ГДР), результатом которых было издание совместных сборников научных работ, поездки для обмена опытом наших преподавателей в ГДР и работников Галльского университета в Уфу (проф. Маврон, проф. Андерле, доцент Г. Хюбнер). Начало контактов с зарубежными университетами стимулировало на кафедре изучение иностранных языков. В практику входили совместные заседания кафедры всеобщей истории с преподавателями кафедры

иностранных языков, такое сотрудничество способствовало изучению иностранных языков и работе студентов с иностранной литературой, особенно во время командировок в Москву.

До 1970-х г. подготовка выпускников кафедры в аспирантуре осуществлялась путем направления целевым назначением в МГУ, на кафедру новой и новейшей истории. В 1967 году после окончания такой аспирантуры с годичной стажировкой в Берлинском университете им. Гумбольдта вернулся в БашГУ и защитил диссертацию по германской истории автор этой статьи Б.Н. Лаптев. В 1973 году прошел целевую подготовку в аспирантуре МГУ И.Д. Чигрин, он специализировался по германской истории новейшего времени (Веймарская республика). Энергичный и инициативный Иван Дмитриевич избирался на три срока деканом исторического факультета в 1981-1999 гг., а после защиты докторской диссертации в 1994 году одновременно заведовал кафедрой новой и новейшей истории с 1995 по 1999 гг. во время болезни профессора Науменкова О.А.

Неожиданная кончина Ивана Дмитриевича в расцвете сил его научного и организаторского дарования прервала его планы и намерения.

После ухода И.Д. Чигрина кафедру возглавила Айслу Билаловна Юнусова. Окончив исторический факультет Ленинградского университета, она с 1979 по 1982 г. училась в аспирантуре МГУ. Защитив кандидатскую диссертацию в 1983 году, занялась темой «Ислам в контексте новейшей истории России», проявила при этом недюжинные способности аналитика и в 1997 году блестяще защитила докторскую диссертацию по этой теме. Став заведующей кафедрой в 2000 г., Айслу Билаловна продолжила традиции своих предшественников по развитию научных исследований сотрудниками кафедры: при ее руководстве стал выходить и приобрел современную форму ежегодный кафедральный сборник научных работ «Modern History». Этот сборник стал регулярным ежегодным изданием, на страницах которого публикуют свои труды ученые Уфы, Екатеринбургa, Москвы, Санкт-Петербургa и других научных центров.

Эти специалисты заложили хорошие традиции кафедры: творческий поиск, доброжелательность, принципиальность в научной работе и преподавательской деятельности. При них кафедра новой и новейшей истории расширила научное сотрудничество с одноименными кафедрами многих университетов: МГУ, Екатеринбургским, Ростовским-на-Дону, Ярославским, Саратовским. Расширилось и сотрудничество с зарубежными центрами: Гарвардским университетом (Р.К.Хабибуллин), Будапештским (Р.Р.Тухватуллин) и особенно с германскими университетами - (А.О.Целищев). Заметно активизировалась научно-исследовательская работа.

С созданием на кафедре аспирантуры в начале 1970-х годов постепенно меняется и состав кафедры, на смену ушедшим приходят молодые специалисты, окончившие аспирантуру на нашей кафедре.

Рустем Булгырович Туйкин (17 марта 1948 г.) после окончания университета в 1974 году был принят на работу в качестве ассистента, одновременно он обучался в аспирантуре под руководством Я.В. Зайцева. После защиты диссертации по проблемам немецкого Сопротивления в годы Второй мировой войны в 1987 году он был избран старшим преподавателем кафедры, но через год прошел по конкурсу на должность доцента кафедры истории Куйбышевского института инженеров железнодорожного транспорта. С 27.10.1987 г. и по настоящее время работает там.

10 октября 1975 года после окончания аспирантуры под руководством профессора Я.В. Зайцева на кафедре был оставлен ассистентом Фанис Магасумович Байрамов. Тема его диссертации «Восточная политика правительства В. Брандта» предопределила направление его научных исследований. Байрамов Ф.М. читал курс лекций по истории и культуре Германии и Англии на факультете романо-германской филологии, а на историческом факультете он читал курс лекций по истории южных и западных славян. В 1985 г. он занял должность доцента кафедры. Но в 1990 году он был избран начальником управления народного образования города Уфы и ушел из университета на эту работу. В настоящее время Ф.М.Байрамов – пенсионер на заслуженном отдыхе.

После окончания исторического факультета в 1972 г. на кафедру был принят ассистентом весьма способный и энергичный Крикун Михаил Григорьевич (род. 08.11. 1948 г.). Он вел курсы лекций по истории Азии и Африки, а затем с 1975 по 1979 гг. учился в аспирантуре кафедры новой и новейшей истории МГУ. Возвратившись из аспирантуры в 1979 году, он продолжал работать на кафедре до 1988 года. Затем уволился по семейным обстоятельствам и переехал в Москву, где и продолжает деятельность в московской коллегии адвокатов. Крикун М.Г., по всей вероятности, разочаровался в избранной профессии, не защитил кандидатскую диссертацию по окончании аспирантуры в МГУ, хотя был отличным преподавателем, пользовался авторитетом и уважением среди студентов.

После ухода из жизни В.С. Эйсымонта курс истории южных и западных славян читали Шубин Е.А., Байрамов Ф.М., Тухватуллин Р.Р. и Юсупов Р.Р. Ривкат Рашидович Юсупов работал в БашГУ недолго. Получив блестящую подготовку, он многое усовершенствовал в процессе преподавания курса. Юсупов Р.Р. родился в г. Казани 9 апреля 1950 года, окончил исторический факультет МГУ, после службы в армии в 1976 г.

был оставлен в аспирантуре МГУ, закончив которую, защитил кандидатскую диссертацию в 1979 году. В 1980 г. он был принят на работу в качестве ассистента вышеназванной кафедры истории Башгосуниверситета, где и преподавал до смены места жительства в феврале 1984 года.

Курс истории южных и западных славян в течение 1968-1987 г. вел на кафедре Шубин Евгений Алексеевич. Он родился в Удмуртии 1.01. 1942 года. С октября 1961 г. по август 1964 г. служил в армии, после чего учился на историческом факультете БашГУ, который окончил с отличием в 1968 г. и был оставлен ассистентом кафедры всеобщей истории Башгосуниверситета. Одновременно он учился в заочной аспирантуре при кафедре, научным руководителем был профессор И.С. Киссельгоф. В 1979 г. он избран на должность старшего преподавателя кафедры. В 1978 году он защитил кандидатскую диссертацию по истории Франции. Педантичный и требовательный к себе и к студентам, Евгений Алексеевич слыл настоящей грозой для нерадивых студентов. Не все понимали и принимали принципиальный подход Шубина Е.А., потому он решил сменить место работы и уволился с 31 августа 1987 года.

С 1989 г. на кафедре работал специалист по отечественной истории (истории христианской церкви на Южном Урале) Сергеев Юрий Николаевич. Родился 27 июня 1962 г. в д. Куганак Кармаскалинского района, в 1984 г. с отличием окончил исторический факультет БашГУ и оставлен в аспирантуре под руководством И.Г. Акманова. В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1989 г. перешел на кафедру новой и новейшей истории, где и трудился до 2000 г. Знающий, увлеченный исследователь, Ю.Н. Сергеев затем был приглашен на кафедру историографии и источниковедения, а с 2003 г. в город Бирск, где и продолжает работать в должности доцента Бирской государственной педагогической академии.

С начала 2000-х годов на кафедре трудятся исключительно выпускники аспирантуры по кафедре новой и новейшей истории. В этом есть несомненные преимущества: выше взаимопонимание между доцентами кафедры, меньше противоречий и антагонизмов. Однако в связи с ограниченным финансированием высшего образования сотрудники кафедры лишены возможности поддерживать и развивать научные связи как с отечественными, так и зарубежными университетами. Пока еще эти контакты поддерживаются за счет гуманитарных фондов зарубежных стран. Учитывая крайне низкий уровень зарплаты работников вузов в Российской Федерации, ученые не могут поддерживать научные связи за счет личных сбережений. Есть и другие проблемы на пути развития кафедры. Тем не менее, кафедра

делает максимум возможного в создании условий для научно-исследовательской и учебной работы.

Перспективы развития кафедры весьма значительные. Заведующий кафедрой Р.К. Хабибуллин в 1980 г. с отличием окончил исторический факультет БашГУ и оставлен при кафедре в аспирантуре, которую окончил защитой диссертации в 1988 году. Выпускник знаменитой 91-й школы, он получил отличные знания по английскому языку, что имеет большое значение для научной работы по истории зарубежных стран. Его незаурядные дарования в полной мере раскрылись, когда он в трудные 1990-е годы был заместителем декана факультета, вместе с И.Д. Чигриным прошел солидную школу перестройки, демократизации высшей школы. Заведующий бережно относится к традициям кафедры, активно развивает внешние связи кафедры, показывая своим примером важность этого направления: он работал в Оксфорде, дважды выезжал для научной работы в Гарвардский университет (США). При нем активизировалась научная работа кафедры, заметно вырос и уровень квалификации преподавателей. Ширятся и международные связи кафедры: налажено тесное сотрудничество с Великотырновским университетом (Болгария). В настоящее время Р.К.Хабибуллин совмещает заведование кафедрой с постом декана исторического факультета БГУ.

Активно работает профессионал высокого класса специалист по социальной истории США Рустэм Расфарович Тухватуллин (р. 1961 г.). Окончив исторический факультет БашГУ в 1985 г., он обучался в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории, с 1988 г. ассистент кафедры, после защиты кандидатской диссертации – доцент кафедры. Читает курс новейшей истории стран Европы и Америки, геополитики, по истории международных отношений. Активно сотрудничает с Центрально-европейским университетом (г. Будапешт), где проходил стажировку в 2002 г.

После окончания исторического факультета БашГУ и аспирантуры под руководством И.Д. Чигрина в 1997 г. на кафедре работает талантливый германист Алексей Олегович Целищев. Темой своего научного исследования он с помощью профессора И.Д. Чигрина избрал проблемы истории Веймарской республики. За короткий временной отрезок он опубликовал по избранной теме две монографии, которые получили благоприятный отзыв в среде специалистов по германской истории. А.О. Целищев тесно сотрудничает с научными центрами в Германии, в частности с Рурским и Нассау, в которых работает в течение длительных командировок. Молодой ученый (он родился в 1971 г. в Уфе) был лауреатом премии Министерства образования. Успешная научная работа Целищева сочетается с отличной преподавательской

деятельностью: он читает курс новейшей истории стран Европы и Америки, спецкурсы по германской истории новейшего времени.

Важное место в системе преподавания занимает история культуры, история мировых религий в новое и новейшее время. Эти курсы читал молодой, но весьма успешный выпускник кафедры Григорьев Дмитрий Валерьевич. Разносторонне одаренный, Дмитрий Валерьевич опубликовал монографию по истории немецкой диаспоры в Башкортостане, исследовал проблемы развития польской культуры. Родился 25 августа 1976 г. в г. Белорецке, с 1993 по 1998 г. учился на историческом факультете БашГУ. С 1998 г. аспирант кафедры новой и новейшей истории БашГУ, после защиты кандидатской диссертации в 2002 г. работал на кафедре ассистентом, с 2005 г. доцентом. В 2005 г. ему была присуждена государственная молодежная премия в области науки и техники. К сожалению, Д.В.Григорьев безвременно ушел из жизни летом 2015 г.

После смерти профессора Науменкова О.А. на кафедре появилась вакансия специалиста по новой и новейшей истории стран Азии и Африки. Учитывая важные процессы, которые переживают современные азиатские регионы, особенно Япония, Китай, Индия, ближневосточные страны, это направление преподавания следует вести на очень высоком уровне. Поэтому на кафедру был приглашен из института истории РАН молодой перспективный этнолог и историк Шаяхметов Фидаиль Фанильевич. Он окончил Башкирский государственный университет в 1988 году, затем аспирантуру под научным руководством Р.З. Янгузина в 1993 г. После защиты кандидатской диссертации работал старшим научным сотрудником института истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН, а с 1999 г. - доцентом кафедры новой и новейшей истории. Автор двух монографий по проблемам этногенеза башкир и многих научных статей (более 60), он успешно ведет курс истории регионов.

Черникова Лариса Петровна окончила исторический факультет Башгосуниверситета в 1990 году, обучалась в аспирантуре на кафедре новой и новейшей истории БашГУ. После защиты диссертации по теме «Консервативная партия Великобритании и политика протекционизма (1848-1952 гг.)» работала на кафедре ассистентом, старшим преподавателем и доцентом. Она определила специализацию по истории Китая. В 1998-2005 гг. она стажировалась в КНР (г. Шанхай, г. Сучжоу). За время стажировки она прошла двухгодичную языковую подготовку в Восточно-Китайском педагогическом университете, работала по сбору материалов к научной публикации в Шанхайской городской библиотеке, в Шанхайском историческом архиве. В настоящее время работает в Москве.

На кафедре в последнее время значительную нагрузку выполняет выпускник исторического факультета БашГУ Хайретдинов Руслан Фанурович. Родился 11.11.1978 г. в селе Минзитарово Иглинского района. В 2000 г. окончил истфак БашГУ и начал трудовую деятельность в качестве ассистента кафедры новой и новейшей истории. В 2002 г. поступил в аспирантуру, окончив ее, в 2006 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Карим Хакимов - революционер, дипломат». В настоящее время старший преподаватель кафедры.

С 2001 года по 2011 год на кафедре сотрудничала доцент Чигрина Алла Ивановна, выпускница факультета 1989 года, кандидат исторических наук с 1995 г., дочь профессора Чигрина И.Д. Работая в Башгоспедуниверситете, согласилась сотрудничать и с нашей кафедрой. Скромная, старательная и требовательная, Алла Ивановна проводит очень большую работу по руководству семинарскими занятиями, курсовыми проектами по новейшей истории стран Европы и Америки.

Итак, становление кафедры новой и новейшей истории БашГУ проходило в три этапа. Первый период - с преобразования педагогического института в университет в 1957 г. и до середины 70-х годов характерен тем, что комплектование кафедры происходило путем привлечения ученых из других учебных заведений и научных центров России.

Этот период становления коллектива из разных сотрудников, однако, к чести руководства университетом, в БашГУ прибывали сотрудники высокой квалификации, уже известные в университетских кругах, эти люди смогли заложить хорошие основы кафедры, прочные традиции, которые сохраняются и в настоящее время. Следующий этап становления кафедры - это конец 1970-х-1990-е годы. С появлением аспирантуры на кафедре началась активная подготовка научных кадров из числа выпускников нашей кафедры путем отбора наиболее способных, толерантных и в то же время принципиальных историков, способных вести и преподавательскую работу.

И, наконец, с 1990-х годов и по настоящее время формирование кафедры происходило за счет исключительно выпускников нашей кафедры и окончивших аспирантуру при этой же кафедре или на смежных кафедрах факультета.

© Лаптев Б.Н., 2015.

А.О. Целищев
(БашГУ, Уфа)

A. O. Tselishchev
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ВКЛАД И.Д. ЧИГРИНА В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ

THE CONTRIBUTION OF I. D. CHIGRIN IN THE STUDY OF THE HISTORY OF GERMANY

Статья посвящена научным исследованиям видного ученого-германиста Ивана Дмитриевича Чигрина. Подвергнуты анализу основные направления исследований, также освещены его преподавательская и административная деятельность.

The article is devoted to the research of the prominent Germanic scientist Ivan Dmitrievich Chigrin. Analyzed the main areas of research are also reflected his teaching and administrative activities.

Ключевые слова: социальная политика немецкой социал-демократии, отечественная германистика.

Keywords: the social policy of the German social democracy, the domestic Germanic studies.

Сложно писать о близком человеке. Кажется, что упускаешь из виду самые главные черты его характера. Время стирает из памяти те моменты, которые и закладывают основу межличностных отношений. Вдвойне тяжело писать о человеке как ученом, историке. История - наука неблагодарная. Она забывает своих «творцов» - историков. История переписывается каждым новым поколением историков: потомки никогда не смотрят на прошлое глазами своих отцов. Оценить вклад историка в историческую науку представляется делом, требующим точности в характеристике творчества ученого, понимания контекста той эпохи, в которой он жил и творил.

Иван Дмитриевич Чигрин – выходец из крестьянской семьи. Трудолюбие, внимание к деталям, тонкое понимание сущности человека были характерны для него. Он всегда пробивал дорогу вперед сам. За ним не стояли те, кто мог бы поддержать его или оказать протекцию. Устремленность вперед и чувство собственного достоинства составляли основу его характера. В школе он начал изучать немецкий язык. Знание языка он расценивал всегда как основу работы историка с историческим материалом. Поэтому выбор Германии как области научных интересов Чигрина становится понятен. Он постоянно совершенствовал знания

немецкого языка, использовал любую возможность для тренинга языковых познаний.

После окончания исторического факультета Башкирского государственного университета он, как один из лучших выпускников, получил возможность продолжить образование в очной аспирантуре Московского государственного университета. Его научным руководителем стала известный советский историк профессор Мария Ивановна Орлова. В качестве темы кандидатской диссертации И.Д. Чигрин избрал практически неисследованную сферу для советской исторической науки – проблему соучастия рабочих в управлении производством в теории и практике СДПГ после Второй мировой войны. Тема диссертации ставила острые политические вопросы о путях развития международного рабочего движения, наличии альтернатив коммунистическому варианту построения социалистического общества. Именно с тех пор выработалась приверженность Ивана Дмитриевича Чигрина демократическому социализму, в теории которого он и видел способ решения проблем социальной справедливости. В 1972-1973 гг. молодой аспирант Чигрин И.Д. прошел годичную стажировку в ведущем университете Германской Демократической Республики – Берлинском университете им. А. Гумбольдта. Пребывание в Берлине наложило глубокий отпечаток на всю личность Ивана Дмитриевича: пунктуальность, точность в мелочах, внимание к деталям, толерантность стали нормой его поведения. Пребывание за границей расширило духовный горизонт И.Д. Чигрина.

Кандидатская диссертация И.Д. Чигрина стала новым словом в отечественной германистике. Он отказался от огульной критики Социал-демократической партии Германии, которая господствовала в советской исторической науке того периода. Он стремился правдиво проанализировать концепции реформирования капиталистического общества, которые вырабатывались в социал-демократической среде в конце 40-х-60-х гг. XX века.

После окончания аспирантуры МГУ И.Д. Чигрин возвратился в Уфу, на кафедру всеобщей истории исторического факультета Башкирского государственного университета, которую в тот период времени возглавлял известный специалист по истории Франции И.С. Киссельгоф. Здесь, в Башкирском государственном университете, И.Д. Чигрин прошел путь от ассистента до видного отечественного историка-германиста, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой новой и новейшей истории, декана исторического факультета.

После защиты кандидатской диссертации в МГУ он решил не идти проторенным путем, расширяя уже проштудированную проблему соучастия рабочего класса в управлении предприятий в ФРГ. Чигрин

решает сменить ракурс исследований. Он обратился к изучению малоисследованных проблем истории Веймарской республики, прежде всего, истории Социал-демократической партии Германии. Именно в идейно-политических дискуссиях эпохи Веймарской республики видел он предпосылки формирования теории соучастия. С 1984 г. он, совмещая учебную и научную работу, публикует серию добротных статей в авторитетных научных изданиях по проблемам социально-политического и социально-экономического развития Веймарской республики, о политике СДПГ по повышению жизненного уровня трудящихся, выработке социал-демократией путей реформирования капиталистического общества¹. Итогом его научных изысканий стали две монографии, получившие высокую оценку в научных кругах. В 1991 г. он публикует первую из них под названием «Социальная политика и рабочее движение Германии в период революционного подъема 1918-1923 гг.»². В 1993 г. вышла в свет его работа «Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг.»³. Их публикация пришлась на переломный этап в истории нашего государства. Развал СССР и крах «реального социализма» привели к глубокому кризису исторической науки. Развивавшаяся под строгим контролем органов КПСС и ограниченная вульгарным толкованием марксизма, навязываемого науке партийными чиновниками, советская историческая наука оказалась застигнутой врасплох коренной трансформацией общества на рубеже 80-90-х гг. XX в. Коммунистические рецепты оказались бесполезными в условиях перехода к рыночной экономике, резкого сокращения социальной политики государства и поверхностной демократизации общественного устройства. В такой ситуации анализ социал-реформистской модели преобразования государства и общества получал новое звучание. Иван Дмитриевич не пошел простым путем, когда позиция историка в ситуации перелома меняется на противоположную тому, что он защищал и отстаивал ранее. Иван Дмитриевич последовательно отстаивал идею социальной справедливости как стержневой идеи развития общественных отношений, когда честь и достоинство человека является мерилom зрелости общества. Пристальное внимание И.Д. Чигрин уделял концепции «хозяйственной демократии», которая была разработана во второй половине 1920-х гг. теоретиками германской социал-демократии. В ней он видел реальный вариант реформирования экономической сферы капиталистических производственных отношений. Основные элементы концепции – улучшение социальных условий трудящихся, усиление роли рабочих в управлении производством – стали реалиями в западных странах после Второй мировой войны, необходимым элементом социального рыночного хозяйства. К сожалению, социально-реформаторский потенциал социал-

демократического варианта экономического развития не был востребован в период проведения «радикальной экономической реформы» начала 1990-х гг., которая осуществлялась за счет широких и наименее обеспеченных слоев народов России. Социальная несправедливость возмущала Чигрина как в его теоретических изысканиях, так и в жизни.

И.Д. Чигрин переписал в значительной мере ту негативную картину СДПГ и социал-демократических теоретиков и практиков, которая господствовала в советской исторической науке. Жесткой и оправданной критике подверг он тактику Коминтерна и Коммунистической партии Германии. Чигрин И.Д. дал новую интерпретацию целому периоду германской истории. Оправдан поэтому тот факт, что в наиболее авторитетном современном трехтомном издании по истории Германии И.Д. Чигрин назван в числе тех крупных отечественных историков, которые сформировали новое видение истории Германии. Заслуженным признанием его научных достижений стала защита в 1994 г. докторской диссертации «Социальная политика социал-демократии и свободных профсоюзов в Германии в 1918-1928 гг. (теория и практика)» в одном из ведущих вузов России – Уральском государственном университете имени А.М. Горького. После защиты докторской диссертации Иван Дмитриевич продолжил работу над изучением истории Веймарской республики, опубликовал целую серию статей о судьбах веймарской демократии, планировал издание монографии по теории и практике СДПГ в период мирового экономического кризиса и распада Веймарской республики в 1929-1933 гг.

Мне выпал счастливый шанс быть сопричастным жизни этого замечательного человека. Я встретил Иван Дмитриевича Чигрина, когда он был уже сформировавшимся ученым и педагогом. Будучи студентом, я посещал лекции и семинары, которые проводил И.Д. Чигрин по курсу «История новейшего времени стран Европы и Америки». В ходе занятий Иван Дмитриевич умел всегда сочетать высокий научный уровень с легкостью изложения материала, настроить аудиторию и повести ее за собой, распутывая сложную паутину проблем мировой истории периода между двумя мировыми войнами.

Наиболее тесный период сотрудничества с профессором Чигриным выпал на период моего обучения в очной аспирантуре Башкирского государственного университета. Я был первым аспирантом профессора Чигрина. Иван Дмитриевич был строгим, но справедливым научным руководителем. Тема моей кандидатской диссертации была выбрана им таким образом, чтобы она примыкала к сфере его собственных научных интересов, и он мог консультировать меня не только по формальным, но и содержательным аспектам научной проблемы. Требовательность –

такова была его основная черта как научного руководителя. Он прочитывал написанное мною от начала до конца и не один раз. Он желал и требовал от меня, чтобы ясность мысли отражалась в четкости изложения. Требование переделать, переписать, переосмыслить - это содержалось в его замечаниях к тексту рукописи диссертации. С другой стороны, он предоставлял полную свободу в подходах к анализу политической активности Социал-демократической партии Германии в период Веймарской республики. Никогда Иван Дмитриевич не выступал против тезисов, которые я как аспирант выдвигал в качестве теоретических основ диссертации, даже в тех случаях, когда они шли вразрез (или совпадали не полностью) с идеями И.Д. Чигрина. Чигрин всегда уважал иную точку зрения, если она была аргументирована. На мой взгляд, такой подход к работе с аспирантами соответствует духу университета. Академическая свобода, освобождение научных изысканий от догматического контроля и высокий уровень предъявляемых требований к научной публикации и должны составлять базис деятельности ученого. Удачная защита мною кандидатской диссертации была во многом обусловлена работой моего научного руководителя и высоким уровнем требований, которые Иван Дмитриевич предъявлял ко мне, да и к самому себе как научному руководителю диссертационного исследования. Иван Дмитриевич умел радоваться успехам других людей и был искренен в этом. Я всегда ощущал поддержку со стороны моего научного руководителя.

К сожалению, жизнь И.Д. Чигрина оборвалась на взлете его научной карьеры. Во второй половине 1990-х гг. к нему пришло заслуженное признание как одного из ведущих российских исследователей истории Германии. Его приглашали выступать первым оппонентом целого ряда докторских и кандидатских диссертаций по истории Германии. Он активно участвовал, несмотря на всю загруженность административной и учебной работой, в научных конференциях. Последние два года его жизни я имел честь работать с ним как ассистент кафедры новой и новейшей истории, которой он руководил. Он терпеливо объяснял мне основы работы преподавателя высшей школы, требовал повышения уровня и качества читаемых мною учебных курсов. Ивана Дмитриевича заслуженно называли «народный декан». Чигрин всегда стоял на страже интересов исторического факультета Башкирского государственного университета, его преподавателей, сотрудников и студентов. Во второй половине 80-х - 90-х гг. XX века исторический факультет БашГУ был одним из ведущих академических центров России, пользовавшийся заслуженным уважением и признанием. В этом была большая заслуга Ивана Дмитриевича, который заботился о поддержании контактов с другими университетами и вузами. Он умел

найти язык с разными людьми, которые составляли профессорско-преподавательский состав исторического факультета, стремился найти пути сглаживания противоречий, которые всегда имеются в коллективе людей, занимающихся научным творчеством. Сам сильный духом, он понимал слабости человеческие, всегда прощал тех людей, которые не принимали его или не желали принимать.

Требовательность и терпимость, уважение к человеку и его достоинству – таковы, на мой взгляд, основные качества Ивана Дмитриевича. Таким я его и помню: честным, открытым, доброжелательным, толерантным и требовательным. Добрая память об этом чистом и искреннем человеке, известном ученом, прекрасном администраторе навсегда остается в моем сердце.

Литература:

1. Чигрин И.Д. Борьба в Веймарской Германии вокруг закона о производственных советах// Рабочий класс и современный мир. – 1985. – № 2. – С. 166–172; Чигрин, И.Д. Пролетариат Веймарской Германии в борьбе за 8-часовой рабочий день// Рабочий класс и современный мир. – 1987. – № 6. – С. 152-157 и др.

2. Чигрин И.Д. Социальная политика и рабочее движение Германии в период революционного подъема 1918-1923 гг./ И.Д. Чигрин. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1991.

3. Чигрин И.Д. Рабочая политика социал-демократии и профсоюзов Германии в 1918-1928 гг. / И.Д. Чигрин. – Уфа: Изд-во БашГУ, 1993.

© Целищев А.О., 2015.

ЧАСТЬ II. Актуальные проблемы истории Германии

Н.А.Бессилин
(БашГУ, Уфа)

N. A. Bessilin
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ГЕРМАНИЯ И НЕМЦЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЖАНА ЖУВЕНАЛЯ ДЕЗ ЮРСЕНА

GERMANY AND GERMANS IN THE IMAGE JEAN JOUVENAL DES YURSEN'S MISINFORMATION

Аннотация: В статье рассматривается отражение в хронике Жана Жувеняля дез Юрсена отдельных событий истории средневековой Германии. Выделенные эпизоды исследуются главным образом с точки зрения франко-германских отношений и в контексте узловых проблем международных отношений в средневековой Европе.

Abstract: The article deals with a reflection in the chronicle of Jean Juvénal des Yursena individual events history of medieval Germany. Dedicated episodes studied mainly from the point of view of Franco-German relations and in the context of the key problems of international relations in medieval Europe.

Ключевые слова: Германия, Франция, немцы, Столетняя война, Схизма, Османская империя, битва при Никополе.

Keywords: Germany, France, the Germans, the Hundred Years War, Schism, the Ottoman Empire, the Battle of Nikopol.

«История Карла VI» Жана Жувеняля дез Юрсена (1388-1473), крупного религиозного и политического деятеля Франции XV в., содержит богатую информацию по различным проблемам французской и европейской истории времен драматического правления французского короля Карла VI (1380-1422)¹.

Также на страницы исторического труда попали и некоторые события из истории средневековой Германии, переживавшей в это время трудный этап углубляющейся политической децентрализации.

Еще в начале 30-х гг. XIII в. для правителей Англии и Франции поддержка со стороны Германской империи представляла безусловный интерес. В это время наметилось франко-германское сближение. Но с середины тех же 30-х гг. XIII в. происходит англо-германское сближение, продиктованное реальными внешнеполитическими интересами английского короля Генриха III (1216-1272) и германского императора

Фридриха II Штауфена (1212-1250). В течение XIII в. роль Германской империи в контексте англо-французских отношений постепенно уменьшалась, а в начале XIV в. практически сошла на нет. Хотя отношения французского короля Филиппа IV (1285-1314) и германского императора Генриха VII (1308-1313) в начале XIV в. были юридически урегулированы договором 1310 г., в котором провозглашались «союз и дружба»².

В самом начале Столетней войны (1337-1453), крупнейшего международного конфликта эпохи Средневековья, немцы и для англичан, и для французов представлялись ненадежными союзниками. Выступившие на стороне Филиппа VI (1328-1350) король Чехии Ян Люксембургский и герцог Лотарингский горячо отговаривали его от битвы с англичанами, пугая возможным поражением. Германские союзники английского короля Эдуарда III (1327-1377) вообще покинули английскую армию³. К 1341 году., под влиянием папы Бенедикта XII, рухнул союз Эдуарда III с германским императором Людовиком Баварским (1313-1347), который лишил английского короля титула викария империи и, выступив инициатором заключения англо-французского мира, фактически, поддержал Филиппа VI Валуа⁴. Кстати, в битве при Креси, в августе 1346 г., в которой, как известно, французы потерпели страшное поражение, среди погибших самых знатных представителей французской стороны были и немцы - король Чехии и герцог Лотарингский⁵.

В отличие от Англии и Франции, которые в XIV-XV вв., несмотря на все сложности, заметно укрепили свою государственность, политическое развитие германских земель шло по-иному, по пути усиливающейся политической децентрализации⁶. Власть императора, хотя формально и признавалась князьями и имперскими городами, становилась все более и более номинальной. Теперь император избирался не на общеимперских сеймах, а в особой коллегии наиболее влиятельных князей - курфюрстов, в число которых входили архиепископы Майнцский, Кельнский и Трирский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский, маркграф Бранденбургский и король Чехии. Император Карл IV Люксембург (1348-1378), озабоченный более всего укреплением своей власти в Чехии и расширением личных владений, закрепил политический распад империи, издав в 1356 г. «Золотую буллу». Булла, как своеобразная «конституция княжеского многовластия», подтверждала все ранее приобретенные привилегии курфюрстов, признавала полный суверенитет князей в их владениях, узаконивала войны между феодалами, вновь запретила союзы городов. Она подробно регламентировала избирательную процедуру. Согласно булле избрание производилось во Франкфурте-на-Майне под председательством архиепископа

Майнцского, и избранным считался получивший большинство голосов (четыре из семи). Первой обязанностью вновь избранного короля было «подтвердить и одобрить своими грамотами и печатями все привилегии» курфюрстов и их имперские лены, каждому в отдельности и всем вместе. То же самое он должен повторить и после коронации в императоры авторитетом императорской власти. Наиболее высокий сан среди духовных князей-избирателей сохранялся за архиепископом Майнца, а среди светских – за королем Чехии (Богемии). Золотая булла донесла свою конституционную силу до упразднения «Священной Римской империи»⁷.

В XIV веке на императорском (и королевском) престоле сменялись представители трех династий – Люксембургов (которые одновременно были королями Чехии), Габсбургов (герцогов Австрийских) и Виттельсбахов (герцогов Баварии и графов Пфальца)⁸. Виттельсбахи с 1329 г. делились на две ветви. В XV в. в семье доминировала старшая (пфальцская) ветвь, владевшая территориями в Баварии севернее Дуная (Нордгау), позднее названными Верхним Пфальцем, и по обеим сторонам Рейна – Нижним Пфальцем. Пфальцграфы Рейнские носили титул имперских стольников (трухзесов) и имперских викариев в Южной Германии. Младшая ветвь наследовала звание герцогов Баварских и владела в различные периоды, кроме отдельных частей Баварии, также провинциями Бранденбургом (1343-1373), Тиролем (до 1363), Голландией и Эно (Геннегау, до 1404 г.). В дальнейшем рейнская ветвь приняла протестантизм, а баварские Виттельсбахи, объединив всю Баварию, склонились к католицизму и поддержали императоров Габсбургов⁹. Не пользуясь реальной властью в стране, императоры, так же как и в XIII в., стремились использовать пребывание у власти лишь для того, чтобы расширить свои наследственные владения¹⁰. Нередко два претендента соперничали друг с другом.

Германский король и император Людвиг Баварский Виттельсбах (1314-1347) сделал последнюю попытку реализовать имперскую власть над Италией, выступив в большой армии против папы Иоанна XXII и поддержав враждебную ему римскую аристократию (1327-1330 гг.). Поход этот, однако, кончился полным провалом. Людвиг оттолкнул от себя князей, которые после его смерти, в 1348 г. выбрали императором чешского короля Карла I Люксембурга под именем Карла IV (1348-1378). Откупившись от князей изданием Золотой буллы, Карл направил свои усилия на то, чтобы захватить корону Польши и Венгрии. В Польше его постигла неудача, но в Венгрии путем династического брака ему удалось сделать королем своего сына, будущего императора Сигизмунда. Карл IV разделил огромные накопленные им земельные владения между тремя сыновьями, так что старший, Вацлав, получил Чехию и Силезию,

большую часть Лужицкой земли и некоторые мелкие владения, Сигизмунд – Бранденбургскую марку, Иоанн – остальную часть Лужицкой земли, а Моравия выпала на долю сыновей умершего Иоанна-Генриха¹¹. После смерти императора Карла IV на престол вступил его восемнадцатилетний сын Вацлав (1378-1400), на правление которого пришлось обострение внутривосточной ситуации в империи.

Что касается внешней политики империи, в целом, в XIV-XV вв. традиционная итальянская политика Германии отошла на второй план по сравнению с X-XIII вв. Империя отказалась от борьбы с Анжуйским домом, укрепившимся в Сицилийском королевстве и на юге Италии. После захвата в 1365 г. графства Бургундии у ослабленной поражениями в Столетней войне французской монархии, которую поддерживало папство, центр германской внешней политики надолго перемещается на восток и юго-восток.

Одним из ее направлений в XIV-XV вв. было усиление немецкой колонизации в Чехии. Чешские короли, хотя и являлись курфюрстами Германской империи, войдя в первой половине XIV века в состав владений Люксембургов, пытались отстаивать собственную политику.

Впервые упоминания о германских государствах в хронике мы находим при описании событий 1385 года в связи с поиском невесты для неженатого Карла VI. Об этом говорится следующее: «Король был еще не женат и многие очень крупные сеньоры старались заключить с ним союз и не без причины. И в разные и многие страны отправили художников, чтобы привезти как можно более точные изображения лиц тех, о ком ему говорили. И, в конце концов, той, кто ему понравилась больше всех стала Изабелла Баварская, которая была молода, красива, учтива и имела хорошие манеры»¹². Кстати, французский историк Бурассен Е., описывая первую встречу юного Карла VI с Изабеллой Баварской утверждает, что король сразу влюбился в нее¹³.

В хронике монаха из Сен-Дени, также посвященной французскому королю Карлу VI, приводятся сведения о трех партиях при дворе, предлагавших своих кандидаток на роль французской королевы, причем все они происходили из немецких земель. В частности, Филипп Бургундский предлагал дочь герцога Баварского Этьена II Изабеллу, часть знати выступала за брак с дочерью герцога австрийского Марией. Имелись и сторонники брака с дочерью герцога Жана Лотарингского, тоже Изабеллой¹⁴.

В этом же 1385 году в городе Амьене брак короля Карла VI и Изабеллы Баварской был отмечен, по словам Жувеняля, большими празднествами¹⁵. Таким образом, однозначно положительным отношением к этому династическому браку Жувеняль показал и большое

значение германских государств во французской внешней политике конца XIV в.

В этом же русле устойчивого внимания к германским сюжетам можно отметить и другие сведения хроники, в которых фигурируют немцы. Например, среди событий 1387 г. сообщается о смерти и похоронах кардинала Люксембургского, деятельности которого дается весьма высокая оценка¹⁶.

В перечне событий следующего, 1388 года, довольно подробно описывается конфликт немецкого герцога Гейдельбергского с самим французским королем Карлом VI, в котором четко прослеживаются линии взаимодействия французской монархии и германских государств. В частности, показана высокая степень политической раздробленности Германии, в которой властители отдельных княжеств проводят фактически независимую внешнюю политику, показана также зависимость отдельных немецких государств от Франции и ее материальная подоплека - зримая военная мощь относительно централизованной французской монархии по сравнению с военными силами небольших германских княжеств¹⁷.

Если в конфликте Карла VI и немецкого герцога Гейдельбергского трудно выявить причины столкновения, то, описывая конфликт могущественного французского графа Сен-Поля и короля Богемии в 1392 году и из которого победителем вышел французский граф, Жувеналь прямо говорит о его финансовой подоплеке¹⁸. В этом сообщении хрониста находят отражение не только влияние французского короля на взаимоотношения французских и немецких сеньоров, но и различные формы этих отношений, включая финансовые.

Эти важные многоплановые и тесные связи и французского короля, и крупных сеньоров Франции с немецкими князьями, особенно в приграничных областях, ясно прослеживаются и в информации о конфликте короля Франции и герцога Лотарингского. Впервые сведения о нем мы обнаруживаем в событиях 1406 г., среди которых весьма скупо говорится об этом деле, которое едва не дошло до военного противостояния. Видимо, прямая угроза применить силу заставила немецкого князя просить у короля мира и по этой причине уже выступившие королевские войска были возвращены¹⁹. Не лишним будет заметить, что этот неприятный эпизод произошел в условиях обострения внутривосточной ситуации во Франции, которое отражалось в арманьяко-бургиньонском противостоянии²⁰. Кстати, главное действующее лицо этих феодальных распрей внутри французского королевства, герцог Бургундии, фигурирует и в весьма подробном описании перипетий вассально-ленных отношений короля и названного

герцога Лотарингского в событиях 1412 г., когда в их разбирательстве принимает участие даже Парижский Парламент²¹.

Одна из наиболее значительных проблем в международной жизни Западной Европы XIV-XV вв., которая также влияла на Францию и Германию, была связана с судьбой Византийской империи. Византия и славянские государства Балканского полуострова уже с начала XIV в. ощущали нарастающую угрозу со стороны Османской империи. Успехи османов в завоевании Балканского полуострова в 60 - начале 90-х гг. XIV в. заставили до того бездействовавшие государства Западной и Центральной Европы попытаться остановить дальнейшие завоевания турок в Европе.

Немецкий князь Сигизмунд Люксембург, ставший в 1387 г. и королем Венгрии, наиболее остро ощутил реальную опасность турецкого вторжения и выступил организатором крестового похода²². В 1393 году, как сообщает Жувеналь, коннетабль Франции граф д'Ё был направлен королем Карлом VI на помощь венгерскому королю в его борьбе против турок. Однако, по словам хрониста, когда «государь турок узнал, что французы пришли с ним сражаться, он отказался от войны против короля Венгрии». И затем, сообщает хронист, «граф д'Ё, огорченный, что ему не удалось завязать войну с сарацинами, узнал через донесение добрых людей, что король Богемии не соблюдал многие положения веры и не хотел воевать с сарацинами, и потому был не лучше сарацин и поэтому (граф - Н.Б.) ударил по названному королевству. Он подчинил короля и всю страну, и вернулся с большой честью и похвалой»²³.

Эти же грабежи населения, составляющие постоянный фон всех военных конфликтов Средневековья, под какими бы лозунгами они не проводились, отражены и в событиях 1396 г., среди которых хронист рассказывает о движении через Германию французских войск, направляющихся на борьбу с турками: «Таким образом, они отправились и проехали через Германию, где нашли много удовольствия и милости: но тем не менее, они не оставляли ничего из того, что грабили и крали, и совершали бесконечное зло грабежом и воровством, похотливостью и бесчестными делами. И таким образом прошло, прежде чем они отправились в намеченный путь, более трех месяцев. И, не жалея добра и людей, переплыли Дунай, широченную реку»²⁴.

25 октября 1396 г. близ Никополя на Дунае состоялось одно из крупнейших сражений европейских народов с турками, в котором приняли участие рыцари Венгрии, Франции, Германии, Чехии, Польши. Оно закончилось полным поражением недостаточно организованного и не подчинявшегося единому руководству рыцарского войска²⁵. В этом рассказе о битве с турками при Никополе в 1396 г., Жувеналь упоминает и народы немецких земель, а среди руководителей христианского войска

наиболее трезвым и рассудительным показан король Венгрии, упомянутый уже немецкий князь Сигизмунд. Умным советам Сигизмунда, которые наиболее объективно учитывали мощь османского войска, противостоит спесивость и недостойное поведение большинства французских сеньоров, прямо названные Жувеналем главными причинами поражения крестоносцев: «И стало всем известно, что вышеуказанное поражение случилось с французами и христианами из-за гордости французов и от того, что они не хотели верить венгерскому королю. А также, что Бог допустил это за их грехи, так как они много совершали зла и разврата, всегда играли в распутные игры... Когда новости узнали во Франции, поднялся великий плач и всеобщее горе и не без причины. А также женщины и девушки стали вдовами без мужей, а дети без отцов».²⁶

Помимо турецкой опасности, важной проблемой европейских международных отношений был раскол в католической церкви, так называемая Великая Схизма (1378-1417)²⁷. Французский король, принцы крови, другие крупные сеньоры и прелаты Франции, а также Парижский университет были вовлечены в этот конфликт, также нашедший яркое отражение на страницах хроники Жувеняля. В связи с ним несколько раз фигурируют и представители Германской империи. Например, в событиях 1397 г. Жувеналь сообщает о приезде во Францию короля Богемии и посольства из Германии для прекращения церковной схизмы, чему французский король «был очень доволен»²⁸.

О событиях в самой Германии Жувеналь сообщает среди деяний 1400 года: «Король Богемии, который был избран императором Германии, по каким-то причинам ордонансом избирателей империи и церковнослужителей, принцев и немецкой знати был лишен императорской власти. Некоторые говорили, что это было с его согласия. И был объявлен императором герцог Роберт Баварский, который считался добрым и храбрым государем. И поэтому отправили от названного императора и тех из Германии к королю. А также чтобы помог урегулировать схизму и добиться единства в Церкви». Хронист не забыл отметить и состоявшуюся коронацию германского монарха «...с большой торжественностью, в обычной форме и обычным способом»²⁹. Несмотря на традиционное тяготение Баварского дома к Франции, английскому королю Генриху IV (1399-1413) удалось добиться заключения династического брака между своей дочерью и сыном германского императора Роберта Баварского (Руперта Пфальцского)³⁰.

Рупрехт (Руперт) Пфальцкий (1401-1410) скончался в 1410 году в период ожесточенной борьбы за императорскую власть среди самых влиятельных германских князей. После бурных дебатов, в июле 1411 г. на

Франкфуртском рейхстаге германским королем единогласно был избран король Венгрии Сигизмунд I (1410-1437).

Император Сигизмунд, мечтавший о великой державе под главенством Люксембургов, пытался упрочить свою власть, участвуя в восстановлении единства церкви, гонениях на еретиков, строя планы большой коалиции европейских государств против растущей турецкой опасности. Однако попытка императоров Люксембургов – Вацлава и Сигизмунда – укрепить свою власть в Германии были безуспешны. Ее политический распад продолжался. В германских землях, где князья фактически были почти полностью самостоятельными, междоусобия крупных феодалов были связаны с борьбой за королевский титул, которая облегчалась тем, что королевская власть оставалась выборной. Боровшиеся за престол князья домогались здесь не столько контроля за весьма скромными в Германии королевскими финансами, сколько возможности, став королем, вести свою узкодинастическую политику, т.е. расширять в период царствования территорию своих владений, а вместе с тем доходы и политическое влияние³¹.

Последними обнаруженными историческими зарисовками Германии и немцев в хронике дез Юрсена являются сведения о визитах императора Сигизмунда I сначала во Францию, а затем – в Англию. Французский визит императора упомянут среди событий 1415 г. Здесь хронист сообщает не только о самом факте императорского приезда в Париж, но и описывает церемонию встречи, его цель, не забывает указать о посещении императором и Парижского Парламента, и о дискуссиях по поводу прерогатив королевской и императорской власти. Жувеналь счел необходимым остановиться и на «культурной части» визита – посещении императором парижских дам, совместном обеде, танцах и других развлечениях с французским королем и с ними, и подарках императора каждому участнику этого праздника (кому золотое кольцо, кому – золотой жезл, правда, как отмечает Жувеналь, не очень большой стоимости)³². Еще находясь в Париже Сигизмунд I, пытаясь способствовать прекращению военного англо-французского конфликта, заявлял о своем желании посетить и Англию.

И Жувеналь также информирует читателей хроники об этом визите императора в Лондон³³. Этот визит Басовская Н.И. расценивает как дипломатические шаги английского короля Генриха V (1413-1422) с целью получения международной поддержки³⁴. Заключение официального союза с императором было успехом, который мог в будущем обеспечить Англии поддержку на континенте. Кроме того, с помощью графа Голландии, Зеландии и Геннегау (Эно) Вильгельма и императора, английский король создавал некоторое время в глазах общественного мнения Европы видимость готовности к заключению мира. Под флагом

мирных переговоров Генрих V прибыл осенью 1416 г. вместе с императором Сигизмундом в Кале и встретился там с герцогом Бургундским Жаном Бесстрашным (1404-1419). Однако, вместо англо-французского мира эта встреча привела к созданию англо-бургундского союза. Договор, в котором герцог признал законными права Генриха V на французский трон и обещал ему военную помощь, был крупным достижением английской политики³⁵.

Таковы в общих чертах выявленные нами германские сюжеты в хронике Жана Жувенала дез Юрсена «История Карла VI».

Литература:

1. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI./ Par Buchon J.A.. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France. P., 1839; Péchenard P.-L. Jean Juvénal des Ursins, historien de Charles VI, évêque de Beauve et de Laon, archevêque-duc de Reims...P., 1876.

2. Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. М., 2002. С. 82-85, 160-161.

3. Там же. С. 103.

4. О предоставлении должности викария империи Эдуарду III см.: Калмыкова Е.В. Нужна ли английскому королю корона Священной Римской империи?//Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. – М.: Наука, 2011. – С.448-473.

5. Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. С. 196.

6. Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность. М., 1977, с. 192.

7. Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977, с. 186. Ряд проблем, связанных с Золотой буллой рассматриваются в: Бойцов М.А. Золотая булла 1356 г. и королевская власть в Германии во второй половине XIV в.//Средние века. М., 1989. Вып. 52. С. 25-46; Бойцов М.А. Золотая булла 1356 г.: Империя как тело, виноградная лоза и «священное здание» //Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. – М.: Наука, 2011. – С.89-120.

8. История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М., 1992, с. 308-309.

9. Всемирная история. Т. 2. – М.: Наука. – 2012. – С. 745..

10. Правда, в отечественной историографии имеются и более сдержанные оценки слабости императорской власти в Германии. См. раб. Бойцова М.А. Германский император XIV в.: инструменты реализации власти (к постановке проблемы)//Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. I. М., 1992, с. 106-114.

11. Егер О. Средние века. СПб., 1997, с. 494-495
12. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI./ Par Buchon J.A.. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France. P., 1839. P. 350.
13. Bourassin E. La cour de France à l'époque féodale (987-1483). P., 1975. – P. 299-302.
14. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le regne de Charles VI, de 1380 a 1422. T. 1, Paris, 1839, p. 357-359.
15. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 354.
16. Ibidem, p. 359;
17. Ibidem, p. 362-363.
18. Ibidem, p. 379.
19. Ibidem, p. 435.
20. Бессилин Н.А. Феодалные распри на страницах “Истории Карла VI” Жана Жувеняля дез Юрсена // От древности к новому времени. Вып. IV. Уфа, 2002. С. 55-62.
21. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 475.
22. Егер О. Средние века. СПб., 1997, с. 494-495.
23. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 385, 398.
24. Ibidem.
25. История Европы. Т.2..., с. 543-544.
26. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 398-399.
27. Лозинский С.Г. История папства. М., 1986; Rapp F. L'Eglise et la vie religieuse en Occident à la fin du Moyen Age. P., 1971; Бессилин Н.А. Великая Схизма (1378-1417) в изображении Жана Жувеняля дез Юрсена // От древности к новому времени (Проблемы истории и археологии). Уфа, РИЦ БашГУ, 2008, с. 89-96.
28. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 402-403.
29. Ibidem, p. 410.
30. Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. С. 264.
31. История Европы. Т.2..., с. 288-289, 308-309.
32. Jean Juvénal des Ursins. Histoire de Charles VI..., p. 530.
33. Ibidem, p. 532.
34. Басовская Н.И. Столетняя война 1337-1453 гг. М., 1985, с. 105.
35. Басовская Н.И. Столетняя война 1337-1453 гг. . 105-106. Некоторые особенности визита германского императора рассмотрены: Бойцов М.А. Скромное обаяние власти (К облику германских государей XIV-XV вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1995. – М.: Наука, 1995. – С. 37-66.

Ф.Ф. Шаяхметов
(БашГУ, Уфа)

F.F. Shayakhmetov
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

**ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

**THE GERMAN EMPIRE AND "EAST QUESTION" AT THE
END OF XIX – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES.**

Аннотация: Статья посвящена борьбе мировых держав за наследие начавшей распадаться Османской империи. Показано противостояние Османской империи и России, прослеживается активная политика Германии в Турции и во всем ближневосточном регионе.

Abstract: The article is devoted to the fight of the world powers for the heritage of the Ottoman Empire which has begun to break up. The opposition of the Ottoman Empire and Russia is shown, the active policy of Germany in Turkey and in all Middle East region is traced.

Ключевые слова: Германская империя, Османская империя, Ближний Восток, восточный вопрос.

Keywords: German Empire, the Ottoman Empire, Middle East, the Eastern question.

Регион «Большой Ближний Восток»¹, сотрясаемый сегодня многочисленными конфликтами (Ирак, Сирия, Йемен, Палестина и др.), всегда находился в эпицентре мировых международных отношений. Наибольшую часть времени в мировой истории (более чем шесть столетий – 1299-1922 гг.) регион входил в состав Османской империи, в период наивысшего могущества в XV-XVII в. охватывавшей территорию от Нила до Дуная с юга на север, от Каспия до Атлантики – с востока на запад. После начала ослабления и упадка империи в XVII-XVIII вв. в повестке дня мировой политики и дипломатии того и последующего времени возник знаменитый «восточный вопрос» – борьба мировых держав формально за контроль над святыми местами в Палестине, фактически – за наследие уже начавшей распадаться Османской империи. Еще в 1621 г. английский посол в Константинополе сэр Томас Роу дал довольно точную характеристику дряхлеющей империи: «Государство сие превратилось в подобие старика, изъязвленного множеством болезней, которые приходят на смену юности и силе»².

Традиционно военно-политическое и дипломатическое лидерство в борьбе за «восточный вопрос» переходило из рук в руки мировых держав

в зависимости от их политического веса и военного могущества – Англии, Франции и Австрии. С XVIII в. основным противником Османской империи стала Россия, приняв активное участие в борьбе не только за «святые места» и в защите интересов христианского населения империи, но и за утверждение своих геополитических позиций на Балканах, в районе проливов, Кавказе и Закавказье. Знаменитая фраза о Турции как о «больном человеке Европы», сформулированная императором Николаем I спустя более чем 200 лет после Томаса Роу, вошла в историю, прежде всего, под российским авторством: «Турция находится в полном расстройстве; эта страна как бы распадается. Ее падение будет большим несчастьем, и было бы весьма важно, если бы Россия и Англия условились относительно будущего и не предпринимали бы ничего, не предупредив взаимно друг друга. У нас на руках человек больной и сильно больной. Я говорю откровенно, что было бы большим несчастьем, если бы он скончался на днях и в особенности раньше, чем будет заключено необходимое соглашение»³.

Вскоре после нескольких аудиенций, данных Николаем I британскому послу в Санкт-Петербурге Гамильтону Сеймуру в январе 1853 г., началась Крымская война, ставшая самым крупным военным столкновением мировых держав в рамках «восточного вопроса». После ее завершения значительно ослабла роль России в Европе и на Ближнем Востоке, а над Османской империей был установлен «коллективный протекторат» Англии, Франции и Австрии.

Вскоре на карте мировой политики совершенно неожиданно для ведущих держав того времени появился новый крупный участник – объединенная в 1871 г. «железом и кровью» Германская империя. В первые годы существования объединенной Германии внешняя политика империи была направлена на укрепление ее международного положения в Европе путем игры на противоречиях между ведущими державами, создания различных политических комбинаций с целью их ослабления либо воспрепятствования созданию антигерманского союза. Это наглядно проявилось во время работы Берлинского конгресса 1878 г., созванного по требованию ведущих западных держав для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., подписанного между Россией и Турцией по окончании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. К этому времени острота «восточного вопроса» достигла очередного апогея, вылившись в упомянутую русско-турецкую войну и последовавшую за ней дипломатическую схватку мировых держав.

До своего объединения Германия не проводила международную политику в глобальном масштабе, и, соответственно, не имела интересов на территории Османской империи. «...Германия в будущих восточных распрях сможет, если она сумеет соблюдать сдержанность, тем вернее

использовать то преимущество, что в восточных вопросах она является наименее заинтересованной державой»⁴, – утверждал позже в своих мемуарах Бисмарк. Потому на Берлинском конгрессе Бисмарк предпочел занять формально нейтральную позицию, преследуя цель выжать из форума максимальные внешнеполитические преференции для Германии.

В «нейтральности» Бисмарка была также и субъективная причина: канцлер Германии так и не смог простить России ее позиции по защите Франции в 1875 г. После своей отставки Бисмарк всячески открещивался от якобы «приписываемых» Германии агрессивных планов в отношении Франции. «Именно мирный характер германской политики после изумительных доказательств военной мощи нации существенно содействовал тому, – утверждал Бисмарк, – чтобы скорее... примирить иностранные державы и внутренних противников с развитием новогерманской силы... и побудить их смотреть на развитие и укрепление империи отчасти доброжелательно, а отчасти [рассматривать Германию] временно приемлемым стражем европейского мира»⁵.

Во время закулисных переговоров германский канцлер всячески демонстрировал доброжелательность к России, однако в окончательном варианте поддержал требования Австро-Венгрии и Англии по пересмотру Сан-Стефанского договора. После Берлинского конгресса отношения между Германией и Россией существенно ухудшились из-за позиции Бисмарка по положениям статей Берлинского трактата.

После Берлинского конгресса в международной политике наступил период «Берлинской системы», т.е. относительно равновесного участия мировых держав в колониальном закабалении Османской империи. Английский историк А. Тэйлор в работе «Борьба за господство в Европе (1848-1918 гг.)» следующим образом оценил роль Берлинского конгресса: «В истории Европы Берлинский конгресс явился своего рода водоразделом. Ему предшествовали 30 лет конфликтов и потрясений; за ним последовал 34-летний период мира».⁶ Несмотря на то, что в Европе во время существования «Берлинской системы» в течение 34-летнего периода до I Балканской войны 1912-1913 гг. не было крупной войны, между ведущими державами происходила ожесточенная дипломатическая борьба по всем фронтам мировой политики. Наиболее острое соперничество шло вокруг «восточного вопроса», поскольку в этот период присоединился новый крупный и могущественный участник – Германская империя.

В последней трети XIX в. Германия встала на путь экономической и политической экспансии, направленной не только на расширение границ империи в центре Европе за счет присоединения отдельных территорий Австрии, Франции, Голландии, Дании, Швейцарии и других соседних стран, но и на захват колониальных владений в Африке, Китае и

на Тихом океане. К началу 1890-х годов, задолго до идеологов Третьего рейха, были сформулированы пангерманские идеи установления мирового господства и «нового порядка»⁷.

В экспансионистской политике германского империализма особое место отводилось стратегически важному региону Ближнего и Среднего Востока, уже находившемуся в сфере влияния крупных мировых держав – Англии, Франции и России. В качестве стратегического плацдарма в борьбе за установление контроля над регионом Германия избрала Османскую империю, к тому времени фактически попавшую под финансовый контроль основных европейских конкурентов – Англии и Франции. Тогда как последние ставили перед собой откровенные цели расчленения Османской империи, Германия, на словах выступая за ее единство и целостность, стремилась расположить к себе османскую элиту, отторгнув ее от англо-французской опеки. Германия, в составе владений которой не было земель, населенных мусульманами, поддерживала провозглашенную Абдул-Хамидом II политику панисламизма, преследовавшую цель объединения под властью турецкого султана мусульман всего мира, живших в России, английских и французских колониях⁸.

На раннем этапе османской политики объединенной Германии формированию благоприятного ее образа в глазах турецкой элиты сыграла посредническая роль Бисмарка на Берлинском конгрессе в 1878 г. Показная демонстрация германским канцлером незаинтересованности в делах Востока разительнo диссонировала с явно экспансионистскими устремлениями Англии и Австро-Венгрии, по Берлинскому трактату подтвердившими правомерность своей оккупации, соответственно, Кипра, Боснии и Герцеговины. Значимость восточного направления внешней политики Германии продемонстрировал кайзер Вильгельм II, осенью 1889 г., через год после восшествия на престол, совершив государственный визит в Стамбул.

О визите германского кайзера один из первых немецких элитных иллюстрированных журналов «*Illustrierte Zeitung*» в номере от 23 ноября 1889 г. писал: «Чрезвычайно важное и запоминающееся событие произошло в эти дни на Босфоре для турецкой и немецкой империй... Хотя в основе этого визита нет никаких политических мотивов, но на весь мусульманский мир оно произвело сильное впечатление и еще больше укрепило существующие дружественные отношения между Германией и Турцией».⁹ В ходе визита кайзера была достигнута договоренность о поставках османской армии германских винтовок.

В 1898 г. Вильгельм II вновь посетил Стамбул, затем совершил поездку в Иерусалим, используя свое пребывание для упрочения позиций Германии в Турции и на Ближнем Востоке. Заверения кайзера о

возвышенных чувствах ко всем мусульманам и своему новому другу – «королю всех королей и халифу всех халифов» султану Абдул-Хамиду II – расценивались в Европе как красивый жест в адрес гостеприимного восточного монарха¹⁰. «Князь Гогенлоэ горячо приветствовал мою поездку на Восток – в Стамбул и Иерусалим. Он был рад упрочению отношений с Турцией и считал возникший на этой почве проект Багдадской дороги крупным, достойным Германии культурным начинанием»¹¹, – вспоминал позже сам Вильгельм II в своих мемуарах.

Укреплению позиций Германии на Балканах способствовало также восшествие в Болгарии вначале на княжеский (1887-1908), а затем и царский (1908-1918) трон Фердинанда I, представителя Саксен-Кобург-Готской династии. Контроль над Болгарией разрывал ее традиционную ориентацию на Россию, создавал Германии хороший плацдарм для проведения активной политике в Турции и во всем ближневосточном регионе.

Визиты кайзера стали важным шагом в военно-политическом и экономическом проникновении Германии в Турцию, происходившем по всем направлениям – военно-политическому, экономическому, духовно-культурному и др. После начала сближения Германии с Османской империей большую роль в установлении не только фактического контроля над османской армией, но и в целом военно-политической опеки над правящей турецкой элитой сыграло германское офицерство. Одним из таких представителей германской элиты был прусский офицер Кольмар фон дер Гольц (1843-1916), в 1883 г. направленный в Турцию в качестве члена германской военной миссии, в 1885 г. возглавивший эту миссию, а в 1886 г. назначенный на должность помощника начальника Генерального штаба турецкой армии. Фон дер Гольц руководил созданием современной системы военно-учебных заведений Турции, в которой началась подготовка военных кадров, вскоре составивших основу движения младотурок. «Значительная часть младшего и среднего офицерства – мектебли – составляла в основной своей массе оппозиционную силу деспотическому режиму и принадлежала к младотурецкому движению»¹², – утверждает в одной из современных работ.

Еще более весомую роль фон дер Гольц сыграл не только в реорганизации по германскому образцу османской армии, но и в целом в военно-политическом сближении кайзеровский Германии и османской Турции в XIX – начале XX в., укреплении германских позиций в районе проливов накануне Первой мировой войны¹³. В последующем за свои заслуги он был произведен в звания мушир (маршал) османской армии и прусского генерал-фельдмаршала. После победы младотурецкой революции лидеры младотурок пригласили германских военных для

проведения новой реорганизации армии. Вначале главой Немецкой военной миссии в Османской империи был все тот же фон дер Гольц, а в период 1913-1918 гг. – Лиман фон Сандерс. Вместе с другими немецкими генералами и офицерами они фактически определяли прогерманский выбор внешнеполитического курса, обеспечивали прочный как военный, так и политико-дипломатический контроль кайзеровской Германии над Турцией накануне и во время Первой мировой войны.¹⁴

Еще одним инструментом проникновения Германии в Османскую империю был стремительно развивавшийся в последней трети XIX в. ее финансово-промышленный капитал. Опираясь на поддержку своего правительства, германские банки, концерны и монополии с 1880-х годов стали настойчиво добиваться получения ключевых позиций в сельском хозяйстве, промышленности, на коммуникациях и финансах Турции. Поскольку ее финансово-банковская система ко времени появления Германии была уже под надежным контролем англо-французского капитала, немецкие предприниматели стали проявлять повышенный интерес к системе коммуникаций. Особенно упорно они добивались права получения концессии на постройку Багдадской железной дороги (Берлин – Багдад, другое название – «Восточный экспресс») с целью соединения промышленных центров Германии с Ближним Востоком. Еще в 1888 г. «Дойче Банк», получив годом ранее от турецкого правительства концессию на строительство железной дороги от Стамбула до Анкары, основал «Немецкое Общество Анатолийских железных дорог», активно развернувшее строительство. В 1899 г., во время второго визита кайзера в Османскую империю, было достигнуто соглашение о продолжении дороги до Багдада. Турция преследовала свои стратегические интересы: «Турецкий султан Абдул-Хамид II оказывал поддержку строительству Багдадской железной дороги в надежде, что она укрепит контроль центральной власти над провинциями и освободит Турцию от засилья английского и французского капиталов». Германия же получала важнейший инструмент укрепления своего влияния не только в Османской империи, но и во всем Ближнем Востоке, а также осуществления планов дальнейшей экспансии в направлении Ирана и Британской Индии. Кроме того, Германия получала прямой доступ к богатым месторождениям нефти в Месопотамии, открытым на рубеже XIX-XX вв.¹⁵

Начало строительства Багдадской железной дороги привело к обострению отношений Германии с основными конкурентами на международной арене – Англией, Францией и Россией. При реализации данного проекта Германия была вынуждена лавировать между интересами мировых держав. В серии подписанных в 1914 г. англо-германских соглашений Германии удалось преодолеть разногласия с

Англией: «В обмен на обязательство Общества багдадской железной дороги не претендовать на строительство участка от Басры к Персидскому заливу, а также на сооружение порта в Персидском заливе Англия отказывалась от каких-либо мероприятий, направленных на препятствование строительству и управлению системой Багдадской железной дороги или на недопущение участия британского капитала в этом предприятии»¹⁶. Аналогичным образом были преодолены разногласия с Россией на Потсдамских переговорах, состоявшихся 4-5 ноября 1910 г. между Вильгельмом II и Николаем II¹⁷. Германия поступала как классическая колониальная держава, фактически беспрепятственно действуя на османской территории, в меньшей степени обращая внимание на потребности и пожелания турецкой стороны.

После младотурецкой революции начавшееся еще в период «зулум» стратегическое сближение между Германией и Османской империей получило новый импульс для развития. С турецкой стороны инициаторами союза с Германией теперь уже выступали пришедшие к власти в ходе революции младотурки, среди которых лидерство захватили военные, в том числе подготовленные в военных училищах нового типа. Ускорению создания германо-турецкого союза накануне Первой мировой войны способствовали итоги Первой (1912-1913) и Второй (1913 г.) Балканских войн, приведшие к созданию новой геополитической карты на Балканах и фактическому вытеснению Турции с территории Европы. Поражение Турции в Первой Балканской войне стало причиной установления в стране военной диктатуры «трех пашей» – Энвера, Талаата и Джемала (младотурецкий триумvirат), поспешивших обратиться к Германии с предложением установления военно-политического союза между двумя странами.

Вначале Германия, опасаясь осложнения отношений с Россией, стала на путь затягивания процесса подписания союзного договора. Однако накануне войны стратегические цели Германии относительно Турции взяли верх и она стала готовить подписание союзного договора. «Или германское знамя скоро будет развеяться над крепостью Босфора, или меня ожидает судьба ссыльного на острове Святой Елены», – напутствовал в декабре 1913 г. кайзер генерала фон Сандерса, только что получившего назначение на должность командующего первым турецким армейским корпусом и ставшего членом высшего военного совета Османской империи¹⁸.

После начала Первой мировой войны, 2 августа 1914 г., через день после объявления кайзеровской Германией войны России, она фактически продиктовала условия тайного германо-турецкого договора о союзе. Договор предусматривал защиту Турции лишь при нападении на нее России, не распространяясь на агрессивные действия ее союзниц по

Антанте. Во время войны Германия использовала территорию, армию и ресурсы Турции для ведения боевых действий против своих противников в регионе – Англии и России.

Результаты войны общеизвестны: Германская империя, стремясь к установлению мирового господства и «нового порядка», предприняла попытку военного разгрома своих основных геополитических конкурентов, овладения их территориями и колониальными владениями. Война не только привела к сокрушительному поражению Германии, показав утопичность попыток монопольного установления глобального господства одной, пусть даже и самой мощной, динамично развивающейся мировой державой.

Литература:

1. Новейший геополитический термин, введенный в 2003 г. в выступлении 43-го президента США Дж. Буша-младшего 6 ноября 2003 г. в Национальном фонде демократии, был разработан ведущими тогда американскими политиками и политологами. См.: Мирский Г.И. Большой Ближний Восток – самый конфликтный регион мира // Безопасность Евразии. 2007. № 2. С. 403-417; Евсеев В.В. Кризис концепции «Большой Ближний Восток» // Сайт АНО «ЦОПИ» [Электронный ресурс] – URL: <http://ru.ino-ppic.ru/documents/krizis-koncepcii-bolshoj-blizhnij-vostok/> (Дата обращения – 17 октября 2015 г.) и др.

2. Гудвин Дж. Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. С. 4.

3. Цит. по: Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. СПб.: Полигон, 2002. С. 339.

4. Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3-х т. / Под ред. Л.С. Ерусалимского [пер. с нем.]. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 242.

5. Там же. С. 162.

6. Цит. по: Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: Курс лекций [Электронный ресурс] – URL: http://sceptis.net/library/id_1421.html (Дата обращения – 17 октября 2015 г.)

7. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1947. С. 7-8.

8. Киреев Н.Г. История Турции XX век. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2007. С. 70-71.

9. Вильгельм II и Абдул-Хамид II // Исторический и военно-патриотический сайт REIBERT.info [Электронный ресурс] – URL: <https://reibert.info/threads/kajzer-vilgelm.222215/page-2> (Дата обращения – 17 октября 2015 г.).

10. Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса / под ред. А.Л. Нарочницкого. М.: Политиздат, 1966. С. 65.

11. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. М.-П.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923. // Сайт «Военная литература» (Милитера) [Электронный ресурс] – URL: <http://militera.lib.ru/memo/german/wilhelm2/text.html#t3> (Дата обращения – 17 октября 2015 г.).

12. Мирзеханов В.С. От истории имперской к истории национальной: особенности развития османского государства в новое время. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. С. 61.

13. Киреев Н.Г. Указ. соч. С. 426.

14. Там же.

15. Валиахметова Г.Н. Иракская нефть и великие державы. 1912-1928 гг. Уфа: Издательство «Восточный университет», 2000. С. 8.

16. Романова Е.В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898-1914 гг. М.: Макс Пресс, 2008. С. 231.

17. Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910-1914. М.: Наука, 1985. С. 29.

18. Германский империализм на Ближнем Востоке... С. 83.

© Шаяхметов Ф.Ф., 2015

Н.Е. Быстрова

(Институт российской истории РАН, г. Москва)

N.E. Bystrova

(Institute of Russian history RAS, Moscow, Russia)

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР

SOVIET RUSSIA AND VERSAILLES WORLD

Аннотация. Статья посвящена Парижской мирной конференции, созванной для подведения итогов Первой мировой войны и определения послевоенного устройства мира; тем статьям Версальского договора 1919 г., которые касались взаимоотношений Германии и Советской России.

Abstract. The article is devoted to the Peace Conference in Paris, convened to take stock of the first War and determining the postwar world; those articles of the Treaty of Versailles, which concerned the relationship between Germany and Soviet Russia.

Ключевые слова: Парижская мирная конференция, Первая мировая война, державы-победительницы, Советская Россия, Германия, Антанта, Версальский мирный договор.

Keywords: Peace Conference in Paris, the first Great War, the victorious powers, Soviet Russia, Germany, Entente, the Treaty of Versailles.

Международная Парижская конференция начала работу 18 января 1919 г., завершив ее только через год, 21 января 1920 г. Целью конференции было подведение итогов Первой мировой войны и заключение мирных договоров, формирование новой политической карты мира. Пять ведущих держав-победительниц создали на этапе ее подготовки политический орган – Верховный Совет Антанты, в который вошли главы правительств и министры иностранных дел Великобритании, Франции, Италии, президент и госсекретарь США и назначенные императором дипломатические представители Японии.

Ведущую роль в работе форума (в нем приняли участие 27 государств Европы, Азии и Америки, воевавшие на стороне Антанты или объявившие войну странам Четверного союза, а также представители ряда нейтральных государств) играли государственные деятели «большой тройки» - Великобритании, Франции и США. Именно от их позиций зависело принятие решений по ключевым политическим проблемам. Японию интересовали преимущественно проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона, а Италия фактически являлась их «младшим партнером».

Конференция стала полем главной дипломатической битвы. Столкновение государственных интересов и идейно-политические различия приводили к серьезным разногласиям между лидером либеральной партии Д. Ллойд Джорджем, который стремился сформировать такое послевоенное устройство мира, при котором в Европе не произошло бы чрезмерного усиления Франции, а Британия оставалась ведущим игроком в мировой политике; политиком национально-радикальной ориентации, видевшим главную задачу в ликвидации опасности германской гегемонии в Европе и возвращении Франции роли континентального лидера Ж. Клемансо, и В. Вильсоном, отстаивавшим идеи демократизации международных отношений и предлагавшим заменить принцип равновесия как главный фактор международной стабильности принципом коллективной безопасности. Несмотря на все разногласия, лидеры стран-союзниц были солидарны, отказывая Советской России в возможности принять участие в конференции, хотя и не могли не уделить ей внимания в ходе работы форума. Соединенные Штаты выразили желание, чтобы в нем приняли участие и представители Германии, но союзники выступили против.

В Париж не были приглашены побежденные – государства бывшего Четверного союза (немцы, австрийцы, венгры и болгары). У них имелась возможность лишь ознакомиться с принятыми державами-победительницами решениями. Лишение России по идеологическим соображениям права участвовать в создании Версальско-Вашингтонской системы оказалось, безусловно, ошибкой. В обоих случаях, как с Германией, так и с Россией, основатели Версальско-Вашингтонской системы лишили себя возможности разделить общую ответственность за ее функционирование. Позднее это положение пытались исправить, пригласив оба государства к участию в работе Лиги Наций, которая стала эманацией порядка, заложенного Версальской системой, но эти попытки, как справедливо считает польский исследователь М. Волос, трудно назвать удачными¹. Развитие событий привело к ситуации, когда за рамками Версальской системы оказались три великие державы — Германия, Россия и США.

В.А. Маклаков оказался прав, оценивая Лигу Наций как «громоздкое и сложное орудие» в руках союзников, которая «в нужный момент едва ли окажется способной мобилизовать имеющиеся в ее распоряжении международные средства воздействия и давления».² Устав Лиги Наций, постоянно действующей международной организации, был официально принят конференцией 26 апреля 1919 г., после завершения работы специально созданной по его подготовке комиссии, возглавляемой Вильсоном. По его настоянию Устав был включен как неотъемлемая составная часть в мирные договоры с державами Четверного союза, чтобы связать его положениями и побежденные государства.

Ключевыми вопросами, стоявшими перед победителями в свете организации нового политического порядка в Европе, были германский и государственно-территориальное переустройство Центральной и Восточной Европы. Ведущие державы Антанты по-разному представляли себе место Германии в послевоенной Европе. Вопреки истощенной войной Франции, желавшей максимального ослабления Германии и сокращения ее территории (помимо возвращения Эльзаса и Лотарингии, французы требовали отторжения немецких земель по левому берегу Рейна и образования там буферного Рейнского государства, а также передачу Польше всех захваченных у нее ранее Пруссией земель), Великобритания и США выступали с позиций построения нового политического равновесия в Европе с учетом интересов Германии. Вильсон и Ллойд Джордж выступили и против чрезмерных репарационных обязательств Германии, на чем настаивал Клемансо. Вопрос о репарациях на конференции решен не был, его передали на

рассмотрение специальной репарационной комиссии, которая должна была определить приемлемую для всех сумму репараций к маю 1921 г.

Державы-победительницы стремились к созданию зон своего влияния в геополитически важной Центрально-Восточной части Европы, где ранее доминировали Россия, Германия и Австро-Венгрия. Образованные здесь новые, ориентированные на Запад, государства – Польша, Чехословакия, Сербо-хорвато-словенское королевство, а также усиленная за счет территориальных приобретений Румыния должны были сдерживать как Германию, так и Россию. Особая роль при этом была отведена Польше, определение границ которой стало сложнейшей политической задачей. Без участия России проводились новые послевоенные границы, утвержденные решениями Парижской мирной конференции и Конференции послов четырех держав-победительниц (Великобритании, Франции, Италии и Японии) – рабочего органа, созданного после отказа от активного участия в работе мирной конференции американских представителей. Однако великие державы сознавали невозможность создания стабильного международного порядка, полностью игнорируя российские интересы. Было очевидно, что окончательное европейское территориально-государственное урегулирование возможно лишь после стабилизации положения в России и окончания там Гражданской войны, исход которой и должен был определить ее место в послевоенной системе международных отношений. Поэтому державы-победительницы старались демонстрировать в целом осторожный подход в отношении определения восточных польских и румынских границ. Предложенная ими восточная граница Польского государства, так называемая «линия Керзона», совпадала в основном с линией этнического разграничения поляков, белорусов и украинцев. Признать права Румынии на оккупированную ею в январе 1918 г. принадлежавшую России Бессарабию Великобритания, Франция, Италия и Япония согласились только в октябре 1920 г. после окончания советско-польской войны, а независимость Прибалтийских республик (Латвии, Литвы и Эстонии) была в 1919 г. признана ими лишь де-факто. «Россия, без сомнения, больна, - как весьма образно говорил в 1918 г. румынский премьер А. Авереску, - она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам [...] не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед»³.

28 июня 1919 г. в Версальском дворце был подписан мирный договор с Германией. В торжественной церемонии приняли участие все представленные на Парижской конференции государства Антанты, кроме Китая (не согласившегося с передачей Японии германских владений на его территории). Согласно исторической легенде, в тот день верховный главнокомандующий силами Антанты маршал Фердинанд Фош произнес

знаменитую фразу: «Это не мир, это – перемирие на 20 лет». Была ли действительно Версальская система миропорядка изначально обречена на распад? В последние годы исследователи все чаще поднимают этот вопрос.⁴ По результатам Версальского мира Германия понесла весьма существенные территориальные потери: она лишалась одной восьмой части своей территории и одной двенадцатой части населения. Однако это были не исконно немецкие, а аннексированные вначале Пруссией, а затем Германией у соседей земли, в большинстве своем не с немецким населением. Достаточно суровыми были финансово-экономические и военные условия союзников по Антанте. Однако вскоре они пошли на серьезные уступки немцам в финансовых вопросах, в частности, был разработан план комиссии Ч. Дауэса в 1924 г., а спустя 5 лет одобрен план О. Юнга, который предусматривал снижение репарационных выплат, ликвидацию иностранных контрольных органов и другие меры, призванные облегчить бремя, которое несли побежденные. Хотя Германия и была сильно ослаблена и поставлена в жесткие политические рамки, на карте Европы ее сохранили как одну из крупнейших и важных величин. По мнению В.К. Шацилло, Версальско-Вашингтонская система рухнула не столько из-за чрезмерно унижительных условий в отношении Германии, сколько вследствие глубоких «системных» ошибок. Ее скорый крах был, действительно неизбежен, поскольку ее краеугольным камнем была идея одновременно изолировать две крупнейшие европейские державы – Германию и Россию, и не дать возможности ни той, ни другой стране принять активное участие в системе европейской коллективной безопасности, вытолкнуть их на задворки мировой политики⁵.

По Версальскому договору Германия должна была отказаться от Брестского договора 1918 г. с Советской Россией. На нее и на других членов Четверного союза была возложена вся полнота ответственности за развязывание Первой мировой войны. Ввиду острейших разногласий между союзниками общий размер репараций с Германии Версальским договором не определялся. На конференции было лишь решено, что до 1921 г. Германия должна будет уплатить государствам Антанты 20 млрд золотых марок⁶. В соответствии со статьей 116 Версальского договора право на репарации получала и Россия, чей вклад в победу союзники не отрицали.

Версальский мирный договор содержал несколько статей, возлагавших на Германию ряд обязанностей по отношению к России. Хотя Российская Советская Республика в Парижской Конференции не участвовала и не признала для себя обязательным Версальский договор, неоднократно высказывая резко отрицательное к нему отношение, тем не менее Германию эти статьи связывали, и в будущих политических

переговорах с Россией она не могла освободиться от принятых на себя обязательств без согласия контрагентов по Версальскому договору.

Основной статьей Версальского договора, касавшейся взаимоотношений Германии и России, являлась ст. 116: «Германия признает независимость всех территорий, которые к 1 августа 1914 г. входили в состав бывшей Российской империи и обязуется признавать эту независимость вечно и нерушимо. Согласно определений ст. 259 и 292 части XI (финансовые определения) и части X (хозяйственные определения) настоящего договора, Германия признает бесповоротно отмену договоров, заключенных в Брест-Литовске, а равно и всех прочих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с большевистским русским правительством. Союзные и дружественные державы сохраняют за Россией право получать от Германии всякие восстановления и возмещения, которые соответствуют основным началам настоящего договора»⁷.

Аналитики Комиссариата иностранных дел писали, что целью первого абзаца этой статьи, на первый взгляд, как будто бы защищавшей интересы России, в действительности являлось стремление держав Антанты сделать для Германии невозможным извлечение какой-либо выгоды от разделения территории бывшей Российской империи на ряд отдельных государств и воспрепятствовать ей в попытках подчинить себе какое-либо из вновь образовавшихся государств в хозяйственном или политическом отношениях. Ставя, таким образом, чисто внешние препятствия к сближению окраинных государств, образовавшихся на территории бывшей Империи, с Германией, к которой они естественно тяготеют, державы Антанты, главным образом, Франция и Англия, ставят эти молодые, неокрепшие в хозяйственном отношении несамостоятельные государства в зависимость от себя⁸. Таким образом, скрытый смысл первого абзаца ст. 116 Версальского договора видели в хозяйственном господстве Англии и Франции над вновь возникшими на бывшей территории России государствами.

Признание независимости государств, возникших на территории бывшей Российской империи, по мнению аналитиков НКВД, следовало понимать не как признание их независимости в целом, а лишь как их независимость от Германии. «Абзац 1 ст. 116 Версальского Мирного договора не может быть истолкован в том смысле, что Германия обязалась признавать эти новые государства независимыми, «вечно и нерушимо», также и от какой-нибудь русской центральной власти. Это усматривается из того, что к моменту составления ст. 116 и даже к моменту подписания Версальского договора державы Антанты все еще не решались признать независимость окраинных государств, кроме Польши и Финляндии, т. к., по их мнению, не была исключена возможность

воссоздания «Единой и неделимой России» в границах бывшей Империи». Сопоставляя все относившиеся к России статьи Версальского договора, аналитики сделали вывод, что державы Антанты, скорее всего, поощряли распад России на ряд отдельных, более слабых государств, хотя в самом договоре эта мысль не была выражена. Отдельные выражения и термины статей договора (например, ст. ст. 117, 292, 433) указывали, что вопрос о границах географического понятия «Россия» намеренно оставался открытым. Поэтому понятие «независимости» в ст. 116 Версальского договора следовало понимать исключительно как независимость от Германии, сама же статья не могла служить для Германии препятствием к признанию ею вступления в Российскую Федерацию какого-либо из государств, бывших в момент подписания Версальского договора независимым в том смысле, как это указано в ст. 116, но утративших некоторые элементы этой независимости из-за вступления в Российскую Федерацию (например, Грузии).

Второй абзац ст. 116 не вносил ничего нового в русско-германские отношения, т.к. еще задолго до подписания Мирного договора, 13 ноября 1918 г., ВЦИК провозгласил прекращение действия Брестского договора и дополнительных к нему соглашений, сообщив об этом по радио всем государствам. Текст этого абзаца имел бы смысл лишь в том случае, если бы Германия стала оспаривать законность резолюции ВЦИК об аннулировании Брестского и дополнительных к нему договоров, ссылаясь на то, что международные договоры не могут прекращаться в силу одностороннего волеизъявления одного из контрагентов. В таком случае следовало сослаться на абзац 2-й ст. 116 Версальского мирного договора, хотя волеизъявление Германии, выраженное в этой статье, сделано не по отношению ее к брестскому контрагенту, а по отношению к третьим лицам, версальским контрагентам.

Согласно ст. 259 Версальского договора Германия обязалась передать союзным и дружественным державам все наличные деньги, ценности, оборотные торговые документы и товары, которые она получила в виде платежей во исполнение Бухарестского, Брестского и дополнительных к ним договоров. Так как союзные и дружественные державы в период после заключения с Германией перемирия своим вмешательством в русскую гражданскую войну фактически создавали между собой и Россией «status belli», то дальнейшее исполнение Россией своих обязательств по Брестскому и дополнительным договорам, по мнению российских аналитиков, означало бы, в силу определения ст. 15 договора между Германией и ее противниками о перемирии и ст. 259 Версальского договора, поддержку Россией своих врагов⁹. Такой вывод, несомненно, указывал на нелепость исходной позиции о возможности признания Брестского и дополнительных договоров в период между

принятием резолюции ВЦИК и временем вступления в силу ст. 116 Версальского договора. Русская точка зрения по вопросу о времени прекращения действия Брестского и дополнительных договоров была проста: день принятия вышеназванной резолюции ВЦИК, т. е. 13 ноября 1918 г. Однако, «если бы Германия, ссылаясь на односторонний характер резолюции, пожелала бы отнести момент прекращения этих договоров к более позднему сроку, то такая точка зрения находилась бы в противоречии с принятыми ею на себя обязательствами по договору о перемирии от 11 ноября 1918 г., и по Версальскому Миру, а равно и с общепринятыми принципами международного права»¹⁰.

В соответствии с договором о перемирии между Германией и ее противниками и согласно ст. 259 (абзац 3) Версальского договора, Германия обязалась передать и фактически передала державам Антанты все платежи золотом, бумажными деньгами и товарами, полученными от России по Брестскому и дополнительным к нему договорам.

В связи с этим возникал вопрос: могла ли Россия в своих будущих расчетах с бывшими союзниками засчитать полученные последними от Германии русские ценности? С формальной стороны право собственности на эти ценности в момент их перехода от Германии к державам Согласия принадлежало уже не России, а Германии. Но, с другой стороны, основанием для требования этих ценностей со стороны стран Согласия послужили не общие принципы об обязанностях Германии к «возмещениям и восстановлению», которые легли в основу экономической части Версальского договора, а точка зрения, получившая отражение в договоре, на особое отношение между Россией и Германией в силу заключения Версальского договора.

Согласно общим определениям Версальского договора, на Германию возлагались обязанности по восстановлению разрушений и возмещению убытков, причиненных ее войсками в Бельгии, Франции и других государствах. Сумма платежей не была установлена договором. Эта обязанность, как сообщалось выше, была возложена на особую Комиссию, которая в мае 1921 г., т.е. почти через 2 года после подписания Версальского договора, предъявила Германии счет, исключив различные платежи деньгами и натурой (железнодорожным имуществом, аэропланами, кораблями и пр.), которые Германия предоставляла государствам Антанты, но при этом не были зачтены ни русское золото, ни деньги, внесенные Россией Германии по Брестскому договору и переданные последней своим противникам. На каком же «правовом титуле» союзники получили от Германии золото, переданное Россией во исполнение Брестского и Берлинского договоров 1918 г.?

Позиция, изложенная в Версальском мирном договоре на взаимоотношения России и Германии, нашедшая свое отражение в ст.

116 (3 абз.), сводилась к тому, что Россия, как страна, понесшая большие жертвы в мировой войне и способствовавшая общей победе союзников, не только не должна давать что-либо Германии, но и имеет право на возмещение ею своих убытков. В связи с этим, полученные союзниками от Германии платежи России по Брестскому договору, «не зачтены в счет долговых обязательств Германии, а только и могли быть получены для России и записаны в кредит ее счета. Вследствие этого и вопрос о закономерности зачета этих ценностей при будущих расчетах между Россией и ее бывшими союзниками решался сам собой в положительном смысле», по мнению экспертов НКИД¹¹. Они признали положительным тезисом, вытекавшим из второго абзаца ст. 116, что отмена Брестского и дополнительных договоров не означала возобновления состояния войны между контрагентами этих договоров. Провозглашение ст. 1 Брестского договора, прекращение состояния войны между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой, не могло считаться отмененным ни резолюцией ВЦИК об отмене Брестского договора, ни абз. 2 ст. 116 Версальского договора. То и другое положение лишь привели к освобождению всех участников Брестского договора и дополнительных к нему соглашений от прав и обязанностей, установленных этим договором и соглашениями¹².

Следует отметить, что ст. 116 не лишала Германию права после вступления в силу Версальского договора заключать с Россией и с государствами, возникшими на территории бывшей Российской империи, новые как политические, так и торговые договоры. Позднее эти положения были подтверждены Русско-германским соглашением от 5 мая 1921 г., носившем, в основном, торговый характер, но не лишенном и политического характера. В нем отмечалось, что между Россией и Германией еще до 19 марта 1920 г. был заключен договор об обмене пленными. Однако в этих договорах ничего не говорилось о восстановлении мира между Россией и Германией и о признании Германией де-юре советского правительства. Предполагалось, что как прекращение состояния войны между ними, так и признание де-юре советского правительства, произошли в силу Брестского договора; разрыв же дипломатических отношений между обоими государствами 5 ноября 1918 г. не прекратил ни состояния мира, ни признания Германией российского советского правительства.

Официальная пресса, анализируя статьи Версальского договора, возвращалась к Брестскому договору, указывая, что выраженное в ст. 116 волеизъявление Германии об отказе от Брестского и дополнительных договоров, последовало лишь в отношении союзных держав, но не в отношении России, т. е. Россия не могла ссылаться на волеизъявление Германии до тех пор, пока она формально не примкнет к Версальскому

договору. Присоединение же России к Версальскому договору могло произойти лишь с помощью формального договора между Россией и ее бывшими союзниками. До того времени, если бы Германия и потребовала от России своих прав по Брестскому договору, то возражать против этого могли бы только державы Антанты, но не Россия, в отношении которой Германия никогда от своих прав не отказывалась. Но если державы Антанты не возражали бы против претензий Германии и отказались бы от своих прав, вытекавших из ст. 116 Версальского договора, то Россия юридически не могла бы отказаться от своих обязанностей по Брестскому договору, действие которого было лишь приостановлено 5 ноября 1918 г., но не отменено.

Абзац 3 ст. 116, согласно которой Россия эвентуально могла получить от Германии возмещение, «является договором в пользу третьего лица, в котором это третье лицо, в пользу которого устанавливаются права, не участвовало. Согласно юридической природе этого договора, определенные права устанавливаются только в пользу России, а не в пользу противников Германии по Версальскому договору, поэтому требовать и добиваться реализации этих прав может только Россия, а не союзные и дружественные Державы»¹³.

Каково политическое значение этого договора и какие цели он преследовал?

Советское правительство неоднократно высказывало негативное отношение к Версальскому договору, характеризуя его, как грубое насилие над Германией, имевшее целью поработить ее народные массы в пользу капиталистических вождельцев стран Согласия. Уже по одним этим причинам советские руководители никогда не стали бы предъявлять к Германии каких бы то ни было требований на основании Версальского договора, - считали эксперты. Но независимо от этого условием для возбуждения претензий, основанных на абз. 3 ст. 116 Версальского договора, являлось предварительное присоединение к нему России или, по крайней мере, к ст. 116 этого Договора. Такое присоединение могло бы произойти не с помощью одностороннего заявления со стороны России, а исключительно посредством договора с участниками Версальского мира. Поэтому «руководящей мыслью союзных и дружественных держав при включении в Версальский договор 3 абзаца ст. 116 явилось то, чтобы впоследствии заключить с Россией соглашение и предложить ей присоединиться к ст. 116. Версальского договора»¹⁴. При этом было естественным, что за те значительные выгоды, которые Россия получила бы от Германии в силу абз. 3 ст. 116, союзные и дружественные державы потребовали бы для себя соответствующих компенсаций.

Франции и Великобритании практическое значение абз. 3 ст. 116 договора представлялось важным, с учетом военно-политической

обстановки весны 1919 г.: наступление белых армий с юга и востока при поддержке союзников было близко к успеху. Видимо, политические круги русской эмиграции в Париже, а также официальное представительство южно-русской армии способствовали включению ст. 116 в Версальский договор. Но позднее статья 116 потеряла практическое значение не только из-за смены политической конъюнктуры, но и в связи с тем, что Германии был предъявлен счет убытков, и эксперты, заседавшие осенью 1920 г. в Брюсселе и весной 1921 г. в Париже и Лондоне, пришли к выводу, что размер причиненных войной убытков настолько велик, что значительно превышает максимальную платежеспособность Германии; потому для определения размера суммы возложенных на нее возмещений, согласно Версальскому договору, следовало исходить не из размера действительных убытков, а из реальной возможности Германии уплатить их. При этом о России и о ее претензиях, основанных на абз. 3 ст. 116 договора, речи не было. Эксперты делали в связи с этим вполне логичный вывод: если предложенный союзниками и принятый Германией счет убытков исчерпывает максимум того, что Германия в состоянии заплатить, то в эту сумму должна входить и доля России, на которую она имела право, по признанию союзников, выраженному в абзаце 3 ст. 116 Версальского договора. Если же Россия, принципиально отвергавшая Версальский договор, «не предъявляет никаких претензий на доленое отчисление ей поступающих от Германии платежей, то она все же имеет безусловное основание требовать признания погашения тех долгов своим бывшим союзникам, которые возникли во время войны и для целей войны»¹⁵. Резкое разграничение между довоенными и военными долгами России, которое проводилось позднее в ноте Г.В. Чичерина о признании долгов, исходя из чисто политических предпосылок, находило оправдание и с точки зрения юридической, во взаимоотношениях России и Антанты, созданных Версальским договором и последующими событиями. Абз. 3 ст. 116 подводил под политическое требование юридический фундамент, т.к. вместе с определениями Лондонской конференции о возмещениях должен был заставить бывших союзников признать, что «акцептованный Германией счет убытков содержит долю, которая, по их же собственному признанию, причитается России»¹⁶.

Возникшая в те годы проблема выплаты долгов царского правительства имела долгую историю. В конце ноября 1996 г. российское правительство подписало соглашение о выплате данных долгов Франции. Специалисты восприняли этот шаг как игнорирование истории проблемы. Франция в той или иной мере поднимала ее и в Версале, и на Парижской мирной конференции, а в 1922 г. на Генуэзской конференции вместе с другими союзниками предъявила претензии непосредственно советской

делегации. Возглавлявший ее Г.В. Чичерин заявил тогда, что поскольку правительство РСФСР отказалось от применения в отношении себя ст. 116 Версальского мирного договора, дававшей право на возмещение в 16 100 000 000 золотых рублей, то военные долги, по самому существу своему, должны считаться погашенными (военные долги России - 8 846 000 000 зол. руб.)¹⁷. Что же касается довоенных долгов, то советское правительство соглашалось принять на себя уплату их при условии признания его контрпретензий за интервенцию и блокаду. Как известно, в Генуе эти вопросы решены не были.

Какой же вывод, исходя из уроков Версаля, можно сделать для России? - задаются вопросом исследователи. С.В. Листиков, например, и с ним нельзя не согласиться, процитировал автора секретной записки «Краткий обзор перемирия» (лето 1919 г.): «У России нет никаких внешних друзей, на альтруистическую поддержку которых она могла бы рассчитывать в трудную минуту. На нашу Родину все - и друзья, и враги - смотрят единственно как на средство для обогащения. Наша ориентация и политика должна быть исключительно русской»¹⁸. Добавим лишь, как справедливо отмечал русский военный ученый А. Е. Снесарев, Россия в итоге Мировой войны на ниве человеческих жертв понесла гораздо более, чем ее союзницы, и потеряла из-за этого неизмеримо большее количество ценностей. Не получив за эту потерю никакого экономического эквивалента, Россия в итоге оказалась обойденной и ограбленной. «Англия и Франция, требуя с нас расплаты за каждый пулемет и за каждый рубль, исчезнувшие в горниле войны, не могут вычеркнуть из своей памяти 12 миллионов энергий и рабочих сил, принесенных нами на алтарь войны», - писал Снесарев. Россия понесла более половины от общих людских потерь союзников. «Она потеряла вдвое больше Франции и с лишком втрое больше Англии. Можно ли эту роковую разницу считать навеки истертой из памяти Антанты и не подлежащей никакому компенсированию при той обстановке, когда союзницы ожидают расплаты за каждый устарелый аэроплан и застрявшую в Архангельске пару сапог»¹⁹.

Литература:

1. Волос М. Место и значение Версальско-Вашингтонской (Версальско-Рижско-Вашингтонской) системы в международных отношениях XIX-XXI вв. // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919-1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 13-14.

2. Цит. по: Листиков С.В. Белые дипломаты о «русской политике» западных держав // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система: возникновение, развитие, кризис, 1919-1939 гг. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 165.

3. Цит. по: Виноградов В.Н. Послесловие// За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 444
4. См., напр.: Шацилло В.К. Проблема изменения территориальных границ Германии по итогам Версальского мира // Версальско-Вашингтонская международно-правовая система... С. 34-41; и др.
5. Там же. С. 40.
6. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918-1939 гг. М., 2006. С. 66.
7. АВП РФ. Ф. 418. Оп. 4. Д. 19. П. 27. Л. 3, 3 об.
8. Там же. Л. 3 об.
9. Там же. Л. 5.
10. Там же. Л. 5 об.
11. Там же. Л. 7.
12. Там же.
13. Там же. Л. 8.
14. Там же. Л. 8 об.
15. Там же. Л. 9.
16. Там же. Л. 9 об.
17. Послевоенные расчеты держав Антанты // Московский журнал. № 1. 1997. С. 2.
18. Листиков С.В. Указ. соч. С. 165.
19. Снесарев А.Е. Послевоенные расчеты держав Антанты // Московский журнал. № 1. 1997. С. 8, 12-13.

© Быстрова Н.Е., 2015.

С.И. Дмитриева
(Воронежский государственный университет,
г. Воронеж)

S.I. Dmitrieva
(Voronezh state University, Voronezh, Russia)

**ДИСКУССИИ В СДПГ И МСБС
О ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ И РОЛИ СССР (1943-1945)**

**DISCUSSIONS IN THE SPD AND ISKON THE POST-WAR EUROPE
AND THE ROLE OF THE USSR (1943-1945)**

Аннотация. В статье на основе материалов социал-демократической прессы и неопубликованных архивных источников из Федерального архива, Архива социал-демократии (ФРГ) анализируются оценки СССР и послевоенных

европейских перспектив. Автор приходит к выводу о сближении подходов к СССР среди правых и левых социал-демократов в конце Второй мировой войны.

Abstract. In the article on the basis of the Social Democratic and unpublished archival sources from the Federal Archive, the Archive of Social Democracy (Germany) analyzes the assessment of the Soviet Union and the prospects for the post-war Europe. The author concludes the approximation of the opinions on the Soviet Union among the right and left Social Democrats at the end of the Second World War.

Ключевые слова: социал-демократия, Советский Союз, СДПГ, Международный Социалистический Боевой Союз, политические партии, эмиграция.

Keywords: Social Democracy, Soviet Union, SPD, ISK, political parties, exile.

После коренного перелома в Великой Отечественной войне и по мере успешного продвижения советской армии все более актуальными для социал-демократических групп в эмиграции становятся размышления на тему дальнейших перспектив германской социал-демократии и судьбы Европы. В данной статье речь идет о взглядах представителей двух эмиграционных объединений: Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и Международного Социалистического Боевого Союза (МСБС).

Одна из первых попыток спрогнозировать развитие событий в мире после войны была предпринята на страницах печатного органа СДПГ - «Социалистических сообщений» - летом 1943г. В июльском номере содержится беглый анализ внешнеполитических целей Советского Союза. Автор сразу отметил, что располагает только небольшим количеством информации, почерпнутой из правительственных заявлений. Он сравнил несколько сталинских выступлений: 6 ноября 1941г., в котором было заявлено, что СССР не планирует завоевания других государств; 1 мая 1942 г., где говорилось об освобождении Страны Советов и ее братьев: украинцев, молдаван, белорусов, литовцев, эстонцев и карелов (на этой основе автор сделал вывод о росте сталинских территориальных претензий) и привел высказывание советского вождя о том, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ останется навсегда. Все три выступления в сравнении позволили автору усомниться в честности и ясности намерений Сталина относительно будущего Германии¹.

В октябре 1943г. «Союзом немецких социалистических организаций в Великобритании», тон в котором задавали представители СДПГ, был составлен меморандум «Основные направления международной политики». Из его текста становится очевидным, что социал-демократы в Лондоне отдавали себе отчет в необходимости поддержания и развития сотрудничества СССР, США и Великобритании, сложившегося в ходе войны, без которого не мыслили создание единой и свободной Европы²

Однако по мере продвижения советских воинов в Европе у представителей Президиума не прибавлялось оптимизма относительно политики Советского Союза в Германии. В марте 1944г. Фриц Хайне писал Рут Фишер: «У Москвы... на первом плане – власть, принципы задвинуты в дальний ящик»³.

В майском выпуске «Социалистических сообщений» немецкие социал-демократы выразили надежду на то, что «европейская политика Советского Союза будет четче вписываться в общие союзнические рамки», которые обсуждались на конференциях в Москве и Тегеране. Подробно описывался конфликт между советским и польским эмиграционным правительством и готовность «польских патриотов» (в оригинале в кавычках – С.Д.) в Москве уступить СССР часть Польши, оккупированную в 1939г., в обмен на территориальные приобретения за счет Германии. Социал-демократы выразили озабоченность тем, что тем самым не выполняется решение Атлантической хартии осуществлять территориальные изменения только с согласия заинтересованного населения⁴.

Необходимо отметить, что в личной переписке социал-демократические деятели были более откровенны и непримиримы. Так, в письме Ф. Штампферу от 4 октября 1944г. Э. Олленхауэр исключал возможность возврата немецких социал-демократов в оккупированную советскими войсками зону, поскольку политическая деятельность под контролем советской администрации представлялась ему нереальной⁵. Эта позиция была логическим продолжением точки зрения, высказанной еще в августе 1941г. в письме Э. Риннеру, где Олленхауэр впервые писал об опасности большевизации восточных немецких земель⁶.

Похожим образом развивались события в Соединенных Штатах Америки. В 1943г. Ф. Штампфер в одной из статей заявлял, что Америка должна следить за тем, чтобы ни одна из стран-победительниц не получила перевеса: «Европа не должна быть ни американской, ни британской, ни русской»⁷. В данной связи «Новая народная газета» сообщала, что немецкие социал-демократы традиционно чувствовали себя связанными с русским народом и с ликованием восприняли революцию в России. «Но, поскольку они демократы, результат их разочаровал». В заключение выражалась надежда на то, что в Германии не будут уничтожаться основы демократии, и это возродит симпатии к СССР социал-демократов⁸.

Зимой 1943г. в американской прессе стали появляться сообщения о том, что Восточная Пруссия после войны отойдет к Польше в качестве компенсации за территорию, оккупированную советскими войсками. Одновременно проживавшие в США поляки развернули пропаганду выселения немцев из этих будущих польских земель. Тем самым

перемещению подлежали 2,8 млн человек. «Новая народная газета» начала борьбу против планов СССР, впрочем, с самого начала безнадежную. В феврале 1944г. она писала: «Русская программа 1944г. означает, так же как программа 1917г., что сто миллионов человек не русского происхождения восточнее и юго-восточнее Германии попадут под русское господство»; в марте призывала не выгонять людей с земли, где похоронены их предки, в апреле напоминала о необходимости соблюдения прав человека, в том числе и относительно побежденных⁹.

24 сентября 1944г. «Нью-Йорк-Тамс» сообщила, что Германия потеряет не только Восточную Пруссию, но и Силезию, а также часть Бранденбурга и Померании, всего около 23,3% территории рейха, на которой проживало 13,1% немецкого населения. Теперь уже 7,5 млн немцев и 3,6 млн судетских немцев следовало собирать чемоданы¹⁰.

После этой публикации немецкие социал-демократы в США с новой силой обрушились на политику СССР. По признанию Ф. Штампфера, лишь некоторые нацистские газеты в Германии были настроены более антисоветски, чем «Новая народная газета»¹¹.

Отношение к СССР автоматически распространялось на немецких коммунистов. Что касается США, то представители Сопале здесь были абсолютно последовательны в своих оценках коммунистов, какой-либо значительной эволюции их взгляды не представляли. Оплотом антикоммунизма в США, без сомнения, можно считать Фридриха Штампфера. Более интересно проследить эволюцию отношения к КПГ в течение первой половины 40-х гг. в лондонском эмиграционном центре.

Так, в докладе «Возможности и задачи объединенной социалистической партии в Германии», сделанном на собрании «Союза немецких социалистических организаций в Великобритании» 6 декабря 1942г., Эрих Олленхауэр отмечал, что «вопрос старой партийной принадлежности не будет играть роли при создании новой партии. В подполье многие бывшие коммунисты точно так же доказали свою верность убеждениям и надежность, как и бывшие социалисты»¹².

А в 1944г. в меморандуме «Мы и коммунисты» представители Сопале заявляли, что на протяжении всей эмиграции придерживались одной и той же позиции в отношении коммунистов, занятой еще в конечный период Веймарской республики: никаких переговоров с КПГ; никакого единого или Народного фронта; никаких совместных акций и общих деклараций. Однако при этом они признавались в наличии контактов между Правлением СДПГ и КПГ, как в конце 1932г. в Берлине, так и теперь в Лондоне. Впрочем, по собственному заявлению социал-демократов, импульсы для подобных контактов всегда исходили со стороны коммунистов, представители Сопале во время переговоров вели себя пассивно, в обсуждениях с их стороны редко участвовали важные

функционеры. Аргументация подобного отношения базировалась на трех тезисах: «а) на...убеждении, что методы и взгляды социал-демократов и коммунистов не подлежат компромиссу в ключевых пунктах; б) на предположении, что коммунисты также убеждены в невозможности достижения компромисса...; в) по этой причине усилия КПГ по созданию единого движения должны маскировать стремление «перехитрить» социал-демократию»¹³.

В итоге составители сообщили о своем твердом намерении продолжать традиционную линию в отношении КПГ, отметив при этом, что перспективы сотрудничества существуют, при условии честной игры обеих сторон, без маневров «с намерением установить диктатуру одной партии и, в конечном счете, уничтожить партнера»¹⁴.

В обращении председателя Президиума к функционерам СДПГ, составленном в сентябре 1945г., говорилось о необходимости сотрудничества с другими политическими партиями в процессе возрождения социал-демократической. Обязательным условием этого сотрудничества было соответствие целей партии интересам СДПГ. Коммунистическая партия была приравнена ко всем остальным. Вопрос образования единой партии с коммунистами был отложен до лучших времен, поскольку являлся вопросом общепартийного масштаба¹⁵. Выжидательная позиция была закреплена в отчете о первой объединенной партконференции в Ганновере, проходившей с 5 по 7 октября 1945г., только акценты в нем были расставлены уже несколько иным образом. Указывалось, что аппарат компартии посредством нападков на социал-демократов, вербовки в свои ряды бывших национал-социалистов, а также нечеткой позиции по принципиальным вопросам социалистической политики и зависимости от событий за пределами Германии существенно поколебал надежду на преодоление раскола двух партий. Поэтому вопрос объединения социал-демократов и коммунистов был поставлен уже не в масштабах Германии, а в международном масштабе¹⁶. Тем самым основная линия, определявшая отношение социал-демократов к коммунистам в эмиграционный период, была продолжена.

В заключение стоит отметить, что в советской оккупационной зоне уже в июне 1945г. была разрешена деятельность политических партий¹⁷. Президиум СДПГ приветствовал начало легальной работы партии 15 июня 1945г., через 12 лет после ее запрета, одновременно выражая надежду на то, что примеру советской оккупационной администрации вскоре последуют остальные (это произошло лишь в сентябре 1945г.)¹⁸.

После коренного перелома в ходе войны и по мере успешного наступления Советской армии деятели СДПГ, с одной стороны, рассчитывали на помощь СССР в освобождении Европы, а с другой,

серьезно опасались большевизации Германии. Советский Союз был для них союзником поневоле, перед которым нужно вовремя закрыть дверь.

Что касается МСБС, то после падения Муссолини и в связи с победами союзников по антигитлеровской коалиции для представителей Боевого Союза все более актуальными становятся планы послевоенного устройства Германии и Европы в целом. Учитывая «заслуги» Германии перед мировым сообществом и размышляя об уготованной ей роли аутсайдера, представители МСБС видели в объединенной Европе единственный реальный шанс сократить влияние как США, так и Советского Союза.

В изданиях МСБС стали частыми сообщения об ожиданиях населения внутри Германии в связи с приближением русских. Господствующим чувством при этом в «EuropeSpeaks», например, назывался страх. Среди немецкого населения росли опасения усиления влияния немецких коммунистов.¹⁹ Множились предположения о том, что результатом советской оккупации Германии станет большевистская революция. Теме вероятной большевизации Европы посвящен пророческий манускрипт «Размышления о настоящем и будущем Европы», который, возможно, принадлежит перу Вилли Айхлера²⁰. В нем подробно рассмотрена так называемая «советская опасность», представляющая тем более реальную угрозу для европейцев, что «коммунистический социализм и живущий в нем идеал справедливости имеет в Европе свои корни». А, принимая во внимание конкретное воплощение этого идеала на примере Советского Союза, названное автором «азиатским отклонением», можно со значительной долей уверенности предсказывать, что победа СССР будет означать переориентирование на Восток, а, следовательно, «деградацию до простого придатка азиатски организованной Советской России».

Поэтому представители МСБС предпочитали советской оккупации Германии англо-саксонскую, полагая, что «британцы и американцы окажутся в более благоприятных условиях для предотвращения хаоса и анархии и для сохранения права и порядка»²¹. И, хотя, будучи реалистами, бундовцы понимали, что, скорее всего, события будут развиваться по третьему варианту, и Европе все-таки предстоит быть разделенной, данная альтернатива была для них наименее желательной, поскольку раскол континента превратил бы дело общеевропейского мира в задачу далекого будущего и не обеспечивал бы безопасность соседних государств²².

Выступая горячим поклонником идеи единой Европы, В. Айхлер обращал внимание на двойственность так называемого «русского вопроса»: с одной стороны, нужно было принимать во внимание «страх русских перед...новым европейским колоссом», а с другой – это никак не

означает, «что нам нужно не делать того, что русским по какой-либо причине и в каком-либо отношении не нравится»²³. По его убеждению, главным средством в данном вопросе должна была стать пропаганда: всем, кто выступает против объединения Европы, нужно «настойчиво напоминать, что, в конце концов, одной из главных целей этой войны является упрочение мира», и европейское единение будет служить именно этой цели²⁴.

То есть, вхождение СССР в антифашистский блок внесло лишь небольшие коррективы в общее восприятие советского государства представителями Союза. Приветствуя заключение советско-английского пакта о взаимопомощи, Вилли Айхлер считал сотрудничество с Советским Союзом вопросом чисто тактическим. Опровергая тезис о преступлении и наказании и призывая рабочих помогать Советскому Союзу, он предостерегал от опасности «русификации» социалистического движения и в качестве альтернативы советскому доминированию после войны выдвигал политическую модель объединенной Европы.

Подводя итог, отметим, что в 1940-е гг. для выбранных эмиграционных групп была характерна следующая тенденция: переход от воодушевления в связи с присоединением СССР к антифашистскому блоку и восхищения героической борьбой советского народа к осознанию того, что сотрудничество с Советским Союзом обусловлено соображениями тактики. Следствием стало стремление снизить влияние СССР на германскую социал-демократию и понимание необходимости европейского выбора для немцев.

Литература:

1. Sozialistische Mitteilungen. – 1943. – Nr. 51.
2. Richtlinien für die internationale Politik. 23.10.1943. // Zur Politik deutscher Sozialisten. Politische Kundgebungen und programmatische Richtlinien der Union deutscher sozialistischer Organisationen in Großbritannien. London 1945. - S. 16.
3. *Stampfer F.* Amerika muß bereit sein. 14.08.1943.// Mit dem Gesicht nach Deutschland. – Dok. 154. – S. 622.
4. *Stampfer F.* Die dritte Emigration. // Mit dem Gesicht nach Deutschland. – S. 160.
5. Fritz Heine –Ruth Fischer. 15.03.1944. // AsD/ Fritz Heine-Depositem/ 131.
6. Sozialistische Mitteilungen. – 1944. – Nr. 62.
7. Ollenhauer – Stampfer. 4.10.1944.// AsD / Emigration Sopade / 83.
8. Ollenhauer – Rinner. 1.08.1941. // Ebenda / 80.

9. *Stampfer F.* Die dritte Emigration. // Mit dem Gesicht nach Deutschland. – S. 156-157.
10. Ebenda. – S. 157.
11. Ebenda. – S. 159.
12. Möglichkeiten und Aufgaben einer geeinten sozialistischen Partei in Deutschland. Grundgedanken eines Referats von E.Ollenhauer in der Mitgliederversammlung der „Union“ am 6. Dezember 1942 in London. Текст доклада опубликован в приложении к № 44 «Социалистических сообщений».
13. Heine F. Wir und die Kommunisten. Memorandum des PVs. London, 1944// AsD/ Fritz Heine-Depositum/ 134. - S.3.
14. Ebenda. - S.19.
15. Anfang September 1945: Der Vorstand der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (London) an Mitglieder und Funktionäre der Sozialdemokratischen Partei. // MGD. - Dok. 179. - S. 706-709.
16. Die Wiedergeburt der deutschen Sozialdemokratie. Bericht über Vorgeschichte und Verlauf der sozialdemokratischen Parteikonferenz von Hannover vom 5. bis 7. Oktober 1945. // Beilage I zu SM. – 1945. - Nr. 79-80.
17. Подробно об этом см.: Морозова В.Н. Политические процессы в советской зоне оккупации (1945-1949 гг.) в общественно-политическом дискурсе современной Германии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / В.Н.Морозова. – Воронеж, 2004. – 24с.
18. Wiederaufbau der Sozialdemokratie in Deutschland. // SM. Nr.77-78. August-September 1945.; Erklärung des Parteivorstandes der SPD (London). 11.07.1945. // MGD. - Dok. 176. - S. 701-702.
19. Europe Speaks. Hg. von W. Eichler/ W. Hansen, Welwyn Garden City. London - 3.11.1943. - S. 1.
20. Точное авторство документа установить не удалось.
21. Europe Speaks. - 20.11.1944. - S.17.
22. Europe and World Peace. Hg. vom ISK. –London, 1944. - S.4.
23. Gedanken zur europäischen Gegenwart und Zukunft. 1943. //AsD / IJB/ISK/ 50.
24. V. (Willi Eichler) An einen Freund der Europäischen Föderation. 23.03.1945 // AsD / IJB/ISK / 55. S.1.

Список сокращений

AsD – Archiv der Sozialdemokratie, Bonn

IJB – Internationaler Jugendbund

ISK – Internationaler Sozialistischer Kampfbund

© Дмитриева С.И., 2015.

Е.Л. Логиновский
(Уральский Федеральный университет,
г. Екатеринбург)

E.L. Loginovsky
(Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia)

**ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И КНДР (1949–1990)**

**THE FACTORS OF ECONOMIC COOPERATION OF GERMAN
STATES AND THE DPRK, 1949–1990**

Аннотация: В статье рассматривается феномен привлекательности Северной Кореи как делового партнера германских государств в годы «холодной войны». Показаны ключевые направления сотрудничества ГДР и ФРГ с КНДР в указанный период, а также обстоятельства и обоснования возникновения этих связей, выдвинуты предположения по периодизации торгово-экономических связей ГДР и ФРГ с КНДР.

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of North Korea's attractiveness as a trade partner of two German states during the Cold War period. The study displays principal directions of cooperation between the GDR, the FRG, and the DPRK in connection with the circumstances and justification of creation of those contacts. Suggestions concerning East German–North Korean and West German–North Korean trade and economic ties periodization are presented as well.

Ключевые слова: КНДР, Германия, сотрудничество, экономика, восстановление, «холодная война».

Keywords: DPRK, Germany, cooperation, economics, reconstruction, “cold war”.

Особую роль в повышении значимости стран Востока в глобальном измерении играют страны Восточной Азии – региона, который и по сей день ассоциируется с крупными успехами в экономическом развитии, достигнутыми благодаря применению рыночных принципов. При учете того обстоятельства, что эти принципы активно распространялись по миру именно странами Запада, а также в свете некоторых новейших тенденций размещения производственных мощностей западных корпораций на территории азиатских государств становится ясно, что в отношениях Запада, где Германия, будучи членом ЕС, продолжает занимать видное место, и Востока сегодня, как и прежде, существуют не всегда артикулируемые, однако хорошо прослеживаемые отношения взаимовлияния и взаимозависимости.

Авторитетный отечественный германист В.С. Паньков отмечает, что на страны и регионы, где рынки развивались наиболее динамично (Восточная и Юго-Восточная Азия, Латинская Америка), в середине 2000-х гг. приходилось не более 10 % экспорта Германии. Исследователь полагает, что усиление германских позиций на восточноазиатских рынках «довольно проблематично» с точки зрения и экспортного продвижения, и прямых инвестиций¹. Тем не менее при всех имевшихся затруднениях работы на рынках данного региона Германия уже в середине 1990-х гг. поддерживала относительно высокий уровень деловых связей с Корейской Народно-Демократической Республикой, позволивший ФРГ стать важнейшим европейским партнером Пхеньяна². В XXI веке Германия занимает, бесспорно, ведущее положение среди торговых партнеров КНДР, являясь крупнейшим представителем в этом ряду не только Европейского союза, но и стран вне Азии в целом³.

В этих условиях очевидно, что германо-северокорейские экономические связи отлажены достаточно хорошо. Между тем это была задача не из простых. Рюдигер Франк, известный исследователь экономических отношений КНДР с зарубежьем, подчеркивает: «Работа с партнером наподобие Северной Кореи требует высокой степени профессионализма»⁴. Поэтому необходимо четко понимать, в каких условиях развивался процесс налаживания делового сотрудничества Берлина и Бонна с Пхеньяном до 1990 г., какие факторы и составляющие делали его желательным для обоих германских государств.

Хотя ГДР изначально имела значительно бóльшие предпосылки к сотрудничеству с КНДР, чем ФРГ, оно, на наш взгляд, едва ли стало бы значительным в скором времени, если бы не Корейская война 1950—1953 гг., в результате которой фирмы ФРГ, к примеру, получили благоприятную конъюнктуру на мировых рынках⁵. Опустошительная война практически уничтожила экономику Северной Кореи, с немалыми усилиями восстанавливаемую после освобождения страны Красной Армией от японской оккупации в августе 1945 г., поэтому и перед Восточной Германией была поставлена задача оказания помощи КНДР в восстановлении ее экономики. Свидетельством этому стало создание в сентябре 1950 г. «Комитета помощи Корее», который собрал к 1957 г. 40 млн марок пожертвований⁶.

ГДР стала первым среди европейских социалистических государств, которое начало предоставлять КНДР помощь для ликвидации последствий войны⁷. В 1952—1953 гг. было подписано четыре соглашения о помощи и займах ГДР Пхеньяну⁸. Вложения Берлина составили не менее 15 % всей безвозмездной помощи, которую социалистические страны оказали КНДР для восстановления и развития народного хозяйства в 1950-х гг., что вывело Восточную Германию на третье (после

СССР и Китая) место в списке поставщиков ресурсов для реконструкции экономики республики⁹.

Содействие Берлина не осталось незамеченным в Пхеньяне. Председатель Кабинета министров КНДР Ким Ир Сен отмечал в 1957 г. «огромную помощь» СССР, КНР «и других стран народной демократии» в улучшении экономической обстановки в республике¹⁰. Необходимо при этом помнить, что Северная Корея сравнительно недолго оставалась в роли реципиента экономической помощи, начав в 1955 г. поставлять ресурсы, в которых остро нуждалась экономика ГДР (см.: Табл. 1). Уже тогда восточногерманская сторона стремилась «четко разделять помощь и торговлю». Таким образом, первый этап торгово-экономических отношений КНДР и ГДР (1950 — середина 1960-х гг.) отличался ярко выраженной направленностью на удовлетворение интересов Пхеньяна, но после войны (в особенности после 1960 г.)¹¹ ситуация начала изменяться в сторону выравнивания интересов обеих сторон.

Таблица 1 Некоторые виды сырья, импортировавшегося германскими государствами из КНДР (1950—1980-е гг.)

<i>Название</i>	<i>Сфера применения</i>	<i>Импорт еры</i>
Благородные металлы (золото, серебро)	Различные отрасли промышленности	ФРГ
Каустический магнезит	Строительство	ГДР
Магнезитовый клинкер	Строительство	ГДР
Магнитный железняк	Металлургия	ГДР
Цветные металлы (свинец, медь, цинк, кадмий)	Различные отрасли промышленности	ГДР, ФРГ
Черные металлы	Различные отрасли промышленности	ГДР

Составлено по: Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 117, 171; Краснов Ю.М. Внешнеэкономическая стратегия монополий ФРГ. М., 1981. С. 46; Frank R. Lessons from the Past: The First Wave of Developmental Assistance to North Korea and the German Reconstruction of Hamhùng // Pacific Focus. 2008. Apr. Vol. XXIII. No. 1. P. 54.

Для сравнения заметим, что деловые контакты КНДР и Западной Германии в 1950—1960-е гг. были крайне ограничены. 28 июля 1958 г. в Пхеньяне было подписано торговое соглашение между северокорейскими внешнеторговыми фирмами и представителем западногерманской компании ферросплавов¹². Именно тогда начался первый этап развития торгово-экономических отношений КНДР и ФРГ (1958—1973), отличавшийся, как замечала известный отечественный кореевед Н.Е. Бажанова, незначительными объемами товарного обмена¹³.

На налаживание деловых отношений Пхеньяна и Бонна негативно влияли поддержанные ФРГ дискриминационные положения в отношении торговли со странами социализма, выражавшиеся, к примеру, через бойкот торговли с КНДР в рамках мероприятий КОКОМ (1949), «дополнительные санкции» Запада против Пхеньяна времен Корейской войны (1952) и Внешнеэкономический закон ФРГ (1961)¹⁴. Дискриминационные мероприятия КОКОМ были, однако, подвержены изменениям: так, во второй половине 1950-х гг. на Западе резко усилилось движение «за восстановление нормальных экономических связей с социалистическими государствами», и в августе 1958 г. ограничения на торговлю с последними были смягчены «под нажимом западноевропейских стран», что было названо печатью ФРГ «победой политического благоразумия»¹⁵. Необходимо подчеркнуть, что ограничения на западногерманский экспорт в страны социализма, исходившие из мер КОКОМ, сохранялись до конца 1980-х гг., хотя Бонн и высказывался за сокращение этих ограничений «до безусловно необходимого минимума»¹⁶.

Нельзя не упомянуть об уникальном опыте в отношениях ГДР и других социалистических государств в восстановлении отдельных поселений КНДР. В феврале 1955 г. правительство ГДР утвердило решение Политбюро СЕПГ по оказанию помощи властям Северной Кореи в восстановлении города Хамхына¹⁷. Хамхын – центр провинции Южная Хамген, важнейшего района размещения химической промышленности КНДР. При анализе помощи ГДР в восстановлении Северной Кореи после войны 1950–1953 гг. в научной литературе упоминается, что именно в этом городе были построены жилые дома, а также большая часть строительных предприятий (см.: Табл. 2). К середине 1980-х гг. при содействии ГДР было закончено сооружение 28 объектов экономики КНДР; ни одна из стран – членов СЭВ, кроме СССР, не оказывала Пхеньяну столь широкомасштабной поддержки¹⁸.

Таблица 2 Реализованные проекты сотрудничества ГДР и ФРГ с КНДР (кроме поставок сырья)

<i>Сфера деятельности</i>	<i>Партнеры КНДР</i>	<i>Известные проекты</i>	<i>Период осуществления</i>
Промышленность строительных материалов	ГДР, ФРГ	Создание ряда объектов (ГДР); импорт из ФРГ оборудования по обогащению магнетита	1953–1961, 1971–1976 гг. (ГДР), 1970-е гг. (ФРГ)
Связь	ГДР	Поставка автоматических телефонных станций	1953–1961, 1971–1976, первая половина 1980-х гг.

Металлургическая промышленность	ГДР, ФРГ	Содействие в строительстве и оснащении предприятий	1953—1961 гг. (ГДР), середина 1980-х гг. (ФРГ)
Капитальное строительство	ГДР	Возведение на территории КНДР жилых домов, объектов здравоохранения	1953—1962 гг.
Станкостроение	ГДР, ФРГ	Импорт станков из ФРГ (на кредитной основе); экспорт станков в ГДР	1968—1969 гг. (ФРГ), 1970—1980-е гг. (ГДР)
Полиграфия	ГДР	—	1971—1976, первая половина 1980-х гг.
Текстильная промышленность	ГДР	—	1971—1976, первая половина 1980-х гг.
Судостроение	ГДР	—	1971—1976, первая половина 1980-х гг.
Электроника и электротехника	ГДР	Содействие в создании мощностей для производства счетно-вычислительной техники, точных приборов	1971—1976, первая половина 1980-х гг.
Машиностроение	ФРГ	Содействие в строительстве и оснащении предприятий	Первая половина 1970-х, 1980-е гг.
Химическая промышленность	ГДР, ФРГ	Импорт КНДР оборудования; содействие ФРГ в строительстве и оснащении предприятий	Первая половина 1970-х гг. (ФРГ), вторая половина 1980-х гг. (ГДР)

Составлено по: Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 101, 109, 117–118, 153, 156–157, 161, 171; Грязнов Г.В. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979. С. 208, 232; Корейская Народно-Демократическая Республика / Отв. ред. М.Е. Тригубенко. М., 1985. С. 165, 195, 197, 203–204; Andreff W. Economic Reforms in North Korea and Viet Nam // Seoul Journal of Economics. 1989. Vol. 2. No. 1. P. 104; Frank R. Lessons from the Past: The First Wave of Developmental Assistance to North Korea and the German Reconstruction of Hamhùng // Pacific Focus. 2008. Apr. Vol. XXIII. No. 1. P. 55.

Сравним деятельность ГДР по восстановлению городов в Северной Корее и Социалистической Республике Вьетнам. В конце 1970-х гг. специалисты из ГДР возвели жилой микрорайон в «полностью разрушенном» городе Вине (СРВ)¹⁹. Жители Виня и в наши дни вспоминают о «духе дружбы» между двумя странами, которую олицетворял этот микрорайон, хотя уже заметно, что восстановление Виня – «история, которая забыта в объединенной Германии и которая грозит теперь исчезнуть из памяти» самого этого города²⁰. Винь известен как центр провинции Нгеан, являющейся важным промышленным и транспортным районом Вьетнама. Значение этого региона велико не только для СРВ, но и для всего Индокитайского полуострова. Также Восточная Германия создавала во Вьетнаме такие объекты, как типография, предприятия промышленности строительных материалов, текстильной промышленности и ряд других²¹. Очевидно, что помощь ГДР развитию СРВ в 1970-х гг. немало напоминает содействие КНДР в годы реконструкции Хамхына.

Для второго этапа торгово-экономических отношений Берлина и Пхеньяна (середина 1960-х — первая половина 1970-х гг.) характерно заметное упрочение позиций ГДР. Подчеркивалось, что в эти годы республика «стала ведущим торговым партнером и одним из главных кредиторов» КНДР. Однако на следующем этапе (первая половина 1970-х — 1984 гг.) в двусторонних экономических отношениях выявилось немало кризисных явлений, не изжитых и к 1990 г., а усиление связей с несоциалистическими странами нанесло ущерб основным партнерам КНДР, в том числе странам СЭВ²².

Рассматривая переход ФРГ к следующему этапу делового сотрудничества с КНДР, отметим, что к началу 1970-х гг. сложилась благоприятная атмосфера для улучшения экономических связей Пхеньяна с развитыми странами, причем в ее формировании были весьма активны все стороны. Вследствие столь позитивных предпосылок второй период торгово-экономических отношений КНДР и ФРГ (1973—1975) был отмечен интенсивным ростом взаимного товарооборота²³.

После существенного падения доли западных стран во внешней торговле Северной Кореей в середине 1970-х гг. «лишь с Японией и ФРГ удалось сохранить контакты на относительно высоком уровне». Для третьего периода торгово-экономических связей Пхеньяна и Бонна (1976—1984) в целом была характерна разнонаправленная динамика. Вызывает интерес, что затруднения в развитии внешней торговли КНДР и ФРГ, будучи вызваны неодинаковыми причинами, в этот период во многом совпадают хронологически²⁴. В начале 1980-х гг. доля Западной Германии составляла более 10 % в экспорте КНДР и около 2 % в импорте;

годовой же объем торговли между странами превышал 150 млн. долларов США (до 100 млн. рублей)²⁵.

О высоком значении Бонна для северокорейской внешней торговли свидетельствует, к примеру, тот факт, что «в 1982—1984 г. на западногерманский рынок направлялась почти половина товаров, вывозимых на Запад». Однако еще с конца 1970-х гг. у ФРГ возник «хронический дефицит в торговом балансе с КНДР», доля импорта из которой во взаимном обороте превышала тогда 68 %. Подчеркнем, что такое положение создалось при неизменном (до середины 1980-х гг.) формате сотрудничества ФРГ с Пхеньяном²⁶. Подчеркнем, что такое положение создалось при неизменном (до середины 1980-х гг.) формате сотрудничества ФРГ с Пхеньяном.

В целом же ФРГ являлась в это время «вторым важнейшим партнером», а ГДР входила в «десятку ведущих партнеров» КНДР. Внося корректировки в справедливые по существу оценки Н.Е. Бажановой, укажем, что в 1980 г. на ГДР приходилось 1,9 % товарооборота КНДР. На этом основании можно оценить долю ГДР в товарообороте Северной Кореи со странами – членами СЭВ (без СССР) с середины 1970-х по вторую половину 1980-х гг. в пределах от 13 до 21 %. Подчеркнем, что экономическое сотрудничество ГДР и КНДР осуществлялось на основе семилетних соглашений, а не пятилетних, как в случае с большинством других европейских социалистических стран²⁷.

В январе 1984 г. сессия Верховного Народного Собрания КНДР указывала на необходимость дальнейшего развития деловых связей с Бонном. В июне 1984 г. КНДР и ГДР подписали очередное соглашение по углублению экономического и технического сотрудничества. 8 сентября 1984 г. был принят Закон КНДР о совместных предприятиях, резко усиливший возможности республики в сфере деловых контактов с зарубежьем. Эти события ознаменовали собой начало завершающего этапа торгово-экономических связей ГДР и ФРГ с КНДР (1984—1990). Как и Советский Союз, Восточная Германия «наиболее заметно продвинулась» в этот период «в освоении новых форм сотрудничества с КНДР», например, в производственной кооперации²⁸. На четвертом этапе экономических связей ГДР и ФРГ с КНДР на различных стадиях подготовки находился также ряд планов сотрудничества. Они не были реализованы до конца 1980-х гг. (см.: Табл. 3).

Таблица 3 Потенциальные направления сотрудничества ГДР и ФРГ с КНДР, находившиеся на различных этапах обсуждения

<i>Отрасль</i>	<i>Партнеры КНДР</i>	<i>Известные проекты</i>	<i>Период, когда упоминались данные проекты</i>
----------------	----------------------	--------------------------	---

Машиностроение	ГДР, ФРГ	Содействие ГДР в производстве некоторых видов изделий и модернизации предприятий; инвестиции ФРГ в сооружение завода тяжелого машиностроения	Вторая половина 1970-х — конец 1980-х гг. (ГДР), середина 1980-х гг. (ФРГ)
Металлургическая промышленность	ГДР, ФРГ	Сооружение при поддержке ФРГ завода белой жести (совместно с Австрией)	Вторая половина 1970-х — конец 1980-х гг. (ГДР), середина 1980-х гг. (ФРГ)
Промышленность строительных материалов	ФРГ	Расширение завода по производству магнезитового клинкера (совместно с Австрией)	Середина 1980-х гг.
Легкая промышленность	ГДР	Содействие в сооружении и модернизации предприятий	Середина 1980-х гг.
Станкостроение	ГДР	Модернизация предприятий КНДР	Вторая половина 1970-х — конец 1980-х гг.
Пищевкусовая промышленность	ГДР	—	Вторая половина 1970-х — конец 1980-х гг.
Электроника	ГДР	—	Вторая половина 1970-х — конец 1980-х гг.

Источник: Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 115–117, 160–161.

Из краткого обзора истории торгово-экономических отношений между ГДР и ФРГ, с одной стороны, и КНДР, с другой, следует, что все указанные государства прилагали усилия по организации взаимодействия друг с другом в экономической сфере практически с первых лет своего существования. Северная Корея была не только политическим, но и значимым экономическим партнером ГДР; неоспорима также и ценность КНДР как партнера ФРГ. Имеются все основания утверждать, что КНДР играла важную роль в экономической стратегии обоих германских государств. Касательно участия ГДР в восстановлении разрушенных войной городов КНДР и СРВ можно заметить, что во Вьетнаме ГДР

фактически следовала путем, ранее опробованным в Корее; в частности, Берлин уделял повышенное внимание созданию и развитию предприятий промышленности строительных материалов, а также размещению объектов своих инвестиций на территориях, имеющих высокое значение для принимающей помощи страны. По нашему мнению, современные германо-северокорейские экономические отношения несут на себе положительный отпечаток развития экономических (и политических, но лишь в определенной степени) связей КНДР с ГДР и ФРГ в эпоху «холодной войны».

Литература:

1. Национальная экономика в условиях глобализации / Под ред. И.П. Фаминского. М., 2007. С. 109, 113–114.
2. См.: Грязнов Г.В. Актуальные проблемы экономического развития КНДР (80–90-е гг.) // Корея на рубеже веков / Отв. ред. Ю.В. Ванин. М., 2002. С. 186.
3. По состоянию на 2011 г. См.: Захарова Л.В. Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ёне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 94.
4. Frank R. Lessons from the Past: The First Wave of Developmental Assistance to North Korea and the German Reconstruction of Hamhùng // Pacific Focus. 2008. Apr. Vol. XXIII. No. 1. P. 71.
5. См.: Федеративная Республика Германии / Отв. ред. В.Н. Шенаев. М., 1973. С. 246ГДР: становление и рост.
6. См.: Frank R. Op. cit. P. 52 ; ГДР: становление и рост. К истории Германской Демократической Республики / Пер. с нем. под ред. А.Я. Богомолова. М., 1977. С. 145.
7. См.: Бажанова Н.Е. Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М., 1993. С. 101.
8. Подробнее см.: Frank R. Op. cit. P. 53.
9. См.: Грязнов Г.В. Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979. С. 207–208.
10. Ким Ир Сен. Дружба и сплоченность социалистических стран // Международная жизнь. 1957. № 11. С. 63.
11. См.: Frank R. Op. cit. P. 54.
12. См.: Внешнеполитическая хроника // Международная жизнь. 1958. № 9. С. 128.
13. См.: Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 170–171.
14. КОКОМ (Координационный комитет по экспортному контролю) – международная экономическая организация (1949–1994), куда входили страны НАТО, Япония и ряд других государств западного блока, налагавшая ограничения на экспорт в социалистические страны. См.:

Корейская Народно-Демократическая Республика / Отв. ред. М.Е. Тригубенко. М., 1985. С. 162 ; Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 151 ; Краснов Ю.М. Внешнеэкономическая стратегия монополий ФРГ. М., 1981. С. 201.

15. Пичугин Б. За развитие международного экономического сотрудничества // Международная жизнь. 1958. № 11. С. 68–69 ; Международные комментарии // Там же. № 10. С. 112–113.

16. См.: Краснов Ю.М. Указ. соч. С. 200 ; Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ: концепции и реалии 80-х годов. М., 1989. С. 188–189.

17. См.: Frank R. Op. cit. P. 55..

18. См.: Корейская Народно-Демократическая Республика. С. 86; Грязнов Г.В. Указ. соч. С. 208; Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 101, 114.

19. ГДР в системе социалистической экономической интеграции / Отв. ред. К. Деттманн. М., 1989. С. 57–58 ; Schwenkel C. Post/Socialist Affect: Ruination and Reconstruction of the Nation in Urban Vietnam // Cultural Anthropology. 2013. Vol. 28. Iss. 2. P. 267.

20. Schwenkel C. Op. cit. P. 271–272.

21. ГДР в системе социалистической экономической интеграции. С. 57–58.

22. Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 107, 114, 117.

23. См.: Там же. С. 152–153, 171; Федеративная Республика Германии. М., 1973. С. 285 ; Федеративная Республика Германии / Отв. ред. В.Н. Шенаев, М. Шмидт, Д.Е. Мельников. М., 1983. С. 224.

24. См.: Федеративная Республика Германии. М., 1983. С. 213 ; Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 157-159, 171.

25. Соответственно курсу Госбанка СССР на август 1980 г. См.: Смирнов В.В. Развитие внешнеэкономических связей КНДР // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 3. С. 60; Бюллетень курсов иностранных валют. 1 августа 1980 года // Экономическая газета. 1980. Август. № 32. С. 22.

26. Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 171; Краснов Ю.М. Указ. соч. С. 95.

27. Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 108, 170. Корейская Народно-Демократическая Республика. С. 58, 154, 196.

28. Смирнов В.В. Указ. соч. С. 61; Корейская Народно-Демократическая Республика. С. 204 ; Бажанова Н.Е. Указ. соч. С. 116-117.

© Логиновский Е.Л., 2015.

Р.В. Долгилевич
(Московский институт
государственного и
корпоративного управления, г. Москва)

R.V. Dovgilevich
(Moscow Institute of public and
corporate governance, Moscow, Russia)

**ВЫБОРЫ 1967 Г. В ПАЛАТУ ДЕПУТАТОВ ЗАПАДНОГО
БЕРЛИНА И ПОЛОЖЕНИЕ В ГОРОДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СДПГ: ОЦЕНКИ ПОСОЛЬСТВА СССР В ГДР**

**ELECTIONS OF 1967 IN WEST BERLIN CHAMBER OF DEPUTIES
AND THE CITY ORGANISATION OF THE SPD: ASSESSMENT
OF SOVIET EMBASSY IN DDR**

Аннотация: Статья посвящена оценке Советским посольством в ГДР итогов выборов городской палаты депутатов Западного Берлина в 1967 г., причинам отказа от создания в Западном Берлине «большой коалиции» СДПГ/ХДС, и возможности отставки правящего бургомистра Альбертца.

Abstract: The article is devoted to the estimation by the Soviet embassy in East Germany in 1967 of the results in 1967 for the election of the city of West Berlin Chamber of Deputies, also the reason of nonestablishment in West Berlin "grand coalition" of the SPD / CDU, and the possibility of the resignation of the mayor of the ruling Albertts.

Ключевые слова: советское посольство в ГДР, городская палата депутатов, земельная организация СДПГ и ее съезд, сенат, правящий бургомистр, ХДС, СвДП.

Keywords: Soviet Embassy in the German Democratic Republic, , the city Chamber of Deputies, the land organization of the SPD and its Congress, the Senate, Governing Mayor, the CDU, the FDP.

В годы «холодной войны» Западный Берлин был важным участком противостояния между Востоком и Западом. Не последнюю роль в «берлинском противостоянии» играл сенат Западного Берлина – высший орган исполнительной власти города. Поэтому СССР было далеко не безразлично, кто возглавлял сенат, формировавшийся по итогам выборов в городскую палату депутатов. Советское посольство в ГДР¹ внимательно следило за развитием внутривнутриполитических процессов в Западном Берлине, соотношением сил ведущих партий, выборами в городскую палату депутатов – своеобразный местный парламент.

В статье предпринимается попытка показать, как посольство СССР в ГДР оценивало итоги выборов 1967 г. в городскую палату депутатов и положение, сложившееся после них в западноберлинской организации СДПГ – главной партии правительственной коалиции Западного Берлина. Статья продолжает серию публикаций автора о внутривнутриполитических процессах в Западном Берлине, начало которой было положено статьей о выборах 1963 г. в городскую палату депутатов, опубликованной в сборнике научных работ Башкирского государственного университета в 2015 г.². Историография вопросов об оценке советским посольством выборов 1963 г. и 1967 г. одна и та же³, поэтому автор счел возможным ограничиться ссылкой на свою предыдущую публикацию⁴.

Документальный источник статьи – материалы фонда 742 Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), которые впервые вводятся автором в научный оборот. Это донесения референтуры по ГДР в МИД СССР. Они отличаются объективностью освещения событий, хотя и в них встречаются советские клише и стереотипы, характерные для периода «холодной войны». К сожалению, материалы фонда 0742 за 1967 г. до сих пор не рассекречены и по-прежнему остаются недоступными для исследователей.

Выборы в городскую палату депутатов, состоявшиеся 12 марта 1967 г., проходили в условиях спада экономической конъюнктуры в ФРГ и в Западном Берлине. В информации советского посольства в ГДР, направленной в МИД 14 июня 1967 г., говорилось, что «экономическое положение Западного Берлина значительно усложнилось по сравнению с прошлыми годами. Целый ряд ведущих фирм перевели свои представительства в Западную Германию, некоторые промышленные предприятия были закрыты, что значительно увеличило число безработных, а недовольство рабочих в ряде случаев вылилось в демонстрацию протеста против экономической политики правительства т.н. «большой коалиции»⁵.

В другом документе посольства, датированном 25 октября 1967 г., также отмечалось «заметное ухудшение экономического положения Западного Берлина»⁶. И даже значительно позже, в документе посольства от 10 апреля 1969 г., подчеркивалось, что в 1967 г. в Западном Берлине наблюдалось уменьшение портфеля заказов, недогрузка производственных мощностей, падение спроса на рабочую силу, и, как результат, - сокращение рабочего дня и увольнение рабочих⁷.

Вместе с тем посольство не сгущало краски: ни в одном из находившихся в распоряжении автора документов речь не шла об экономическом кризисе и тем более об экономической катастрофе. Вещи назывались своими именами – конъюнктурный спад. Этот спад не мог, однако, не повлиять на настроения избирателей.

Итоги выборов 1967 г. в городскую палату депутатов были всесторонне проанализированы в справке советского посольства в ГДР, подготовленной его первым секретарем В.Н. Белецким и третьим секретарем И.Г. Абоймовым. Она была направлена в МИД 31 марта 1967г.

По итогам выборов голоса и мандаты распределились следующим образом⁸:

Таблица 1.

Партии	1967 год			1963 год		
	Число голосов	% голосов	Число мандатов	Число голосов	% голосов	Число мандатов
СДПГ	829,955	56,9	81	962,197	61,9	89
ХДС	480,192	32,9	47	448,459	28,8	41
СвДП	104,014	7,1	9	123,382	7,9	10
СЕПГ	29,934	-	-	20,929	1,4	-
ОНН	15,540	-	-	-	-	-

Посольство отмечало, что в целом предвыборная кампания, седьмая по счету за послевоенное время, проходила более спокойно, чем предыдущие выборы в Западной Берлине. Поднимаемые в ее ходе вопросы не выходили, как правило, за рамки коммунальных проблем. Несмотря на усилия СЕПГ – Западный Берлин поставить в центр внимания избирателей вопросы о путях будущего развития города, они остались все же в стороне от предвыборной борьбы. Правым партиям удалось свести предвыборную кампанию к обсуждению чисто местных дел⁹.

Выборы проходили при более низкой, чем в предыдущие годы, активности населения. В них приняло участие 86,2% избирателей. Это был самый низкий процент участия избирателей в выборах за все годы существования Западного Берлина¹⁰.

Посольство подчеркивало, что на этот раз не отмечалось характерной для предыдущих избирательных кампаний антикоммунистической истерии и открытых провокаций против СЕПГ – Западный Берлин. Оно полагало, что это было обусловлено в основном опережденной нормализацией обстановки в данном районе.

Особое внимание в документе посольства от 31 марта 1967 г. обращено на то обстоятельство, что СДПГ, хотя и получила абсолютное большинство голосов и мандатов, но по сравнению с предыдущими

выборами потеряла 132 тыс. голосов и 8 мандатов в городской палате депутатов. Это были серьезные потери. Потеряли голоса также свободные демократы, получившие на 1 мандат меньше, чем прежде. В то же время число голосов, поданных за ХДС, увеличилось на 32 тыс. или 4,1 % по сравнению с 1963 г. «Это увеличение числа голосов христианинскими демократами, которые фактически по-прежнему выступают за продолжение политики “фронтного города”, – говорилось в этом документе – рассматривается в Западном Берлине как “самая большая неожиданность” последних выборов»¹¹.

За СЕПГ – Западный Берлин голосовало почти 30 тыс. человек (2,0% участвовавших в голосовании) по сравнению с 21 тыс. человек в 1963 г. (1,4%). Выступавшая впервые в Западном Берлине правая группировка «Объединение независимых немцев» (ОНН) собрала около 16 тыс. голосов (1,1%). Поскольку эти две партии набрали менее 5% голосов, они не были представлены в городской палате депутатов.

Аналогичная картина наблюдалась и в районах города. Из 540 мандатов районных собраний депутатов СДПГ получила 318 (на 19 мест меньше, чем в 1963 г.), ХДС 191 (на 27 мест больше по сравнению с 1963 г.) и СвДП 31 (на 8 мест меньше)¹².

По мнению советского посольства, падение числа голосов, поданных за СДПГ, объяснялось прежде всего фактом создания «большой коалиции» в Бонне, что наложило свой отпечаток и на Западный Берлин. Обе партии, особенно СДПГ, избегали в целом нападок друг на друга. Более того, ораторы от СДПГ подчеркивали в ходе избирательной кампании, что создание «большой коалиции» оправдало себя, что финансово-экономическое положение ФРГ начинает стабилизироваться, что внешняя политика нового кабинета стала более активной и успешной. «Отказ руководства СДПГ от выступления с определенной альтернативой курсу христианских демократов, - делало вывод посольство, - создание большой коалиции и “примирение” с ХДС/ХСС вызвали известное недовольство рядовых членов партии и оттолкнуло от социал-демократов некоторые слои населения»¹³.

Сказалась также замена на посту правящего бургомистра В. Брандта, занявшего в Бонне посты вице-канцлера и министра иностранных дел, Г. Альбертцем, который не имел такого авторитета, как его предшественник.

С точки зрения посольства, определенную роль сыграла и чрезмерная самоуверенность социал-демократов в своей победе. Никто в руководстве западноберлинской организации СДПГ фактически не сомневался в том, что они получают 60% голосов. Поэтому избирательная кампания была пущена ими в известной степени на самотек.

Что касается западноберлинских христианских демократов, то создание в ФРГ «большой коалиции», если судить по результатам выборов, пошло им на пользу.

Немалую роль в исходе выборов, считало советское посольство, сыграла и более высокая активность ХДС в предвыборной борьбе. Воспользовавшись известной пассивностью СДПГ, ХДС развернул широкую предвыборную кампанию, а также проводил кропотливую работу по привлечению на свою сторону избирателей. На предвыборных собраниях и митингах выступали почти все руководящие деятели ХДС/ХСС – К.Г. Кизингер, Ф.Й. Штраус, К.У. фон Хассель и другие. Кроме того, на успехе партии сказались и возраставшая популярность нового канцлера Кизингера.

Посольство сообщало в МИД, что результат выборов для СЕПГ – Западный Берлин западноберлинская пресса характеризовала как «уничтожающий приговор» для коммунистов, которые набрали в городе в марте 1933 г. 22% голосов, в 1946 г. – 13,7 %, а сейчас только 2%. Между тем западные газеты высказывали озабоченность увеличением поданных за СЕПГ – Западный Берлин голосов, объясняя это прежде всего ростом экономических затруднений в Западном Берлине. В то же время глава партии Г. Данелиус расценил увеличение голосов СЕПГ – Западный Берлин на 9 тыс. человек как определенный успех, поскольку предвыборная борьба для нее проходила в «неравных условиях» по сравнению с ее противниками¹⁴.

В документах посольства от 31 марта 1967 г. особо подчеркивалось, что, несмотря на давление Бонна и руководства СДПГ, настаивавших на создании в Западном Берлине «большой коалиции», западноберлинские социал-демократы не пошли на это. Руководство западноберлинской организации СДПГ и вновь созданная фракция социал-демократов в палате депутатов высказались за продолжение прежней коалиции с СвДП или же за создание однопартийного сената в случае возникновения трудностей в переговорах со свободными демократами¹⁵.

Такое решение посольство объясняло нежеланием руководства западноберлинской организации СДПГ, в частности лично Альбертца, делить власть с ХДС. Он считал, что создание коалиции с ХДС потребует передачи ей почти 40% постов сенаторов, в том числе поста бургомистра¹⁶, что затруднило бы решение многих вопросов. Кроме того, Альбертц опасался, что создание «большой коалиции» в Западном Берлине еще больше затруднит отношения с ГДР, которые и без того заметно ухудшились¹⁷.

В результате переговоров, состоявшихся между западноберлинскими организациями СДПГ и СвДП, 23 марта 1967 г.

была достигнута договоренность о создании ими прежней коалиции. Теперь свободные демократы получили только один из 10 постов сенаторов – сенатором юстиции стал лидер западноберлинской организации свободных демократов Г.-Г. Хопле. СвДП по существу утратила возможности для какого-либо влияния на курс сената¹⁸.

По мнению посольства, линия сената должна была, как и прежде, определяться социал-демократами «в рамках отведенной для западноберлинских властей довольно ограниченной компетенции». Посольство полагало также, что в новом правительственном заявлении Альбертца будут в модифицированном виде повторены основные положения правительственного заявления Брандта в городской палате депутатов в 1963 г. и подтверждена готовность к продолжению переговоров о пропусках с представителями ГДР.

Ожидалось, что несколько больше, чем прежде, будет подчеркнута необходимость расширения связей с Востоком. «Но упор, - отмечало посольство, - будет сделан, очевидно, на вопросы повышения жизнеспособности западноберлинской экономики, расширения связей Западного Берлина с ФРГ и необходимости выполнения городом “общегерманских функций”»¹⁹.

Действительно, все эти положения были отражены в правительственном заявлении сената, утвержденного городской палатой депутатов 6 апреля 1967 г.

После выборов в палату депутатов советское посольство, как и прежде, глубоко изучало процессы, протекавшие в ведущей партии правительственной коалиции – СДПГ, а также основные направления политики ее руководства. Этим вопросам посвящена информация посольства в МИД от 14 июня 1967 г.²⁰. о XXIV съезде западноберлинской земельной организации СДПГ, состоявшемся 26-27 мая 1967 г.. Информацию подготовили советник посольства Н.Гусев и третий секретарь посольства И.Г. Абоймов.

Съезд, отмечалось в этом документе, проходил в несколько необычной обстановке. Падение интереса к Западному Берлину, ухудшение положения в экономике города, отсутствие единства в сенате по некоторым ключевым вопросам, – все это наложило отпечаток на обстановку в партии накануне съезда. Значительно активизировалась деятельность различных группировок, в том числе и «левого», и «правого» крыла западноберлинской организации СДПГ.

Задолго до съезда «левые» и «правые» провели свои совещания, на которых были приняты решения о выступлении единым фронтом на предстоящем съезде против так называемой «сенатской фракции», т.е. против представителей сената в правлении партии. «Правым» было отведено 7 мест, «левым» - 6. Не предусматривалось выставлять в

качестве кандидатов в земельное правление СДПГ ни одного представителя сената²¹.

Создавшаяся в партии обстановка вызвала озабоченность сената, который с целью выхода из затруднительного положения выдвинул своего кандидата на пост председателя партии. Им стал сенатор внутренних дел В. Бюш, который надеялся за счет молодых сил земельной организации победить своего соперника К. Маттика, действовавшего председателем партии, выдвинутого на новый срок «левой» и «правой» группировками²².

В отчетном докладе, с которым на съезде выступил Маттик, высказывалась серьезная озабоченность политическим и экономическим будущим Западного Берлина, а также бесперспективностью политического курса сената во главе с Альбертцем. Маттик заявил, что «политическое значение города зависит от его способности стать притягательным пунктом во всех областях жизни: политической, экономической и культурной». В политической области задачу города он видел в выполнении им роли «моста» между Востоком и Западом, а также в обеспечении себе на будущее роли «символа столицы единой Германии»²³.

Советское посольство обратило внимание на то, что Маттик, констатируя экономические трудности в Западном Берлине, заявил: «Многие не имеют желания жить в городе, который находится на положении острова». С целью преодоления тяжелого положения в экономике он призвал ФРГ принять меры к возвращению в Западный Берлин ведущих промышленных фирм, которые в последнее время перевели свои предприятия в Западную Германию, а также меры по переводу в Западный Берлин целого ряда правительственных органов, в частности, министерства по общегерманским вопросам. Маттик призвал также правительство ФРГ выступить перед США, Англией и Францией с ходатайством о принятии мер по облегчению режима передвижения на путях сообщения между Западным Берлином и ФРГ²⁴.

В рассматриваемом документе особо выделяется высказывание Маттика о необходимости разработки альтернативной программы по отношению к ГДР. «Если мы докажем, что мы не в тупике, - заявил Маттик, - то они (он имел в виду ГДР) откажутся от политических методов средневековья на границе». Посольство обратило также внимания на тот факт, что на съезде, в отличие от прошлых лет, отсутствовали нападки и критика в адрес ГДР²⁵.

Наиболее интересным выступлением на съезде представителей «левого» крыла было, по мнению советских дипломатов, выступление Г.Ристока. Он подверг резкой критике «новую восточную политику» ФРГ, заявив, что установление дипломатических отношений Западной

Германии с Румынией нельзя рассматривать как значительный шаг на пути к нормализации отношений с восточноевропейскими соседями. «Мы можем установить дипотношения еще с несколькими странами, подобными Румынии, но это не приблизит нас к решению германской проблемы, ибо такие страны, как Румыния, совершенно бесполезны и бессильны в этом вопросе», - заявил Ристок. Правильным, отметил он, является путь нормализации отношений, прежде всего, с Советским Союзом, Польшей и Чехословакией. В этой связи Ристок высказался за признание границ по Одру и Нейсе окончательными, за объявлением недействительным Мюнхенского соглашения с самого начала²⁶.

В речах многих делегатов содержалась открытая и резкая критика прявщего бургомистра Альбертца и политики, проводимой сенатом. Посольство считало, что «выступления большинства делегатов по своему содержанию были более откровенны и прямолинейны, чем решения, принятые съездом»²⁷.

Советское посольство характеризовало резолюции съезда как противоречивые и непоследовательные. Так, в политической резолюции съезда содержался призыв к принятию мер по улучшению отношений между обеими частями Германии, однако без признания ГДР в качестве самостоятельного суверенного государства. В резолюции о Мюнхенском соглашении в первой части говорилось о необходимости признания этого соглашения недействительным с самого начала, а во второй части этой же резолюции речь шла о необходимости решения спорных правовых вопросов, вытекающих из этого соглашения. Такой же противоречивый характер, по мнению посольства, носили и резолюции о политическом курсе сената, о «чрезвычайном законодательстве», а также по вопросам экономического положения города²⁸.

При выборах руководящих органов председателем партии вновь был избран К. Маттик. Заместителем председателя от «левых» стал В. Штайн, от «правых» - К. Нойбауэр. Кроме Маттика, Штайна и Нойбауэра в правление вошли еще шесть представителей «правого» крыла, пять – от «левого» и только два от «сенатской фракции». Расчеты последней избрать В.Бюша председателем партии не оправдались. Он набрал всего лишь 72 голоса²⁹.

Советское посольство считало, что выборы руководящих органов западноберлинской организации СДПГ явились провалом попыток сената во главе с Альбертцем завоевать руководящее положение в партии и установить свой контроль над ее руководством. Но, предупреждало посольство, «отсюда не следует делать вывод, что новое руководство СДПГ Западного Берлина значительно изменилось и что т.н. “левое” крыло в нем будет играть существенную роль. По-прежнему ведущую роль будет безусловно играть “правое” крыло во главе с Маттиком и

Нойбауэром. «Левые» в правлении партии в меньшинстве. Они не смогут оказывать какого-либо значительного влияния на политический курс партийного руководства»³⁰.

Это, говорится далее в документе посольства, и не было их целью. Идя на компромисс с «правыми», они хотели ввести своих представителей в руководящие органы партии всего лишь с тем, чтобы затем получить возможность официально выступать с разъяснением своей точки зрения по тому или иному вопросу перед рядовыми членами партии как в печатных органах, так и с партийной трибуны.

В целом, подчеркивали советские дипломаты, на съезде западноберлинской организации СДПГ проявилось отсутствие единства в партии и отсутствие твердой политической линии партийного руководства.

Этот вывод, отмечало посольство, в известной степени подтверждался развитием ситуации в Западном Берлине после съезда СДПГ. Визит 2 июня 1967 г. шаха Ирана в Западный Берлин и вызванные этим визитом студенческие волнения, столкновения с полицией, приведшие к гибели одного из студентов, свидетельствовали, с одной стороны, о неспособности сената во главе с Альбертцем найти контакт со всеми слоями населения. С другой стороны, эти события говорили о нежелании руководства западноберлинских социал-демократов поддерживать сенат и лично Альбертца в его практической деятельности.

Прогноз, который делало советское посольство, на этот раз оказался не просто правильным, но и удивительно точным. «В будущем, – говорилось в его информации в МИД от 14 июня 1967 г., – не исключено развитие, направленное на дальнейший раскол и расхождение между руководством сената и правлением западноберлинской организации СДПГ, которое в конечном счете может привести к вынужденному досрочному уходу нынешнего правящего бургомистра Альбертца или кого-либо из его окружения, например, сенатора по внутренним делам Бюша в отставку. Однако такое развитие событий во многом зависит от позиции т.н. «правого» крыла в партии, которое составляет большинство в новом правлении западноберлинской организации СДПГ, избранном на последнем съезде»³¹. И действительно: в сентябре 1967 г. гром грянул над головами как Бюша, так и Альбертца. Оба они вынуждены были уйти в отставку. В Западном Берлине разразился правительственный кризис. Оценка советским посольством его глубинных причин, а также путей и методов преодоления – это тема отдельной публикации.

Литература:

1. Западный Берлин входил в сферу компетенции посольства СССР в ГДР.
2. Государство и общество в Европе: проблемы становления и развития. Сборник научных работ. Уфа, РИЦ, БашГУ, 2015. С. 202-215. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.35-36
3. В 2015 г. была опубликована работа, ставшая заметным вкладом в изучение российскими историками западноберлинской проблематики: Беспалов В.А. Западноберлинский транзит (1945-1971). Дипломатия холодной войны. М., 2015.
4. Долгилевич Р.В. Выборы 1963 г. в городскую палату и районные собрания депутатов Западного Берлина: анализ и оценки советского посольства в ГДР // Государство и общество в Европе: проблемы становления и развития. С.204-205.
5. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.63.
6. Там же, л.138.
7. Там же, оп.14, п.46, д.23, л.57.
8. Там же, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.36.
9. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.35-36
10. В выборах 1950 г. участвовали 90,4 % избирателей; в 1954 г. – 91,8%; в 1958 г. – 92,9 %; в 1963 г. – 89,9%; - АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.36
11. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.37.
12. Там же.
13. Там же.
14. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.38.
15. Там же, л.38-39.
16. Бургомистр – вторая по значимости должность в Западном Берлине, фактически заместитель правящего бургомистра.
17. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.39.
18. Там же.
19. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.39
20. Там же, д.18, л.63-67.
21. Там же, л.63.
22. Там же.
23. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.64.
24. Там же.
25. Там же, л.65.
26. Там же.
27. Там же.
28. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.65.
29. Там же, л.66.
30. Там же.
31. АВП РФ, ф.742, оп.12, п.41, д.18, л.67.

©.Долгилевич Р.В, 2015.

ЧАСТЬ III. Актуальные проблемы исторических исследований

А.Р. Подопригора

(Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, г. Уфа)

A. R. Podoprigora

(Ufa branch of Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Ufa, Russia)

МАНТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО И КУЛЬТ ГЕРАКЛА

MANTIC ART AND HERACLES'S CULT

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь культа Геракла с искусством дивинации в Древней Греции. В центре внимания его взаимоотношения с двумя самыми авторитетными оракулами Эллады – Додонским и Дельфийским, а также с оракулами мертвых. Кроме того, анализируются сведения античной традиции о собственных святилищах Геракла в Буре и Гиемте, имевших мантические функции.

Abstract: The article is devoted to the relationship of the Hercules' cult with divination in Ancient Greece. There are his interacts with two most authoritative greek oracle, Dodona and Delphi, and oracles of the dead in the spotlight. The author analyzes information by the ancient tradition about Heracles' sanctuaries in Bura and Hyettus with mantic function.

Ключевые слова: Геркулес, Геракл, оракулы, дивинация, Додонский оракул, омфал, двойная секира, Дельфийский оракул, треножник, Фивы, Гиемта, Бура.

Keywords: Hercules, Herakles, oracles, divination, oracle of Dodona, omphalos, Double Axe, Delphic oracle, tripod, Thebes, Hyettus, Bura.

Соотношение рационального и иррационального в греческой античности давно является предметом размышлений и дискуссий антиковедов. Если некогда существовало убеждение, что не было общества, более полагающегося на рацию, чем древнегреческое [Доддс Э.Р., 7-8], то в настоящее время все больше внимания уделяется тем аспектам духовного бытия древней Эллады, которые можно объяснить только с учетом особенностей архаического сознания. Мантическое искусство – одно из наиболее ярких проявлений алогичной стороны греческой экзистенции. Дивинация играла огромную роль в жизни общества. Вопросание многочисленных оракулов порой определяло начало войны и заключение мира, маршруты колонизации и возведение храмов. За советом к оракулам обращались не только полисы, так же

поступали во всех сколько-нибудь важных случаях и частные лица. «Много есть оракулов у эллинов, много и у египтян, а также в Ливии и в Азии», – писал Лукиан из Самосаты (*De syr. dea* 36). Самые разные предметы и явления могли стать объектом гадательной практики: звезды, солнце, земля, воздух, дождь, туча, гром, источники, огонь, дым, зеркала, веретена, тарелки, стрелы, топоры, игральные кости и даже черепа мертвых [Приходько Е.В., 71 и слл.]. По словам М. Нильссона, «создается впечатление, что провидцы сновали повсюду и готовы были услужить любому, кто мог заплатить» [Нильссон М., 173].

Не менее велико было разнообразие способов мантики. Цицерон выделяет всего два основных типа предикции – естественную и искусственную, относя к последней все разнообразие методов намеренного обращения за советом к высшим силам (*Cic. De div. I. 6. 11*). В.В. Латышев, также деля всю мантику на безыскусственную и искусственную и перечисляя более сорока преимущественно греческих оракулов (и этот список не является исчерпывающим), предлагает их классификацию по способу вещания: оракулы знаков; оракулы экстатические; оракулы сновидений; оракулы вызова мертвых [Латышев В.В., 165 и слл., 176 и слл.]. Довольно часто исследователи опираются и на разделение оракулов по «субъекту» предсказания – божеств и героев [Bouché-Leclercq A., 2003].

Обращение с гадательными целями к героям вызывает больше всего вопросов, так как именно здесь ощущается избирательность подхода. Если среди богов с искусством предсказания ассоциируются, прежде всего, Аполлон и Зевс, но не так-то просто найти божество, которое вовсе не имело бы собственных оракулов, то среди героев существует более жесткая «специализация». В большинстве случаев прорицания давались при святилищах тех героев, которых при жизни отличал пророческий дар. Таковы оракулы Амфиарая в Оропе (Paus. I. 34. 2; Strabo IX. 1. 22, 2. 10), Трофония в Лебадии (Paus. I. 34. 2), при гробнице Тиресия близ Галиарта (Strabo IX. 2. 27; Paus. IX. 33. 1), Амфилоха в Малле (Paus. I. 34. 3) и проч. Однако из этого правила есть исключения. Одним из них является Геракл, герой, который при жизни не был одарен мантическим талантом, и, тем не менее, имел отношение ко многим, в том числе и самым влиятельным оракулам Греции – к Додонскому и Дельфийскому.

Хотя в классическую эпоху Додонский оракул не мог соперничать с Дельфами ни по числу обращений, ни по богатству святилища [Приходько Е.А., 138], о значении Додонского прорицалища для Северной Греции, да и для всей Греции, неоднократно упоминает греческая традиция. Додонская роща считалась одной из самых древних в Элладе (Hdt. II. 52; Paus. VIII. 23. 5). Павсаний пишет о том, что для

калидонцев, как и для соседних этолийцев, акарнанцев и эпиротов, додонский оракул являлся наивысшим авторитетом (Paus. VII. 21. 2), но еще у Гомера святилище фигурирует как имеющее общегреческое значение (Od. XIV, 327-328; XIX, 296-297). Страбон, говоря о додонском культе, считает его пеласгическим, перенесенным из Фессалии (V. 2. 4; VII. 7. 9, 12).

В ряду героев, чьи судьбы не раз пересекались с Додоной, Геракл, сын Зевса. У Софокла в «Трахинянках» Геракл говорит сыну: «Я открою тебе новые пророчества, совпавшие с теми, что я собрал прежде, пророчества, которые я, придя в рощу горных и спящих на земле селлов, записал от отца многоголосого дуба» [цит. по: Приходько Е.В., 140]. Герой вопрошает священный дуб о своей дальнейшей судьбе, и тот обещает ему отдохновение от трудов (Soph. Trach. 172, 1164-1171). Однако, учитывая статус святилища, к Зевсу Додонскому взывало немало героев (Одиссей (Hom. Od. XIV. 313-330), Ахилл (Hom. II. 16. 233-235) и проч.) и подобное обращение не свидетельствует ни о чем специфическом в отношении к оракулу.

Даже строительство в северной части святилища храма возможно посвященному Гераклу (в пользу этого говорит находка метопы со сценой сражения Геракла с Лернейской гидрой, что, однако, не является однозначным свидетельством посвящения герою), возведенного по указанию Пирра, считавшего себя Гераклидом (Plut. Pyrr. 1), вызвано к жизни чисто политическими, а не религиозными причинами [Parke H.W., 119; Казаров С.С., 144, 453].

Есть также ряд косвенных свидетельств. Вспомним, что ствол додонского дуба был укреплен на носу или в средней части киля «Арго» Афиной, и в трудную минуту дубовая балка начинала вещать о гнев Отца богов. Интересно, что золотое руно – цель похода – также висело на одном из деревьев священной дубовой рощи (Apollod. I. 9. 16; Apoll. Rhod. I. 523-524; IV. 580-583; II. 402-403; Aech. Frg. 44. 114 (20)). Впрочем, традицией озвучивались разные мнения об участии Геракла в походе аргонавтов. По одной из версий, корабль провещал, что не в силах вынести тяжести героя, и Алкид был оставлен в Фессалии (Apollod. I. 9. 19).

В литературе предпринимались попытки соотнести додонскую «систему координат» с известными нам представлениями о подземном мире, стихией плодородия и хтонизма. В частности, Д. Эванс еще в 70-х годах XX в. предложил сопоставить название оракула с наименованием древнейшего индоевропейского ритуала вызывания дождя, а географию Эпира и Феспотии – с географией Аида, где Ахерон является субститутом Стикса, главной реки загробного царства. Ахерон путем этимологических выкладок увязывается автором с Ахелоем, речным

богом, с которым боролся Геракл за руку Деяниры [Evans D., 108, 114 sqq.]. С автором можно согласиться в той части его выводов, где он утверждает, что Додона имеет хтонические пеласгические корни, но прямое отождествление ряда топонимов почти ничем не превосходит методологический подход античных авторов и выглядит натянутым.

Традиция приписывает Додоне некую неясную связь с другим, авторитетным и предположительно пеласгическим святилищем – Элевсинским. В Элевсине в мегароны (подземные залы) сбрасывали поросят-сосунков – считалось, что они через год появлялись в Додоне (Paus. IX. 8. 1). Возможно, подобная загадочная взаимосвязь базируется на первоначальном посвящении дубовых рощ Великой Богине-Матери, Деспойне («Владычице»), имя которой не решается назвать Павсаний (Paus. VIII. 37. 10). В наиболее абстрактном виде это божество весьма напоминает критскую «древесную богиню», которая была одной из ипостасей главного женского божества. Недаром, по свидетельству Геродота, пеласги в Додоне совершали жертвоприношения богам, еще не называя их по именам, потому что не знали их (Hdt. II. 52). Гипотетическое присутствие в Додоне женщин-жриц (Hdt. II. 55; Plat. Phaedr. 244 b), оцениваемое по-разному [Приходько Е.В., 141-144], также наводит на мысль о близости с культовой практикой Крита.

Археология Эпира говорит о незначительном минойском и микенском влиянии в Додоне. Тем не менее, археологические находки говорят о наличии микенских поселений и захоронений купольного типа (Парги-Кипери) [Бартонек А., 92; Cabanes P., 159]. Кроме того, как местный вариант критского вотивного инвентаря трактуются обнаруженные в Додоне двойные топоры [Vanschoonwinkel J., 78]. Эти находки навели А. Кука на мысль о соотношении с критской традицией почитания двойной секиры. При этом в критских же традициях с топором связывается мужское начало, а с деревом – женское. Исследователь соотносит эти данные со свидетельством Филострата (Imag. II. 33), описывающего картину с вонзенным в дуб топором, а также с поздними фольклорными источниками, и делает вывод о возможности почитания здесь в догреческие времена женского божества, позднее вытесненного культом Зевса [Cook A.B., 677-678; The Cambridge ancient history, 272]. Собственно многие культы Греции до появления мужских божеств – Зевса или Аполлона – имели совершенно иной «профиль» и были связаны со стихией плодородия и почитанием женских, пусть еще и слабо индивидуализированных божеств [Rigoglioso M., 140]. Возможно, это утверждение справедливо и для Додоны.

Символ двойной секиры, лабрис, если верно предположение о критском происхождении оракула, относится к наиболее древним представлениям об изначальном божестве Додоны. Впервые этот символ

появляется в виде рисунка на минойской керамике (РМ II), состоящего из двух треугольников. Мотив находит развитие и в орнаменте периодов РМ III и СМ I. Этот знак зафиксирован в качестве знака критской письменности [Пендлбери Дж., 136]. Изображения и находки двойных секир часто соседствуют с «рогами посвящения» или изображениями быка на алтаре. Часто его трактовали как приношение богу-быку и как символ производственной магии, ассоциировавшийся с молнией. А. Молчанов приходит к выводу о его связи с обрядом освящения власти правителя. Свои выводы он основывает на анализе минойской эпиграфики [Молчанов А.А., 92-99]. Этот древнейший символ был широко известен по всей Малой Азии и Эгеиде. Он олицетворял универсальную силу, охватывающую мир в целом, сочетание противоположностей: созидание и разрушение, живое и неживое, умерщвление жертвы и ее обожествление, являясь символом верховного божества.

Малоазийское и, вероятно, общеэгейское божество двойного топора у греков именовалось по-разному (см. Hdt. V. 119; Strabo XIV. 2. 23; Plut. Quest. Gr. 45; ср. Paus. VIII. 10. 4). Чаще всего мы можем наблюдать его соотношение с периферийными культами Зевса в их наиболее архаичном виде. Особенно тесна его связь с Зевсом Лабраундским [Cook A.B., 559], все изображения которого – полуженщины-полумужчины – говорят о сильных матриархальных пережитках и позволяют рассматривать изначальное божество секиры как супруга богини-матери [Лосев А.Ф., 120].

В высшей степени неоднозначна связь этого символа с образом Геракла. Согласно Плутарху, Геракл обрел двойную секиру, совершая один из двенадцати подвигов, а именно после гибели царицы амазонок Ипполиты. Впоследствии секира была передана им другой царственной особе – лидийской царице Омфале. Многие века лидийские цари передавали ее из поколения в поколение как священную реликвию до тех пор, пока она после смерти Кандавла не была посвящена Зевсу Лабраундскому в Карию (Plut. Quest. Gr. 45). Большинство мифографов, описывая рабство Геракла у Омфалы, игнорирует факт передачи символа царской власти и акцентирует внимание на униженности положения героя в рабстве или на рождении Омфалой сына от Геракла – Агелая (Apollod. II. 7. 8) или Ламоса (Diod. IV. 31. 5-8; Ovid. Heroid. IX. 53) [Круглов Е.А., Подопривога А.Р., 111-113].

Влияние матриархальной стихии заметно при самом поверхностном анализе мифа. Присутствие в нем двух женщин-правительниц, обладающих символом верховной власти, царицы амазонок Ипполиты и Омфалы, занимающей престол после смерти своего супруга, подтверждает неслучайность столь неподходящей для героя

роли раба, выполняющего женскую работу. Геракл вновь сталкивается с инициационной сферой. Обстановку посвящения воссоздают трехлетнее рабство, унижительная работа, перемена мужской и женской ролей, травестизм, что так характерно сферы инициаций. Превращение пола приписывалось женскому божеству, овладевающему человеком, носящим женское платье. В таком состоянии «превращенный» мог вступить в символический брак с женщиной [Максимов А.Н., 11, 13.]. В отношении Геракла подобный эпизод имел место: Геракла во время сна принял за женщину, перепутав его с Омфалой, Фавн (Ovid. Fast. II. 305-358). Руководительницей посвящения является Омфала (Ὀμφάλη), чье имя непосредственно связано с символикой священного Центра, поскольку оно переводится как «пуговина» или «пуп» (Ὀμφαλός). Символика Центра мира предполагает существование некоего географического объекта, который является точкой соприкосновения земли и неба, откуда совершается восхождение на небо и спуск в подземный мир. Творение мира происходит из этого центра, «земного пупа» [James E.O., 249]. Акт творения постоянно воспроизводился путем символического повторения изначального жертвоприношения божества, совершенного, чтобы дать рождение миру. Однако значение Центра, заключенное в имени лидийской царицы, отнюдь не свидетельствует о географической привязке этого центра к Лидии. Космологические представления о земле-горе или пупе существовали еще на Крите [Томсон Дж., 70], откуда по мере выведения колоний они распространились в Малой Азии и Эгеиде.

Таким образом, в мифе об Омфале соединяется символика Центра мира, заключенная в имени царицы и сопряженная с атрибутикой Великой богини, с символом жертвоприношения и сакральной царской власти, связанным с образом Геракла. Анализ отношений внутри мифа показывает, что в нем присутствуют отголоски посвячительных ритуалов. При этом роль посвящаемого, отведенная Гераклу, созвучна подчиненной роли божества, олицетворяющего мужское начало божественной диады.

Интересно, что символика центра мира, «пупа», приводит нас к еще одному авторитетнейшему оракулу – Дельфийскому, младшему сопернику Додоны, в классическую эпоху явно опережавшего его по популярности и богатству. Несмотря на известное противопоставление двух оракулов в поздний период, двойные запросы, подтверждающие или опровергающие друг друга [Castrucci G., 1 sqq.], древние архетипичные мотивы были свойственны им в равной мере.

Представления о Дельфийском храме как центре мира, возможно, обусловлены критскими связями оракула [Кулишова О.В., 55]. Первыми жрецами в Дельфах были критяне, а божество, почитавшееся в нем, изображалось в виде дельфина (Hom. Hymn. III. 375-480). Черты сходства мелкой дельфийской скульптуры XV-XIII вв. до н. э. со скульптурной

традицией Крита подтверждает близость Крита оракулу в первые века его существования [Соколов Г.И., 20]. Проблема значения символа «ε» в Дельфах у Плутарха разрешается в пользу Крита: «ε» является знаком минойского происхождения с критских гемм, символом божества, завезенным в Дельфы вместе с другим атрибутом богини – «земным пупом». Последний представлял собой круглый камень с изображением двух золотых орлов, посланных с крайнего Запада и крайнего Востока и встретившихся в Дельфах [Томсон Дж., 70].

Отношения Геракла с Дельфами были лучше, чем с их богом-покровителем Аполлоном. Прислушавшись к словам пифии, герой мог предпринять военный поход или, напротив, отказаться от него (Paus. V. 3. 1). Именно в Дельфах он впервые наречен именем «Геракл», именно по повелению пифии он стал служить Эврисфею и должен был совершить двенадцать подвигов, чтобы очиститься после убийства, совершенного в приступе безумия (Apollod. II. 12. 4). Вся дальнейшая эпопея, имеющая первостепенное значение для судьбы героя, может трактоваться не только как исполнение воли оракула, но и как глобальный инициационный комплекс. В рабство к Омфале герой попадает почти по той же схеме: убийство в состоянии умопомрачения, обращение в Дельфы за очищением, искупление по указанию оракула.

Камнем преткновения в отношениях между Аполлоном и Гераклом являлся треножник, вынесенный последним из дельфийского храма (Paus. VIII. 37. 1; Apollod. II. 6. 2). Павсаний рассказывает о том, как пришедшему в Дельфы Гераклу пифия сначала не хотела пророчествовать из-за убийства Ифита. Тогда Геракл вынес из храма треножник, и пифия сказала, что этот Геракл совсем не похож на приходившего недавно в Дельфы Геракла из Египта. Услышав ее слова, Геракл вернул Аполлону треножник и получил у жрицы все необходимые ему наставления (Paus. X. 13. 7-8). Плутарх, описывая этот сюжет, отмечает, что в спор были втянуты и простые смертные: гневаясь на Геракла, унесшего его треножники из Дельф к фенеатам, Аполлон закрыл у них сток воды и устроил в стране наводнение (Plut. De sera numin. 12). А Павсаний, развивая тему, упоминает, что вместе с Гераклом Феб основывает Гитион после примирения относительно треножника (Paus. III. 21. 8).

Миф дает достаточно свидетельств в пользу того, что отношения двух сыновей Зевса и до треножника не всегда были безоблачными. По версии Павсания, легендарный царь из рода Гераклидов Аристокдем был поражен стрелой Аполлона за то, что не пришел испросить пророчества, но, встретившись раньше с Гераклом, обратился к нему с вопросом, как устроится для дорян возвращение в Пелопоннес (Paus. III. 1. 5). Пиндар упоминает о том, что Аполлон некогда уступил в единоборстве Гераклу

(Pind. Ol. IX. 29-30). Антонин Либерал в «Превращениях» рассказывает о споре Аполлона, Артемиды и Геракла из-за города Амбракии в Эпире. Когда Крагалеи присудил Амбракию Гераклу, Аполлон превратил его в камень. Характерен довод Геракла: Амбракия и весь Эпир – его собственность, так как им были побеждены все эпироты, которые пошли на него войной, замыслив отобрать у него коров Гериона. Из Коринфа пришли переселенцы, вытеснив ранее прибывших, и основали Амбракию, а коринфяне происходят от Геракла (4).

В этом довольно позднем источнике сквозь иллюзорный сюжет просвечивают вполне исторические реалии: пограничные споры греческих полисов, облеченные в иносказательную форму. В подобном ключе не раз анализировался и эпизод с треножником. Высказывалось мнение, что мифическая борьба между Аполлоном Дельфийским и Гераклом Фиванским за мантический треножник представляет собой отголосок реальной борьбы за контроль над Дельфами [Кулишова О.В., 195], за превосходство собственного культа и оракула между Дельфами и Фивами; что первая Священная война стала результатом соперничества между двумя оракулами [Parke H.W., Boardman J., 276 sqq.], а гомеровский гимн Аполлону исключает упоминания о Фивах в попытке подорвать культ Аполлона Исменского [Symeonoglou S., 97]. Это однако не делает политический аспект, явно присутствующий в такого рода фабулах, единственным. Вполне вероятным представляется, что в архаическую эпоху политическая ситуация сложилась таким образом, что древние мифы о соперничестве Геракла и Аполлона стали вновь актуальными. Что же касается соперничества в культовой сфере, то у Фив имелся собственный оракул Аполлона, который в другой ситуации мог бы стать более известным и влиятельным.

Не исключено, что пресловутые треножники все-таки не были иносказанием. Пиндар упоминает о золотых треножниках в храме Аполлона Исмения в Фивах (Pind. Pyth. XI. 5). Геродот говорит о трех треножниках с кадмейскими надписями в святилище Аполлона Исменского, в том числе посвященный Амфитрионом в честь победы над телебоями, и об оракуле, прорицавшем по сжигаемым внутренностям жертв (Hdt. V. 59-61, VIII. 134).

Кроме того, здесь же существовало еще одно святилище златокудрого и тоже имевшее собственный оракул – алтарь Аполлона Сподия, сделанный из золы жертв, где предсказания делались по звуку голоса. Именно этот алтарь считался древнейшим святилищем Аполлона в Фивах [Symeonoglou S., 130]. Поскольку алтарь Сподия прилегает к фиванскому Гераклеюну и, в целом, вокруг него множество мест, посвященных Гераклу, – гимнасий, стадион, камень Софронистер, которым Афина усмирила обезумевшего героя, погрузив его в сон, дом

Амфитриона, где герой появился на свет, могилы детей Геракла, убитых отцом в приступе безумия) (Paus. IX. 11. 2, 7), – исследователи иногда приходят к заключению, что алтарь был приписан Аполлону довольно поздно, а изначально принадлежал Гераклу [Schachter A., 87]. Хотя вполне правдоподобной выглядит и версия о роли второстепенного алтаря.

Еще в конце XIX в. началась вялая дискуссия относительно древности культа Геракла в Фивах. Не воспроизводя ее в деталях, отметим, что часть исследователей, в числе которых был У. фон Виламовиц-Меллендорф, сомневалась в раннем появлении этого культа и указывала на то, что святилища, связанные с героем находятся за пределами стен Кадмеи. Однако были и те, кто настаивал на ранних истоках культа Геракла и утверждал, что не могло быть мест почитания Алкмены в пределах этих стен, если культа ее сына еще не было в Фивах [Symeonoglou S., 129]. Аргосское влияние на Беотию в Микенский период нашло выражение в появлении в фиванских мифах и культах таких фигур как Амфитрион, Геракл, Ификл. Семья Геракла и он сам не связаны с событиями конца эпохи. Археологические свидетельства (захоронения микенского некрополя на холме Колонаки) также обычно интерпретируются в пользу того, что период жизни Фив, связываемый с Гераклом и его семьей, можно соотнести с XV-XIV вв. до н.э. Следовательно, можно предположить, что политические события периода архаики лишь заставили вспомнить издревле бытовавшие мифы и наполнило свежей кровью затухающие культы [ibid, 81-82; Buck R.J., 60].

Безусловно, связь героя со многими прорицалищами была косвенной и у нас нет цели доказать его причастность ко всем буквально греческим оракулам. Однако наиболее тесная связь прослеживается с теми оракулами, в легенде которых сильнее выражена хтоническая составляющая. По классификации В.В. Латышева, это оракулы вызова мертвых: при гробнице Тиресия близ беотийского Галиарта у источника Тильфусы; в Южной Италии близ Кум на Авернском озере; в Феспротии на реке Ахеронте у Кихиры при святилище Аида; в Гераклее Понтийской и в Лаконике на мысе Тенар, где также якобы находился вход в подземное царство.

Оракул на мысе Тенар в Лаконике теснее прочих связан с героем. Именно здесь чаще всего помещала традиция вход в Аид (Apollod. II.5.12; Paus. III.25.5; Ovid. Met. X.13; Strabo VIII.5.1; Verg. Georg. IV. 467; Palaeph. De incred. 40). Именно через «тенарийскую щель» (пещеру) из подземного мира Гераклом был выведен Кербер. Тем не менее, святилище было посвящено Посейдону, который будто бы поменялся своим уделом с Аполлоном, получив от него Тенар взамен Пифо (Дельф). Как и у Дельф, здесь была образована своего рода амфиктиония семи

городов, которые принимали участие в общих жертвоприношениях (Гермион, Эпидавр, Эгина, Афины, Прасии, Навплии и Орхомен минийский) (Strabo VIII. 6.14). Однако связь Геракла с этим оракулом довольно косвенная.

Об оракуле на реке Ахеронте при городе Кихире (Феспротия) Геродот упоминает в связи с рассказом о Периандре, сыне Кипсела, взывавшем к своей покойной жене (Hdt. V. 92). Рассказ Павсания представляет собой попытку рационализированного анализа мифа о катабасисе Геракла. По версии Павсания, Геракл не спускался в Аид, а всего лишь освободил из плена Тезея и Перифоя, которых полонил царь феспротов, чью жену они пытались украсть. Поскольку в стране феспротов близ Кихиры есть болото Ахерусия и реки Ахеронт и Коцит (последнее с очень плохой водой), это натолкнуло Гомера на мысль дать рекам подземного царства эти названия (Paus. I. 17. 4-5). Явный эвгемеристический уклон вообще является отличительной особенностью авторского видения. Тем не менее, для нас важно то обстоятельство, что и этот оракул, связанный с миром мертвых, традиция соотносит с Гераклом. Существует и иная, вполне рациональная привязка героя к этой местности: вместе с калидонцами Геракл отправился в поход против теспротов; захватив город Эфиру (прежнее название Кихиры), где царствовал царь Филант, Геракл сошелся с его дочерью Астиохой и стал отцом Тлеполема (Apollod. II. 7. 6; Hom. II. II. 658-659).

Прорицалище в Геракле Понтийской по имеющимся археологическим данным действовало с 479-477 гг. [Ogden D., 29]. Город лежал в устье реки, называвшейся Ахеронтом. Еще один Ахеронт, еще одно прорицалище мертвых (Plut. Cim. 6) и еще один «путь в обитель Аида» (Apoll. Rhod. II. 351-355), соотнесенный традицией с легендарным спуском Геракла в подземный мир.

Не менее мрачную славу имело и оз. Аверн в Южной Италии, где традиция помещает еще один оракул мертвых. По свидетельству Диодора Сицилийского, оно было невероятно глубоким и являлось прорицалищем мертвых, поскольку имело выход к морю. Во время италийского вояжа, гоня быков Гериона, Геракл засыпал протоку, соединяющую озеро с морем, и проложил дорогу, носящую его имя (Diod. IV. 22. 1-2; Strabo V. 4. 6). Вергилий считал это озеро преддверием Тартара (Verg. Aen. VI. 237). Рядом с ним били горячие источники, отчего вся местность получила название Пирифлегетона (Strabo V. 4. 5).

Пожалуй, лишь оракул при гробнице Тиресия в Беотии у источника Тильфоссы близ еще одного святилища Аполлона Тильфосского (Strabo IX. 2. 27; Paus. IX. 33. 1) не имел отношения к деяниям Алкида. Правда, при жизни Тиресия приглашали для истолкования знамения – двух змей в колыбели Геракла, и он предрек

ребенку великое будущее (Pind. Nem. I. 49 sqq.). К нему же обратился Амфитрион, чтобы узнать, кто же на самом деле является отцом Геракла (Apollocl. II. 4. 8). Однако после смерти оракул уже не связывался с ним.

Все перечисленные выше взаимосвязи носят опосредованный характер. Соотнесение оракула с Гераклом либо косвенно, либо и вовсе сомнительно. Тем не менее, в биографии сына Зевса были эпизоды, позволяющие более однозначно и прочно связать его со сферой прорицания.

У Пиндара пришедший к Теламону на пир Геракл обращается с молитвой к своему отцу Зевсу, прося даровать Теламону могучего сына, и, увидев посланного с неба орла, он радостно возвещает, «именно как муж мантик» (Isth. VI. 51), о том, что родится сын, нарекут его Аяксом и не будет ему равных в трудах Эниалия. О.В. Приходько считает, что «пророчество Геракла не похоже на типичное толкование появления Зевесовой птицы, чем занимался каждый гадающий по полету птиц. Его действия напоминают гомеровских Калханта и Галиферса. Только настоящий пророк осмелится связать знак не с одним лишь настоящим моментом, а с будущим целого поколения» [Приходько О.В., 51]. Здесь герой исполняет роль предсказателя, апеллирующего к богу, но он мог выступать и в качестве божества, дающего знамения, как в эпизоде с принесением в жертву двадцати одного быка Эмилием Павлом накануне боя (Plut. Aem. 17).

Внезапные просветления нередко посещали героев, что не делало из мантиками. Однако редкий герой имел собственное прорицалище. Оракулы Геракла, конечно, были далеко не так популярны и влиятельны как оракулы Аполлона или Зевса, но и сам Геракл в олимпийской иерархии, хоть и считался взятым на Олимп, являлся лишь полубогом. Тем не менее, Геродот, описывая искусство дивинации у египтян, отмечает: «Пророческий дар, по их мнению, не дан в удел смертным; этим даром обладают лишь некоторые боги. Так, у них есть прорицалища Геракла, Аполлона, Афины, Артемиды, Ареса и Зевса» (II. 83). Разумеется, сложно соотнести эти две фигуры (о Геракле египетском уже шла речь выше, Геродот также упоминает о двух Гераклах (Hdt. II. 43)). По этой же причине мы не будем подробно анализировать сведения традиции о самофракийском оракуле (Plut. Apoph. Lac. 54. 1), поскольку связь Геракла с культом кабиров и самофракийскими мистериями является гипотетической. Хотя если рассматривать кабиров как культовый аналог идейских дактилей, нужно иметь в виду, что одного из дактилей именовали Гераклом (Strabo X. 3. 22; Paus. V. 7. 7), а Климент Александрийский называет Геракла-дактиля гадателем (Clem. Alex. Strom. I. 73. 1-2). В данном случае нам важно подчеркнуть, что Геродот считает дар пророчества исходящим исключительно от божества.

Традиция довольно мало сообщает нам об оракуле Геракла в ахейской Буре. Известно лишь, что в пещере неподалеку от города стояла статуя Геракла Бураика (Βουραϊκόϛ). Помолившись богу (именно так называет автор Геракла), просящий об оракуле берет четыре игральные кости, выбрав их из большого количества других костей, лежащих у статуи, и бросает на стол. Каждая грань кости имеет различные знаки (а не просто точки, обозначающие количество очков, как считают некоторые авторы [Aune D.E., 25]), которые толкуются по таблице (Paus. VII. 25. 5). Чаще всего гадание при помощи костей ассоциируется с Гермесом как богом удачи и случая. В данном случае можно вспомнить, что игра в кости фигурировала в эпизоде с Ларенцией в Риме – служитель храма Геркулеса проиграл богу в кости и, исполняя обет, привел в храм девушку и запер ее на ночь. Бог якобы не только воспользовался выигрышем, но позаботился о дальнейшей судьбе Ларенции, выдав ее за богача (Plut. Rom. 5).

У святилища Геракла в беотийской Гиетте также были функции оракула. Павсаний говорит, что в Гиетте есть храм Геракла, у которой болящие находят исцеление. Статуя Геракла выполнена без всякой отделки, в виде грубого камня по древнему обычаю (Paus. IX. 24. 3). О глубокой древности культа Геракла в этом регионе говорит примитивность внешней стороны культа – грубо обтесанный камень вместо статуи. Видимо, его истоки восходят к эпохе расцвета минийского царства в Орхомене. Ритуал святилища в Гиетте остается неясным, также как и вопрос о жречестве при нем. О мантической активности этого культового места свидетельствует эпитафия (надпись на грубо обработанном циппуре из известняка: ὁ μανεῖς ἐξίτω μαντεῖω) (SEG 26.524; 44.411). Считается, что дивинация проводилась в форме онейромантии [Bouché-Leclercq A., 750].

Обращение к «лучшему оракулу для смертных», как называет сон гимн Онейру (LXXXVI), было довольно распространенной практикой и в греко-римском мире, и в культе Геракла (Diog. Laert. I. 117). Так, жители Фемисониона изваяли статуи Геракла, Аполлона и Гермеса – Спелаиты (Пещерные) – за помощь в войне против галатов: они указали им в сневидении пещеры, где могли укрыться женщины и дети (Paus. X. 32. 4-5). Артемидор, подтверждая классическую репутацию Геракла-защитника, считает, что увидеть во сне Геракла к добру для всех, кто живет благонамеренно и по закону, особенно если их обижают, для тех, кто собирается на состязание, суд или битву. А не к добру – для тех, кто творит дела неправые и незаконные, тем, кто во сне общается, делит труд, стол, одежду с богом (II. 37). О внушениях, сделанных Гераклом во сне, упоминает Диоген Лаэртский, рассказывая и жизни Ферекида из Сироса (I. 117). Традиция неоднократно свидетельствует о явлениях героя

во сне, правда, не всегда при этом пророчествовашего (Macr. Sat. III. 6. 9-14). «Жизнеописание Софокла» утверждает, что Геракл явился Софоклу во сне и помог найти похищенную вещь, указав, где она спрятана. После этого «Софокл указал народу на этот дом и получил в награду один талант; об этом было объявлено всем. Получив талант, Софокл воздвиг памятник Гераклу-Возвестителю» (12).

Алкид предсказывал будущее и «наяву»: Софокл в своей драме «Филоктет» выводит на сцену призрак Геракла, который предрекает Филоктету и его собственную судьбу и судьбу Трои (Philoct. 1413-1445).

Вероятно, соперничество Дельф и Фив в религиозной и, в частности, мантической, области привело к тому, что в Беотии сохранились архаические институты, которые при других условиях были бы давно забыты, – оракулы обожествленных героев, в том числе Геракла, в жизни которого Фивы играли особую роль. Кроме того, функционирование оракулов героя, который при жизни не отличался склонностью к прорицанию, наводит на мысль об очередном отклонении от героического канона, что в случае с Гераклом происходит довольно часто. Труднее всего (а подчас и просто невозможно) разделить дорийского Геракла, сына Зевса, и тот размытый веками господства олимпийской религии образ божества, воскресающий из скудных и разрозненных свидетельств традиции. Если воспринимать каждую мифологическую фигуру не в качестве застывшей субстанции, а как меняющийся под влиянием этнополитического контекста образ, то различные формы участия Геракла в прорицании можно объяснить с позиции наличия разных фаз в развитии самого образа. Вероятно, культ Геракла, некогда связанный со сферой инициаций и мистерий, в микенскую эпоху имел гораздо более выраженные мантические аспекты. Слабые отголоски этого сохранились в функционировании оракулов Геракла в более поздний период да нескольких эпизодах, донесенных до нас античными авторами.

Литература:

1. Бартошек А. Златообильные Микены. М., 1991.
2. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000.
3. Казаров С.С. История царя Пирра Эпирского. СПб., 2009.
4. Круглов Е.А., Подопригора А.Р. Гераклиды в Западной Анатолии? // Археология. История. Культура. Уфа, 2009.
5. Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н. э.). СПб., 2001.
6. Латышев В.В. Очерк греческих древностей: в 2 т. СПб., 1899.Т. 2.

7. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
8. Максимов А.Н. Превращение пола // Русский антропологический журнал. 1912. Кн. 29. № 1.
9. Молчанов А.А. Посланцы погибших цивилизаций (письмена древней Эгеиды). М., 1992.
10. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998.
11. Приходько Е.В. Двойное сокровище. М., 1999.
12. Соколов Г.И. Дельфы. М., 1972.
13. Томсон Дж. История древней географии. М., 1953.
14. Aune D.E. Prophecy in Early Christianity and the Ancient Mediterranean World. Michigan, 1983.
15. Bouché-Leclercq A.. Histoire de la divination dans l'antiquité: divination hellénique et divination italique. Grenoble, 2003.
16. Buck R.J. The History of Boeotia. Edmonton, 1979.
17. Cabanes P. Greek colonization in the Adriatic // Greek colonisation. Leiden, Boston, 2008. Vol. 2.
18. The Cambridge ancient history. Cambridge, 2006. Vol. III. Part 3.
19. Castrucci G. Dodona versus Delphi in greek tragedy: the wanderings of the hero between expiation and ties of γειος // Logeion: A Journal of Ancient Theatre. 2012. № 1.
20. Cook A.B. Zeus: A Study in Ancient Religion. Cambridge, 1925. Vol. II. Part I.
21. Evans D. Dodona, Dodola and Daedala // Myth in indo-european antiquity: coll. of art. Berkley; Los Angeles; London, 1974.
22. James E.O. The cult of mother Goodess: an archaeological and documentary study. London, 1959.
23. Ogden D. Greek and Roman Necromancy. Princeton, Oxford, 2001.
24. Parke H.W. The Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge, 1967.
25. Parke H.W., Boardman J. The Struggle for the Tripod and the First Sacred War // JHS. 1957. Vol. LXXVII.
26. Rigoglioso M. The Cult of Divine Birth in Ancient Greece. New York, 2009.
27. Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton, 1985.
28. Schachter A. Cults of Boiotia. Vol. 1. London, 1981.
29. Vanschoonwinkel J. Mycenaean expansion // Greek colonisation. Leiden, Boston, 2008. Vol. 1.

© Подопригора А.Р., 2015.

В.Н. Дряхлов
(Волго-Вятский институт (филиал)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров)

V.N. Dryakhlov
(Volga-Vyatka Institute (branch)
University. O. E. Kutafin (MGYuA), Kirov, Russia)

**ИМПЕРАТОРСКИЕ УКАЗЫ 397 И 399 ГГ.
ПРОТИВ НОШЕНИЯ В РИМЕ ОДЕЖДЫ ИНОЗЕМНОГО
ОБРАЗЦА**

**THE IMPERIAL DECREES OF 397 AND 399
AGAINST THE CARRYING IN ROME THE CLOTHES OF THE
OVERSEAS SAMPLE**

Аннотация: В данной публикации сделана попытка осмыслить императорские указы 397 и 399 гг., запрещающие ношение в Риме иноземной одежды и обуви. По мнению автора, эти указы при наличии антиварварских настроений в обществе, всё же нельзя соотносить исключительно с германскими племенами.

Abstract: The author tries to explain two imperial constitutions of 397 and 399 A.D., which forbade to wear the non-Roman clothes and shoes. In spite of the existence of antibarbaric feelings in the Roman society, these decrees can't be correlated exceptionally with the German tribes.

Ключевые слова: длинные штаны, императорские указы, антиварварские настроения.

Keywords: braccas barbarorum, imperial decrees, antibarbaric feelings.

Ношение штанов наряду с длинными волосами и бородой считалось одними из главных признаков, отличавших варвара от римского гражданина, да и вообще от жителя Средиземноморья. Страбон, говоря о галлах, указал, что «население Галлии носит саги (плащи из грубой материи – В. Д.), отращивает длинные волосы, носит узкие брюки...».

В силу такого обстоятельства Южную (Нарбоннскую) Галлию, где степень романизации местного населения была наиболее высокой, римляне называли *Gallia togata* («одетая в тоги»), в то время как центральные и северные области – *Gallia braccata* («одетая в штаны»).

Одежда без швов, драпировавшая тело, считалась признаком народов Средиземноморья, в то время как ношение одежды со швами было присуще народам на окраинах античного мира – галлам, германцам, скифам, сарматам, парфянам. Слово «*bracca*», обозначающее штаны,

является галльским заимствованием в латыни, причём, довольно поздним. Штаны у кочевых народов Северного Причерноморья в отличие от галлов и германцев, по-видимому, были более широкими.

Тацит, уточняя особенности одежды германцев, ясно отметил, что «у них есть ...одежда, но не развевающаяся, как у сарматов или парфян, а узкая и плотно облегающая тело». Судя по описанию, в этой фразе подразумевались именно германские штаны в отличие от шаровар кочевников причерноморских степей и восточных народов.

Изображения германцев в плотно облегающих ноги и длинных до ступней штанах сохранились на памятниках римского монументального искусства, в частности, на колонне Траяна. Такие штаны также известны по сохранившимся находкам из датских и северогерманских торфяников. В северных провинциях империи, где преобладал прохладный климат, легионеры обычно носили штаны, которые назывались *feminalia*. Только они заканчивались выше ступни и плотно облегли икры, как показано в сценах на колонне Траяна.

В римском обществе ношение штанов варварского вида римскими гражданами особо не одобрялось.

Ко времени Поздней Римской империи в связи с началом варваризации армии, расселения пленных варваров в пограничных провинциях использование одежды варварского типа получило более широкое распространение, в основном, именно среди части военных и римского провинциального населения.

К этому обращались отдельные римские императоры, главным образом, в целях получения благожелательного отношения со стороны соседних варварских племён. Но то, что было популярно среди варваров, не находило поддержки в римском обществе. По словам современника, император Грациан (375–383) «настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже появлялся в народе в варварском одеянии, чем вызвал себе ненависть среди солдат».

В 395 г. произошёл мятеж союзников-вестготов под властью Алариха, сопровождавшийся разорением и грабежом балканских провинций. Тайным покровителем Алариха, судя по всему, был Руфин – префект претория при дворе императора Аркадия. Руфин, судя по всему, стремился использовать военные силы вестготов против западной части Римской империи.

Поэт Клавдиан, политически приверженный к поддержке западноримского императорского двора, обличая происки Руфина, так обрисовал его внешний вид:

*«Сам же он, варваром желая быть даже наружно,
Шёл спереди, покрыв себе грудь рыжеющим мехом,
В сбруе, как гет, с огромным колчаном, с натянутым луком,*

Варварский вид принял и варварских дух выдавая...».

Оставляя в стороне возможные поэтические преувеличения, надо полагать, что такого рода одёжное перерождение не одобрялось патриотической частью римского общества, ярким представителем которой являлся Клавдиан.

В апреле 397 г. императоры Гонорий (395–423) и Аркадий (395–408) постановили:

«Императоры-Августы Гонорий и Аркадий – населению. Никому не разрешается носить парфянскую обувь или шаровары (*usum Tzangarum adque Bracarum*) в почитаемом городе (Риме – *В. Д.*). Если кто-нибудь затем попытается выступить против этого постановления, повелеваем сиятельному мужу префекту города, лишив его всего состояния, отправить в вечную ссылку».

В данном указе речь идёт о цангах (или занках) – особого вида обуви. Традиционный перевод данного термина (*tzanga* или *zanca*) даётся как «парфянская обувь». В старом словаре Карла Дюфресна мне удалось найти разъяснение: «*Tzangae – calcei, seu potius cothurni, qui crura et pedes tegebant*». Согласно дословному переводу, цанги – «башмаки или скорее полусапоги на толстой подошве (почему они и названы у Дюфресна подобием котурн – *В.Д.*), которые закрывают ступню и голень». Таким образом, связать данный указ исключительно с ношением в Риме собственно германских штанов или обуви невозможно. Наоборот, в тексте указа дано явное указание на восточное (парфянское) происхождение обуви, в чём не остаётся никаких сомнений. Возможно, что в указе подразумевались также и штаны восточного вида (то есть, более широкие в штанинах), поскольку они упоминаются вместе с цангами.

Этот указ был повторен 6 июня 399 г.: «Императоры-Августы Флавиану, префекту Рима. В стенах Рима не позволено никому носить шаровары или обувь. Если же кто после нашего постановления будет упорствовать, то он будет наказан в соответствии с его законным статусом и будет выслан из священного Города».

Обычно оба указа толкуются как явное проявление антиварварских настроений властей, как, к примеру, полагал М. Грант.

Весь данный 10-й раздел XIV книги Кодекса Феодосия называется «Об одежде, которую надлежит носить в Городе». Первые указы данного раздела от января 382 г. принадлежат Грациану (375–383), Валентиниану II (375–392) и Феодосию I (379–395) и посвящены одежде сенаторов, чиновников и рабов.

Императоры Поздней Римской империи при пополнении своих военных сил довольно сильно зависели от состояния союзных отношений с соседними варварскими, главным образом, германскими племенами.

Поэтому вряд ли тексты указов 397 и 399 г. относились именно к варварам на римской военной службе. Вспомним известный памятник позднеимперского искусства, созданный около 400 г., на котором изображён магистр обоих родов войск (*magister utriusque militiae*) Стилихон (ок. 359–408) – опытный полководец и всесильный политик при малолетнем Гонории. Он изображён именно в узких, почти обтягивающих ногу штанах германского образца. Стилихон происходил из германского племени вандалов; его отец некогда перешёл на римскую военную службу и остался навсегда в пределах Римской империи, женившись на римской провинциалке. Сам Стилихон был женат на племяннице императора Феодосия I и, судя по этому, имел римское гражданство как основание для вступления в такой брак.

Поэтому маловероятно, чтобы оба указа были направлены именно против германцев на римской военной службе, что сразу же могло поссорить императора Гонория со своим всесильным родственником.

Судя по всему, в указах речь шла о римских гражданах, которых наказывали путём конфискации и отправления в ссылку. Вполне возможно, что поводом для появления первого указа послужил какой-то частный случай, происшедший в Риме. Нельзя исключить того, что обострение отношений с парфянами (в первую очередь) или с расселёнными в пределах Империи вестготами (не будем забывать о мятеже Алариха) как раз и послужило причиной для такой реакции государственной власти на ношение иноземной одежды в «Вечном городе». Можно высказать мнение о том, что тексты указов отразили в таком случае отрицательные настроения только части высшей аристократии и придворных. Они, сформулировав такое содержание указов, определили политику малолетних императоров: Гонорию на время издания первого указа было тринадцать лет, Аркадию – десять.

Однако явное указание на парфянское происхождение обуви и, видимо, также и штанов, а также и на территориальные рамки применения обоих указов не позволяют придать им исключительно широкое антигерманское толкование. Согласно указам, запрет на ношение иноземной обуви и одежды применялся в городских пределах Рима и распространялся только на римских граждан; получается, что, к примеру, в провинциях, где среди римского населения проживали варвары-союзники, он не действовал.

Создаётся впечатление, что данные указы имели причиной для своего появления какой-то частный случай. Видимо, они ставили своей целью поддержать под страхом наказания существование римского бытового стиля в одежде городского населения Рима. Вполне возможно, что это было направлено, главным образом, в отношении высших слоев –

сенаторов и придворных, то есть, тех, кто постоянно при императорском дворе попадался на глаза правящему императору.

Литература:

1. *Dufresne K.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae Latinitas. Paris, 1736. Т. 6. Р. 1368. Данный словарь хранится в фондах Кировской Ордена Почёта государственной универсальной областной научной библиотеки им. А.И. Герцена.

2. Claudian. In Rufin., II, 79–81.

3. *Idem aa. Flaviano praefecto Urbi. Intra urbem Romam nemo vel Bracis vel Tzangis utatur. Quod si quisquam post praeceptum nostrae clementiae in hac contumacia perduraverit, prout condicio siverit, cohercitus sacra urbe pelletur. Et cetera. Dat. VIII id. iun. Brixiae. Theodoro v. c. cons. (399 iun. 6) – CTh., XIV, 10. 3.*

4. *Impp. Arcadius et Honorius aa. ad populum. Usus Tzangarum adque Bracarum intra urbem venerabilem nemini liceat usurpare. Si quis autem contra hanc sanctionem venire temptaverit, sententia viri illustris praefecti spoliatum eum omnibus facultatibus tradi in perpetuum exilium praecipimus. Et cetera. Dat. proposita Romae in foro divi Traiani Caesario et Attico cons. (397 apr. 7?) – CTh XIV, 10. 2.*

5. Ps. Aur. Victor. Epit., 47.6.

6. Strabo, IV. 4. 3.

7. *Вейс. Г.* История культуры народов мира. Великое переселение народов. Готы, гунны, славяне, германцы. М., 2005.

8. *Грант М.* Крушение Римской империи. М., 1998.

9. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.

10. *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 87–88; *Сергеенко М. Е.* Жизнь в Древнем Риме. М., 1964. С. 117.

11. Овидий о скифах: «В стужу им мало тепла от просторных штанин и овчины...» (*pellibus et laxis arcent mala frigora bracis – Ovid. Trist., V, 7. 49*).

12. *Тодд М.* Варвары. Древние германцы. М., 2005. С. 109–112.

© Дряхлов В.Н., 2015.

Б.А. Азнабаев
(Институт истории, языка и
литературы Уфимского научного центра РАН, г.Уфа)

B.A. Aznabaev
(Institute of history, language and
literature of Ufa scientific centre of RAS, Ufa, Russia)

**БАШКИРСКАЯ ПОЛИТИЯ XVI-XVIII ВВ.
КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**THE BASHKIR POLITY OF THE 16-18TH CENTURIES
AS THE ALTERNATIVE OF STATEHOOD**

Аннотация. В статье показано, что башкирскому обществу в XVI-XVIII вв. был свойственен эгалитарный тип социальных отношений, неприятие иерархических структур. Фундментальное влияние на жизнь башкирских общин внешнеполитического фактора и другие обстоятельства предопределили специфический дистанционный тип имперского управления краем и высокую роль внутреннего самоуправления.

Abstract. In the article it is shown that the egalitarian type of the the social relations, rejection of the hierarchical structures was peculiar to the Bashkir society in the 16-18th centuries. Fundamentalny influence on life of the Bashkir communities of the foreign policy factor and other circumstances have predetermined the specific remote type of the imperial management of edge and a high role of the internal self-government.

Ключевые слова: башкирская полиция, кочевники, эгалитарный тип социальных отношений, мир-системный подход, внутреннее самоуправление.

Keywords: the Bashkir polity, nomads, the egalitarian type of the social relations, the world - system approach, the internal self-government.

Исследователи теорий социальной эволюции кочевых обществ (Н.Н. Крадин, В.В. Трепавлов, Г.Е. Марков) отмечают, что государственность не была необходимостью для кочевников. Политические и социальные противоречия разрешались в рамках традиционных институтов. Нужда в объединении кочевников возникает только в случае войны за природные ресурсы, организацией грабежей земледельцев и экспансией на территорию с целью установления контроля за торговыми путями. С этой точки зрения создание кочевых империй – это частный случай, укладывающийся в рамках популярной в свое время завоевательной теории политогенеза (Гумплович Опенхаймер), согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и

стратификации¹. Таким образом, основанием для формирования государственной структуры у кочевников является фактор военного господства, необходимый для фиксации неравенства.

Насколько вообще кочевникам свойственен эгалитаризм в социальных отношениях? Следует отметить, что данной проблемой в основном занимались не историки, а этнологи, что неизбежно привело к определенной абсолютизации устойчивости социальных состояний. В своей книге А.М. Хазанов подверг критике Л.Кредера за перенесение принципа примогенитуры, который был сформулирован Кирхгоффом для полинизийского общества, на евразийских кочевников². Следует согласиться с основным выводом А.М. Хазанова о том, что у евразийских кочевников не прослеживается зависимость социальной позиции индивида от порядка его рождения. Однако это не говорит еще об отсутствии неравенства между родовыми структурами. Определенная иерархия между сегментами кочевого социума прослеживается у древних монголов, крымских татар, ногаев и калмыков. В качестве наиболее известных примеров можно указать на отегю-бойолов (otegu-boyol) Монголии XII — начала XIII вв. или эмбинских ногаев в улусе Дайчина в середине XVII в. В обоих случаях подчинение основано на факте завоевания, хотя зависимые кочевники сохраняли свободу передвижения и родовую организацию. Ранжирование сегментов общества происходит в результате военного подчинения одних кочевников² другими. Одновременно специфика кочевого хозяйства и традиции самоуправления неизбежно создают условия для разрушения подобной зависимости.

Дело в том, что хозяйство кочевников ограничивалось экономическими возможностями каждой отдельной семьи. Все политические и социальные противоречия разрешались в рамках традиционных институтов. По этой причине появление отношений господства и зависимости в кочевой среде вызывало перенапряжение всего социума, с которым не возможно было справиться только внутренними ресурсами общества. Выход из критической ситуации, как правило, выражался либо во внешней экспансии, либо в намеренной консервации эгалитарных структур общества. В последнем варианте наблюдается формирование социальных институтов, которые ограничивают развитие социальной стратификации и исключают вероятность концентрации власти в одних руках.

В историографии, по вполне объяснимым причинам, наиболее исследован именно первый вариант. Покорение оседлых народов позволяло кочевым социумам в значительной степени нивелировать социальную структуру. Неполноправные прежде кочевые сообщества получили возможность выйти из зависимого положения. Некоторые из

монгольских боголов смогли даже войти в господствующую элиту поработанных оседлых обществ. Появление лидера, обладающего неограниченной властью, было логическим завершением перестройки общества в обстановке внешней агрессии.

У некоторых зауральских родов башкир, оказавшихся в сфере непосредственного подчинения тайбугидов и шибанидов, иерархия родовых структур сохранялась вплоть до XVI в. А.-З. Валиди отмечает, что главенствующие племена, на которых опирались ханы, имели общее название «карачы». К ним относились знатные роды конграт, найман, кушчи, уйгур, салжавут, кипчак, мангыт и минг. Они составляли отдельные «тумены»³. Однако большинство представителей этих родов ушли из Башкирии в Маверанахр в XV-XVI столетиях. Оставшиеся на Южном Урале представители некогда могущественных кланов быстро смешались с башкирами. По утверждению А.-З. Валиди, эти роды до сих пор считаются знатными (эшрафами) у башкир⁴. Тем не менее, в XVII в. представители этих кланов в Башкирии не имели никаких правовых преимуществ по отношению к незнатным башкирским родовым структурам. Более того, многие «эшрафы» были вынуждены занимать зависимое положение припущенников. В этом они несколько не отличались от ногаев, оставшихся в Башкирии после ухода основной массы мангытских элей из Башкирии в начале XVII в. Однако там, где сохранялась ханская власть, иерархия родовых структур оставалась важным социальным институтом государственного управления. Согласно исследованию Д.М. Исхакова, в Крымском и Казахском ханствах ведущая роль в управлении государством принадлежала 4-5 кланам⁵.

Вместе с тем, историческая судьба могущественных некогда сибирских кланов и прежних властителей края ногаев, оставшихся в Башкирии свидетельствует о том, что башкирскому обществу был свойственен эгалитарный тип социальных отношений. Неприятие башкирами иерархических структур обнаруживается даже в генеалогических легендах, которые отражали установление зависимости от ханской власти. Башкирский вариант «Дафтар-и Чингизнаме» фиксирует отношения между башкирскими родами, принесшими клятву верности Чингисхану, как абсолютно равные. Особые полномочия и хитроумие, продемонстрированные Майкы-бием, не вознесли его выше сыновей побежденных врагов Чингисхана, которые стали равноправными членами союза. Интересно и то, что к девяти родам присоединились два главы башкирских родов (Бурджан-Бек и Джорматы-Бек), о которых ранее не упоминалось. Причем произошло это уже после прихода к Чингисхану его активных противников. Почему бии Юрматы и Бурзян не участвовали в поисках Чингисхана? Можно высказать предположение о том, что позднее включение этих родов в союз объяснялось тем, что в

первой половине XIII в. Бурзян и Юрматы занимали наиболее отдаленные от империи территории на западе, соседствуя с Волжской Булгарией.

Является ли стремление к сохранению эгалитарной структуры признаком социально-политической незрелости общества? Положительный ответ может быть дан только в том случае, если мы признаем однолинейность в качестве единственной модели эволюции общества. Как, например, М. Фрид, который в своей «Эволюции политического общества» избирает фактор растущего неравенства среди людей и, таким образом, выделяет четыре уровня сложности: 1) эгалитарное общество, 2) ранжированное общество, 3) стратифицированное общество и 4) государство⁶.

Вместе с тем, еще в конце XX столетия исследователи негосударственных социумов обратили внимание на то, что наряду с развитием жестких надобщинных политических структур (вождество - сложное вождество - государство), всегда существует альтернатива в виде развития структур внутриобщинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфикинии и т.д.). Одним из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении являются греческие полисы⁷.

Своеобразная коммутативная структура получила развитие в преисламской Аравии. Авторы исследования «Возникновение ислама» установили, что большинство социально-политических систем Северной и Центральной Аравии вполне адекватно отреагировало на кризис VI в. отторжением надплеменных политических структур (т. е. большинства аравийских «царей», политических лидеров вождеств и агентов их власти), поскольку те начали представлять реальную угрозу для элементарного выживания рядовых членов аравийских племен⁸. Однако арабы не просто разрушили большинство из этих жестких надобщинных политических структур, отчуждавших племенной суверенитет; они также выработали альтернативные «мягкие» структуры надплеменной культурно-политической интеграции, не представлявшие угрозы племенному суверенитету.

Наиболее примечательным в данном случае представляется развитие системы священных анклавов и регулярных паломничеств к ним, сопровождавшихся ярмарками. Это, конечно, был, прежде всего, религиозный ареал, однако он имел и очевидные политические измерения. Именно во время паломничеств-ярмарок к упомянутым выше святилищам «традиционное племенное общество развивало разнообразные межплеменные связи, производило обмен религиозными и культурными идеями, как впрочем, и обычными товарами. Кроме того решались и разнообразные юридические проблемы (заключение

перемирий, выплаты долгов, компенсаций за убийство, выкуп пленных, подыскивание клиентов, розыск пропавших без вести, решение вопросов наследования и т. д.)⁹.

Безгосударственные политии отнюдь не уступают по уровню сложности социальной жизни и развития культуры жестким стратифицированным государственным образованиям. Кроме того, эгалитарные безгосударственные полукочевые и кочевые общества Евразийского ареала, как правило, являются частью несравненно более сложной общности, с многочисленными экономическими политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами.

Мир-системный подход, предложенный в 1984 г. Валлерстайном, позволяет выйти за узкие рамки анализа исключительно внутренних процессов, происходящих в башкирских общинах. В традиционных обществах, живущих в формате цикличного времени, вообще ничего не происходит нового. Мировосприятие центральноазиатских кочевников было ориентировано на фиксацию циклического, а не линейного времени. Устная традиция в таких условиях приобретает легендарный характер¹⁰. Вместе с тем, историческое событие можно изучать не само по себе, а как часть более глобальных внешних процессов. Нередко в истории внутренние факторы существует в неразрывной связи с комплексом внешних причин. Обратимся к конкретному примеру. С 20-х годов XVII в. башкирское общество существовало в условиях непрерывного военного противостояния с калмыками. Многократное численное преимущество позволило калмыкам захватить башкирские вотчинные угодья на юге Уфимского уезда. Российская администрация военными и дипломатическими средствами стремилось защитить башкир как своих подданных. Причем, это делалось даже в тех случаях, когда башкиры нарушали достигнутые российско-калмыцкие соглашения. Однако к середине 50-х гг. XVII в. отношение российских властей к башкирам радикально изменяется, когда один из наиболее влиятельных калмыцких лидеров очередной раз обратился к российскому правительству с просьбой принять калмыков в подданство. Калмыки обещали в подтверждение своей шерти не только дать аманатов, от чего прежде категорически отказывались, но и начать военные действия против Крыма.

В условиях тяжелейшей войны с Польшей военная помощь калмыков сыграла важную роль в нейтрализации крымской угрозы. Калмыки честно выполнили свои обязательства перед российским правительством. Более того, Мончак предупредил Москву о контактах башкир с крымским ханом. Он узнал, что «хан намеревался принять их к себе и ходить с ними вместе под государевы города»¹¹.

Российская администрация так же выполнила условия соглашения с калмыками. Приказ Казанского дворца не только подтвердил указ 1648 г. о запрете башкирам нападать на калмыков, но и дал специальное задание уфимскому воеводе Ф.И. Сомову: «Про башкир сыскать всякими сысками накрепко, а все взятое ими у калмыков вернуть обратно. Пуших воров башкирцов казнить смертной казнью»¹². Для изъятия калмыцких пленных и захваченного башкирами скота в Уфе был сформирован отряд служилых людей во главе с сыном боярским А.И. Приклонским и толмачом В.И. Киржацким. Впоследствии правительство не придавало большого значения фактам злоупотреблений, предпочитая объяснять причину восстания башкир вынужденными мерами по изъятию калмыцкого полона. В 1664 г. правительство заявило калмыкам, что башкирское восстание 1662–1664 гг. было результатом соглашения российского правительства с калмыками: «...уфимские башкиры за то, что у них взят полон и отдан вам тайшам Великому государю изменили и будучи в измене учинили русским людям многое разоренье»¹³. Главной причиной башкирского восстания 1662–1664 гг. стало резкое изменение внешнеполитического курса российского правительства. Выполнение условий договора с калмыками неизбежно должно было привести к вмешательству властей в дела башкирского самоуправления.

Таким образом, именно мир-системный подход показывает, насколько фундаментальным было влияние на жизнь башкирских общин внешнеполитического фактора. Очевидно, что это воздействие не возникло со времени вхождения в состав Российского государства. Еще до падения Казани башкирские общины были частью иной мир-системы, влияние которой на внутренние процессы имело не меньшее значение.

В такой же мере, как аравийские племена VI-VII вв., башкирские общины XVI-XVII вв. представляли собой части единой децентрализованной коммуникативной сети. Еще до вхождения в состав Российского государства все башкирские роды в социальном отношении были противопоставлены ногаям в качестве данников. А.И. Першиц в своем исследовании установил, что даннические отношения характеризуются тем, что данники и взиматели дани не могут быть интегрированы в один социальный и этнический организм¹⁴. Несмотря на то, что каждый род самостоятельно решал вопрос о добровольном вхождении в состав Российского государства, в XVII в. в Москву направлялись представители от всех башкир. Н.Ф. Демидова в своей статье, посвященной истории башкирских посольств в Москву, отметила, что делегации башкирских представителей в Москве в XVII в. преследовали цель конкретизации отдельных положений из привилегий, установленных в XVI в.¹⁵. Многие вопросы управления башкирами не могли быть определены в ходе принятия подданства.

Однако, в отличие от аравийских племен, башкирские роды объединялись не столько для решения юридических, религиозных и культурных вопросов, сколько для урегулирования территориальных и внешнеполитических вопросов. Все башкирские родовые структуры представляли собой часть единой военной организации, формировавшейся на основе племенных ополчений. Когда в 1649 г. отряд калмыков Чокулы вторгся на территорию Уфимского уезда, то в его разгроме участвовало башкирское войско, в котором были представлены башкиры 11 волостей¹⁶.

Какая надплеменная структура выполняла интегративную функцию в башкирском обществе, кто регулировал применения военной силы в башкирском обществе? Документы, отображающих историю многочисленных башкирских восстаний, свидетельствуют о том, что такой властью обладали только йыйыны – народные съезды. Не только во время восстаний, но в ситуации, когда необходимо было принимать решения, затрагивающие всех башкир, созывались общешкирские йыйыны. Так было, например, в 1721 г., когда башкиры решали вопрос о возобновлении российского подданства¹⁷.

Йыйыны координировали общие действия, вырабатывали единые позиции в отношении тех или иных мероприятий правительства. В памяти уфимского воеводы А.М.Волконского от 1663 г. упоминается, что башкиры прислали человека для переговоров «ко мне всем миром четырех дорог»¹⁸. Йыйыны принимали решения о начале или завершении военных действий, избрании хана, выделении дополнительных военных подразделений, назначении командиров. Инициатором созыва йыйына, как правило, являлась группа влиятельных башкир. Нет ни одного свидетельства, подтверждающего факт созыва съезда ханом. Решение, принятое на йыйыне, было обязательным для всех, независимо от присутствия на съезде или несогласия с его постановлением. О предстоящем съезде башкиры узнавали из писем, которые рассылались по волостям и особым знакам и тамгам, которые нарезались на палках. В 1736 г. воеводе Уфимской провинции было приказано: «...где станут присылать письма и тамги по своему обычаю на палках нарезанныя, для приезду на какия-либо затейные воровския зборища, тех не слушать и, потому ж, ловя с теми письмами и с тамгами отвозить в города»¹⁹.

Башкирские йыйыны не были только собраниями башкирской знати. Мнение тарханов или батыров учитывалось только в том случае, если оно совпадало с позицией большинства собрания, в котором мог участвовать любой взрослый мужчина. Не случайно, в делопроизводственных документах йыйыны назывались «мирскими советами»²⁰.

Единогo руководителя, который мог бы взять на себя принятие решений за всех участников восстания, у башкир не было даже в ходе самых длительных и упорных восстаний. Это обстоятельство значительно усложняло деятельность российских властей по умиротворению башкирского народа. В ходе подавления башкирского восстания 1704 - 1711 годов казанский губернатор П.Апраксин пожаловался Петру I: «Народ их проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никаких над собой начал, хотя бы такого как на Дону атаманы, и таких не имеют, приняться не за кого и чтобы особно послать не кому»²¹.

Чем же было обусловлено отсутствие надобщинных властных структур в башкирском обществе XVII в.? Отсутствие улусной структуры на территории Башкирии предопределило специфически дистанционный тип имперского управления краем. Лояльность главе государства основывалась, в том числе и на том обстоятельстве, что хан находится за пределами обитания башкирских родов, т.е. он практически не вмешивался в дела внутреннего самоуправления, в котором важнейшие решения всегда принимались на народных собраниях. Даже применение военного насилия санкционировалось не ханом, а йыйыном, представлявшего собой высший орган самоуправления.

Статья подготовлена при содействии гранта РГНФ № 15-01-00123

Литература:

1. Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., Институт Африки РАН, 2002 201 с. С. 17.
2. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Алматы, Дайк-Пресс, 2002. 604 с. С. 292.
3. Ахметзаки Валиди Тоган История башкир. Пер. с турецкого А.М. Юлдашбаева. Уфа, Китап, 2010. С. 52.
4. Там же. С. 52
5. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань, Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.С. 12.
6. Классен Хенри Дж. М. Эволюционизм в развитии.// История и современность. Вып. №2. 2005.
7. Альтернативные пути к цивилизации. Под ред. Н.Н.Крадина, А.В.Коротаева, Д.М.Бондаренко, В.А.Лынши. М., Логос, 2000. - 368 с.
8. Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Возникновение ислама: социально-экологический и политико-антропологический контекст. М., «Цивилизационное измерение», 2007. 112 с. С. 27.
9. Коротаев А.В., Клименко В.В., Пруссаков Д.Б. Указ.соч. с. 29.
10. Хазанов А.М. Указ. Соч. с. 377.

11. Хазанов А.М. Указ. Соч. С. 237
12. НА ИИЯЛ УНЦ РАН Ф. 23 Оп. 1. Д.1. Л.145.
13. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. 1947. № 24. С. 128
14. Першиц А.И. Данничество. Доклады советской делегации. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973. М., 1973. С. 27.
15. Демидова Н.Ф. Башкирские посольства в Москву в XVII веке.//От древней Руси к России Нового времени. М., 2003. С. 180.
16. РГАДА. Ф. 116. Оп.2. Д. 1649. Л.2.
17. РГАДА. Ф. 248. Оп.3. Д. 115. Л. 172.
18. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 176.
19. Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. VI. С. 340.
20. Там же. С. 658.
21. Материалы по истории Башкирской АССР... Ч. 1. С. 179.

© Азнабаев Б.А., 2015.

А.И. Кортунов

(Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

A.I. Kortunov

(M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia)

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ СЛУЖБЫ ДВОРЯН-ПОЛЯКОВ В ОРЕНБУРГСКОМ КАЗАЧЬЕМ ВОЙСКЕ

SOME FACTS OF THE SERVICE OF THE POLISH NOBLEMEN IN THE ORENBURG COSSACK ARMY

Аннотация. С момента образования Оренбургского нерегулярного казачьего войска в середине XVIII в. в нем на службе состояли переселенцы из смоленской и полоцкой шляхты дворянского звания. Во второй половине XVIII века и в XIX веке на службу в Оренбургское войско зачисляются в основном военнопленные участники польских восстаний 1830-1831 годов, 1846 года, 1848 года, 1861-1863 годов. Проанализированные архивные источники подтверждают случаи массовых зачислений поляков в состав Оренбургского казачьего войска, в частности в 30-е годы XIX века.

Abstract. Since the time of formation of the Orenburg irregular Cossack army in the middle of the XVIII there served the migrants from Smolensk and Polotsk Polish gentry with the title of nobility. In the second half of the XVIII century and in the XIX century war prisoners participated in Polish uprisings of 1830-1831, 1846, 1848 and 1861-1863 were generally inducted into service to the Orenburg army. Analyzed archival sources confirm the cases of mass enlistment of the Poles in the Orenburg Cossack army, particularly in the 30-ies of the XIX century.

Ключевые слова: поляки, шляхтичи, служба, Оренбургское казачье войско.
Keywords: the Poles, Polish gentlemen, service, Orenburg Cossack army.

Одной из интереснейших страниц истории русско-польских отношений, бесспорно, является вопрос пребывания поляков на Урале. С середины XVII и до начала XX веков просматривается несколько потоков миграции поляков на Урал. При этом стоит отметить, что они попадали в Уральский регион, как в результате добровольного переселения, так и в результате депортации. Ученые-историки с полным основанием утверждают, что польские переселенцы были одной из самых массовых этнических групп из иностранцев, которые когда-либо прибывали на Урал.

Одними из первых выходцев с польских земель, поселившихся в нашем крае, были смоленские и полоцкие шляхтичи. После захвата в 1654 году русскими войсками Полоцка и Смоленска (во время русско-польской войны 1654-1667 годов), часть местной шляхты присягнула на верность русскому царю и была определена на службу в крепости Закамской линии и Уфимского уезда. Они были размещены по крепостям в бассейнах рек Майна и Утки (586 чел.), затем соответственно количеству следовали город Тиинск (134 чел.), Шешминск (128 чел.), Мензелинск (124 чел.) и замыкал ряд г. Уфа (30 чел.)¹.

С середины XVIII века потомки шляхтичей начали активно расселяться по уездам и городам Южно-Уральского региона (главным образом в его северной и западной частях). В последствии российское правительство провело ревизию среди шляхты Оренбургской губернии. По сведениям собранным в первой половине XIX века, потомки бывших шляхтичей в это время принадлежали к трем различным сословиям: к потомственному дворянству, личному дворянству и к городским и сельским обывателям. Тех, кто подтвердил свое дворянское происхождение, записывали в потомственное дворянство, а не подтвердивших и не состоящих на государственной службе обратили в обывателей. Шляхетские рода числились в Оренбургской губернии, и их представители, наряду с прочими таковыми же, поступали на военную и гражданскую службу и получали со службы увольнение на правах Всемилостивейшее дарованных дворянству. Так же стоит отметить, что

шляхтичи после принятия православия зачислялись в сословие российского дворянства. Второй формой натурализации в России было вступление в службу и, наконец, собственное желание остаться в России².

Во второй половине XVIII столетия начинается переселение на Урал пленных польских конфедератов, открывших историю польской политической ссылки в регионе. В XIX веке в Оренбургской губернии появляются политические ссыльные, участвовавшие в Отечественной войне 1812 года на стороне Наполеона, а так же участники польских восстаний 1830-1831 годов, 1846 года, 1848 года, 1861-1863 годов.

Стоит отметить, что с момента создания на Южном Урале в середине XVIII века Оренбургского нерегулярного казачьего войска, в нем служили польские шляхтичи и дворяне из числа самарских, алексеевских и других городских казаков. Так, в списках самарских и алексеевских казаков, записанных в штат войска, присутствуют - ротмистр Петр Максимовский, сержант Козьма Драшковский, капрал Иван Крачевский. В списке так же значатся: Алексей Петров Углецкий, Петр Иванов Крачевский, Степан Федотов Дерновский, Иван Венидиктов Щетиловский, Иван Осипов Белановский, Петр Степанов Максимовский³.

Второй волной зачисления в состав Оренбургского войска шляхтичей явились мероприятия по увеличению числа оренбургского казачества в регионе. В конце XVIII века в Оренбургское казачье войско стали зачислять детей неслужилых дворян, раскольников, разного рода переселенцев, ясачных крестьян, казанских татар, а так же иностранцев и смоленских шляхтичей. Таким образом, во второй половине XVIII столетия в состав войска было зачислено несколько групп шляхтичей (в основном смоленских) находящихся на службе в гарнизонах крепостей и городов Урало-Поволжского региона. Точное количество служащих шляхтичей поверстанных в казачью службу в этот период времени определить довольно трудно⁴.

В начале XIX века на действительную службу в российскую армию попадает значительное количество офицеров польского происхождения. Как известно, с присоединением к Российской империи западных территорий, а именно Киевской, Минской, Подольской, Волынской, Могилевской, Гродненской, Виленской, Ковенской и Витебской губерний в русскую армию активно стали вливаться представители польского дворянства. Отметим то, что всё помещичье землевладение в этих губерниях было только польским. После вхождения в состав России Царства Польского количество поляков в офицерском корпусе Российской империи значительно увеличилось, так как офицеры-дворяне бывшей польской армии с 1815 г. принимались на службу в русскую армию в обычном порядке⁵.

Большую часть, в этот период времени, в офицерском корпусе Оренбургского казачьего войска составляли прикомандированные из армейской кавалерии офицеры регулярной армии (из гусарских, драгунских и уланских полков). Это было связано с образованием в Оренбургском войске территориально-полковых округов и соответственно новых органов управления. Были определены новые должности в управлении военными округами, в полковых и войсковых дежурствах, в учебных подразделениях. Во второй четверти XIX века в Оренбургское войско переводится целая группа офицеров и генералов регулярной армии. В результате, из десяти созданных полковых округов пять возглавили прикомандированные офицеры армейской кавалерии, а остальными командовали офицеры войскового сословия. Таким же образом, в 40-60-х годах XIX века к Оренбургскому войску были прикомандированы офицеры из дворян польского происхождения: полковник Ахтырского гусарского полка Дуниковский, полковники Харнский, Каратышевский и др.

Общую информацию об офицерах Оренбургского войска мы можем найти в родословных книгах дворян XIX века. Известно, что многие представители казачьего сословия за заслуги перед Отечеством вносились в эти книги. В исследованных родословных книгах первой половины XIX века⁶ были обнаружены записи о дворянах Оренбургского войска, находящихся в основном во 2-ой ее части⁷. К сожалению, национальность данных казаков-дворян не указывалась, но некоторые из них вероятней всего имели польские корни. К ним относятся: Белановский Андрей Михайлович, Карский Алексей Михайлович и Карский Николай Михайлович.

Некоторые архивные источники подтверждают факт службы офицеров польского происхождения в Оренбургском казачьем войске в 40-х годах XIX века. В Российском государственном военно-историческом архиве в описях фонда «Департамента военных поселений» были обнаружены списки выбывших или уничтоженных дел, имеющих отношение к офицерам-полякам, а именно: «Дело по представлению начальника штаба Отдельного Оренбургского корпуса об увольнении в отпуск на 6 месяцев в Царство Польское 1-го Оренбургского казачьего полка из польских уроженцев унтер-офицеров Мечниковского и Крупинского (1842 г.)»; «Дело по отношению командира Отдельного Оренбургского корпуса об увольнении в отпуск в Царство Польское служащего Оренбургского войска Феликса Глаговского (1843 г.)»; «Дело по отношению командира Отдельного Оренбургского корпуса о причислении [...] Черноградского в Оренбургское казачье войско для совместного служения с родственниками»⁸ и др.

Стоит отметить, что самое большое количество поляков было переселено на Урал после восстания 1830-1831 годов. Особенно много сюда прибыло польских военнопленных для несения военной службы. По Высочайшему повелению к определению на службу в Пехотную дивизию Отдельного Оренбургского корпуса было назначено 1400 польских военнопленных и нижних чинов, которые были распределены по крепостям на Оренбургской пограничной линии⁹. Часть ссыльных поляков впоследствии добровольно перешли на службу из линейных батальонов в Оренбургское казачье войско. Исследовав приказы по Отдельному Оренбургскому корпусу за 1838 год, мы обнаружили списки поляков изъявивших желание перейти в казачье сословие. Так, по приказу №50 от 10 апреля 1838 года семь поляков из 22 Пехотной дивизии Оренбургского линейного батальона №2 переводились в Оренбургское казачье войско (список не приложен)¹⁰.

Далее приводится отрывочный список польских уроженцев, датированный так же 1838 годом. В списке значится 51 человек из 22 Пехотной дивизии Оренбургских линейных батальонов №№2,3,4. По документу данные солдаты добровольно выбрали себе место службы, а именно большинство из них попросилось на жительство в крепости: Звериноголовскую, Усть-Уйскую, Крутоярскую, Новоорскую, Степную, Петропавловскую; станицу Атаманскую; отряды: Прорывной, Кочердыцкий, Спасский, Линеvский и укрепление Императорское. Данные укрепления и населенные пункты располагались на Дистанциях №№1-6 Оренбургской пограничной линии (соответственно на Старой, Новой и Илецкой линиях)¹¹.

В следующем приказе №69 от 12 мая 1838 года сообщается, что «[...] по воле Господина Корпуснаго Командира Отдельного Оренбургского Корпуса рядовые линейнаго Оренбургскаго Батальона №5 Яна Игнацепа и Михаила Федецкаго по изъявленному ими желанию зачисляются в Оренбургское казачье войско. О чем давая знать Оренбургскому казачьему войску предписываю войсковой канцелярии по доставлении означенных чинов от Командующаго 22 Пехотной Дивизией сделать распоряжение о распределении их по станицам кто куда пожелает на Оренбургскую и новую линии»¹².

И в последнем, обнаруженном нами приказе от 18 мая 1838 года за №73 сообщается, что «[...] по воле Господина Корпуснаго Командира предписывается Войсковой канцелярии по именованных в прилагаемом при сем именном списке Нижних чинов из польских уроженцев линейных оренбургских батальонов по изъявленному ими желанию зачислить в Оренбургское казачье войско с водворением их в линейных Станицах об исключении их из настоящего места служения и отправления по назначению [...]»¹³.

В списке приказа №73 числится 37 человек так же из 22 Пехотной дивизии четырех Оренбургских линейных батальонов №№1,2,3,4. Среди просителей значится два унтер-офицера (Казмир Новицкий из Батальона №1 и Михайла Имелок из Батальона №2). Остальные 35 поляков из рядового состава. По документу данные поляки добровольно выбрали себе место службы. Большинство из них попросилось на жительство в крепости: Звериноголовскую, Усть-Уйскую, Крутоярскую и Степную; отряды: Прорывной, Кочердыцкий и Озерной. Данные укрепления и населенные пункты располагались на Дистанциях №№4-5 Оренбургской пограничной линии (соответственно на Старой линии)¹⁴.

К сожалению, не представляется возможным определить сословную принадлежность польских уроженцев, добровольно перешедших на службу в Оренбургское казачье войско в 1838 году. Но с большой долей вероятности можно говорить о присутствии среди них дворян, так как после восстания 1830-1831 годов в рядовой и младший офицерский состав Пехотной дивизии Оренбургского отдельного корпуса было записано большое количество ссыльных польских дворян.

Анализ исторических источников показал, что изначально подавляющее большинство служивших в Оренбургском крае поляков были римско-католического вероисповедания. Однако были среди них и протестанты (например, дворянин из Кенигсберга рядовой Максимович Л.Я.) и униаты. Некоторые ссыльные поляки-дворяне принимали православие, например дворянин из г. Станислава Мацуркевич Иозеф сын Франциска и др¹⁵.

Во второй половине XIX в. ситуация меняется. Значительное количество поляков перешло в православную веру. Таким образом определить национальность по вероисповеданию становится сложнее. Единственно остается ориентироваться на фамилию дворян¹⁶.

Чтобы выделить офицеров-дворян Оренбургского войска с польскими фамилиями, было проведено исследование значительного числа послужных списков, относящихся к 60-90-м годам XIX века. Были основательно проработаны полные послужные списки Штаб и Обер офицеров служащих в 1-м, 2-м и 3-м отделах Оренбургского казачьего войска.

При исследовании полных послужных списков Штаб и Обер офицеров служащих в управлении 2-го отдела Оренбургского казачьего войска за 1869, 1880 и 1890 годы были обнаружены данные на есаула Белоновского Петра Федоровича, который имел польские корни. По документам он являлся помощником старшего адъютанта управления 2-го отдела. Родился в 1821 году в семье войскового чиновника Оренбургского войска, получил домашнее воспитание. По вероисповеданию – православный¹⁷.

В списках Штаб и Обер офицеров служащих в управлении 3-го отдела Оренбургского казачьего войска за 1869 год значатся офицеры-дворяне польского происхождения православного вероисповедания: войсковой старшина Колотинский, есаулы Голявинский и Ивановский, хорунжий Бельский¹⁸.

В послужных списках за 1890 год в 3-м отделе выделяется офицер-дворянин польского происхождения есаул Колотинский Флегонт Матвеевич. Родился он 8 апреля 1850 года. Воспитывался в Оренбургском юнкерском училище и окончил курс по 1-му разряду. Из потомственных дворян Оренбургского войска. Принадлежит к войсковому сословию. Православный по вероисповеданию. Так же вместе с Колотинским служил войсковой старшина Стрелковский, который предположительно имел польские корни.

Итак, необходимо отметить, что с момента образования Оренбургского нерегулярного казачьего войска в середине XVIII в. в нем на службе состояли переселенцы из смоленской и полоцкой шляхты дворянского звания. Во второй половине XVIII века и в XIX веке на службу в Оренбургское войско зачисляются в основном военнопленные участники польских восстаний 30-60-х годов XIX столетия. Проанализированные архивные источники подтверждают случаи массовых зачислений поляков в состав Оренбургского казачьего войска, в частности в 30-е годы XIX века. Так же в Оренбургском казачьем войске отмечается присутствие довольно большого числа офицеров-дворян польского происхождения. Это было связано с переводом в офицерский корпус Оренбургского войска военных из армейской кавалерии регулярной армии, где в данный период времени служило много поляков. Во второй половине XIX века прикомандированных к войску офицеров-поляков уже почти не обнаруживается. В основном Штаб и Обер офицеры дворянского сословия были выходцами из местного казачества, лишь некоторые из них имели польские фамилии, вероятно доставшиеся им в наследство от предков-поляков.

Исследование выполнено в рамках базовой части Государственного задания на проведение научно-исследовательской работы Министерства образования и науки РФ (2014-2016 гг.). Тема научно-исследовательской работы: «Кочевники Золотой Орды XIII-XV веков и казачество Урала XVI-XIX веков: проблемы этно- и социально-культурной преемственности» (Проект № 2936)

Литература:

1. Латыпова В.В. Ссылные поляки на Южном Урале в XVII-XIX вв. // Оренбургской губернии – 250 лет (проблемы истории и культуры).

Уфа, 1994. С. 43; Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX века). Очерки историко-культурного наследия. Уфа, 2010. С. 39.

2. Латыпова В.В. Поляки в Башкортостане (XVII-XVIII века): краткий исторический очерк // Башкирский край. Вып. 5. С. 8.

3. Семёнов В.Г. Иностранцы и иноверцы в Оренбургском казачьем войске // Этноконфессиональный диалог: состояние, противоречия, перспективы развития: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург, 2002. С. 179.

4. Волков С.В. Русский офицерский корпус. Москва, 2003. С. 311.

5. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Во славу государства Российского. Челябинск, 1994. С. 127-128.

6. Были исследованы сохранившиеся в Государственном архиве Оренбургской области (г. Оренбург) и Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (г. Уфа) «Родословные книги дворян Оренбургской губернии» первой половины XIX в.

7. В Жалованной грамоте дворянству Екатерины II (1785 г.) говорилось о возобновлении составления дворянских родословных книг. Родословная книга делилась на 6 частей. В 1 часть вносились представители личного дворянства, 2 – военное дворянство, 3 – потомственные дворяне, 4 – дворяне-иностранцы, принявшие российское подданство, 5 – дворяне, имевшие княжеский, графский или баронский титул, 6 – древние дворянские роды, имевшие более чем столетнюю историю.

8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 6.

9. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 64. Л. 49-51.

10. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-11. Оп. 1. Д. 23. Л. 28об.

11. ОГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 23. Л. 29-29об.

12. ОГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 23. Л. 30об.

13. ОГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 23. Л. 31об.-32.

14. ОГАЧО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 23. Л. 32-33.

15. Латыпова В.В. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX века). Очерки историко-культурного наследия. Уфа, 2010. С. 85, 89.

16. Волков С.В. Русский офицерский корпус. Москва, 2003. С. 313-314.

17. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1672. Л. 14.

18. РГВИА. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1673. Л. 1-2.

© Кортунов А.И., 2015.

Е.В. Соболев
(Башкирский государственный педагогический
университет им. М.Акмоллы, г. Уфа)

E.V. Sobolev
(M.Akmullah Bashkir State Pedagogical University,
Ufa, Russia)

НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

THE OIL POLICY OF EUROPEAN POWERS IN THE MIDDLE EAST IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Аннотация. В статье раскрываются особенности нефтяной политики ведущих европейских держав на Ближнем Востоке в первой половине XX века, выделены этапы нефтяной политики, определены ее результаты.

Abstract. The article reports on peculiarities of great powers' oil policy in the Near East in the first half of XX-th century, the author defines the stages of oil policy and its results.

Ключевые слова: нефтяная политика, великие державы, Ближний Восток, внешняя политика.

Key words: oil policy, great powers, Near East, foreign policy.

Военно-экономический потенциал любой страны зависит от доступа к необходимым источникам сырья, наличию производственных мощностей и рынков сбыта для производимых товаров. Именно совокупность этих факторов определяет положение государства в системе международных отношений. Поэтому изобилие или ограниченность сырьевой базы страны всегда оказывало непосредственное влияние на характер ее внутренней и внешней политики. Державы, обладающие скудными природными ресурсами, но достаточно развитой промышленностью, стремились обеспечить себе бесперебойное снабжение сырьем за счет менее развитых, но богатых в этом отношении стран путем заключения неравноправных договоров, экономической экспансии или прямого военного подчинения, которые ставили последних в ранг полузависимых, колониальных, а точнее - сырьевых придатков мировых держав.

С начала XX в. стратегически важным сырьем, контроль над которым обеспечивал военное преобладание, как на море, так и на суше и в воздухе становится нефть. Постепенно, уже накануне Первой мировой

войны, а после ее окончания - она стремительно начала вытеснять уголь, как основной источник топлива, а также сырья для химической промышленности. Быстрый рост автомобилестроения, внедрение новых видов военной техники, и, в первую очередь, танков и самолетов, а также усиление боеспособности и маневренности флота в результате перевода его на жидкое топливо, предопределили повышение внимания к нефти, которая стала важнейшим элементом военно-экономического потенциала страны. Это привело к тому, что борьба за обладание нефтяными источниками стала одним из важнейших факторов внешней политики государств капиталистического мира, как не имеющих собственных запасов этого стратегического сырья – Великобритании, Германии и Франции, так и тех, которые ими обладали – Соединенных Штатов. Неравномерное распределение нефти обеспечило ей «политическую и дипломатическую воспламеняемость» и привело к тому, что страны Европы оказались в зависимости от поставок нефтепродуктов из-за океана. Концентрация большей части мирового промышленного (товарного) производства на европейском континенте еще более усиливала сырьевую зависимость. Правительства европейских государств, осознававшие степень своей уязвимости, всеми средствами стремились обеспечить собственный контроль нефтяных месторождений.

В начале XX в. все известные к тому времени ресурсы нефти были уже поделены мировыми нефтяными компаниями. Тем не менее, с начала 1920-х гг. развернулось острое соперничество за нефть, явился Ближний Восток.

Историю борьбы за нефть Ближнего Востока можно разделить на несколько этапов, каждый из которых характеризуется различной степенью соперничества и разными участниками. Неизменным участником борьбы за ближневосточные нефтяные месторождения оставалась Великобритания, тогда как периодически ее конкурентами становились Германия, Франция и США. На первом этапе – 1904-1914 гг., основными соперниками были Англия и Германия. Итогом этого этапа можно считать, во-первых, получение Англией монополии на разработку иранской нефти и образование «Туркиш Петролеум Компани» для деятельности в Месопотамии.

После поражения в войне, Германия выбыла из числа акционеров «ТПК», а ее пакет акций был передан Франции, что было оформлено соглашением в Сан-Ремо 1920 г.

После Первой мировой войны (на втором этапе – 1914-1938) развернулось соперничество за нефтяные концессии Ирака и, с 30-х годов, за ресурсы эмиратов Персидского залива. Несмотря на то, что европейские державы играли здесь значительную роль основная борьба

развернулась прежде всего между английскими и американскими корпорациями.

Несмотря на контроль над значительными запасами нефти, ее поставки в Великобританию зависели от мощи английского флота и степени его контроля над морскими коммуникациями, которые, в случае войны, могли быть перекрыты действиями врага. Поскольку разведанных запасов внутри страны не имелось, основным содержанием нефтяной политики Великобритании было – поддержание дружественных отношений со своим североамериканским партнером, сохранение мира для усиления британского флота. В 1938 г. 57% английского импорта нефти шло из Америки и только 22% - со Среднего Востока, из которых 18% из Ирана [1, р. 95].

Франция после получения доли в «Ирак Петролеум Компани» - монополиста в разработке иракской нефтяной концессии и завершения строительства нефтепровода к побережью Средиземного моря, стремится к созданию мощной нефтеперерабатывающей промышленности и ограничению импорта нефтепродуктов при одновременном увеличении ввоза сырой нефти. Кроме того, Франция активно поддерживает экспансию «ИПК» на Аравийском полуострове, что привело к установлению контроля над нефтяными полями эмиратов Пиратского берега (будущие ОАЭ).

В начале 30-х годов Германией вновь была предпринята попытка получить доступ к иракским нефтяным концессиям. В этом случае Германия действовала в роли акционера «БОД». Несмотря на определенную поддержку в британских правительственных кругах, «БОД» не удалось преодолеть лобби «ИПК», и компания была вынуждена отказаться от своих претензий.

Осознание очевидной слабости военного флота по сравнению с английским привело лидеров Германии к сосредоточению основных усилий на достижении автаркии в области нефти. Поэтому с середины 1930-х гг. в стране активно ведутся разведка возможных нефтяных месторождений, научные исследования с целью получения нефти крекингом угля и другими способами. Кроме того, Германия оказывает давление на Румынию - фактически единственную нефтедобывающую страну Западной Европы - для получения максимально возможного количества добываемой в этой стране нефти.

Несмотря на стремление Великобритании ослабить свою зависимость от поставок американской нефти, она не только сохранилась, но еще более усилилась в виду возросшей мощи германского и итальянского флотов, которые были способны совместными действиями парализовать судоходство в Средиземном море, через которое проходили главные пути поставок нефти из Ирана и Ирака в Великобританию.

Во Франции к концу 30-х гг. была создана крупнейшая в Европе нефтеперерабатывающая промышленность, что значительно ослабило зависимость от импорта нефтепродуктов, однако уязвимым местом оставалось необходимость ввоза сырой нефти, который осуществлялся через Средиземное море, и оставшегося количества нефтепродуктов, которыми промышленность была не в состоянии обеспечить.

Несмотря на то, что Германия продолжала искать пути получения доступа к нефтяным ресурсам Ближнего Востока, основное внимание правительства Рейха было сосредоточено на достижении автаркии и контроле над нефтью в Европе. 10 августа 1936 г. был составлен план по нефти, по которому предполагалось к 1938 г. обеспечивать примерно на 70-80% покрытие потребностей во всех видах горючего, что также подтверждалось в меморандуме Гитлера от 26 августа 1936 г. о «4-х летнем плане» [2, с. 127–132]. Несмотря на активную разведку и разработку собственных ресурсов, а также расширение сети предприятий, вырабатывающих синтетическое топливо, Германии в 1937 г. удалось получить 450 тыс.т., тогда как импорт нефти и нефтепродуктов составил около 4 млн.т. В тоже время предполагаемые потребности в жидком горючем в предстоящей войне определялись в 12650 млн.т. в год [3, с. 132], т.е. германская промышленность за счет своих усилий могла обеспечить только 4% необходимого количества сырья. Поэтому, продолжая развивать производство синтетического топлива и наращивать запасы нефтепродуктов, импортируя нефть из других государств, Германия искала иные возможности для бесперебойного снабжения сырьем.

23 марта 1939 г. в Бухаресте было подписано германо-румынское экономическое соглашение сроком на 5 лет, которое предоставляло Германии исключительное право на эксплуатацию всех естественных богатств Румынии. Соглашение предусматривало дальнейшее расширение нефтяных разработок и вывоз 25% всей добытой румынской нефти в Германию [4, с.91-96.]. Однако это не могло удовлетворить постоянно растущие потребности германской промышленности и армии в стратегическом сырье, о чем свидетельствует доклад начальника военно-экономического штаба вооруженных сил генерал-майора Томаса 24 мая 1939 г. в Министерстве иностранных дел. Особое внимание в нем было уделено положению с жидким топливом и зависимости Германии от импорта: «если мы даже возьмем в свои руки румынскую нефтяную промышленность в неповрежденном состоянии, то она – вместе с предприятиями Германии – еще не сможет покрыть всю ту потребность, которую будут испытывать государства «оси» в случае войны... Кроме того, снабжение румынской нефтью пока что остается для нас неразрешенной проблемой с точки зрения транспорта» [4, с. 330]. К тому

же добыча нефти в Румынии, начиная с 1936 г., продолжала снижаться [5.,р.65], поэтому, хотя румынская нефть была важна для Германии и во многом способствовала дальнейшим победам вермахта, она занимала второстепенную роль в германском планировании, поскольку не обеспечивала полной независимости страны от импорта нефти, который в случае войны мог быть перерезан [4.,р.84].

Таким образом, в первой трети XX века европейские державы предприняли активные шаги, направленные на получение доступа к ближневосточной нефти. Однако, за исключением Великобритании и отчасти Франции, остальные державы не могли назвать свою нефтяную политику успешной. Основными причинами неудач были недоверие правителей стран Ближнего Востока, воспринимавших европейцев как колонизаторов, активность и независимость американского капитала, который не имел связей с правительством. Тем не менее, активность европейцев отчасти способствовала укреплению позиций ближневосточных монархов, которые, играя на противоречиях европейских держав, добивались более выгодных условий концессионных договоров.

Литература:

1. Monroe E. Britain's moment in the Middle East. 1914-1956. – L., 1965.
2. Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала во Второй мировой войне. – М., 1971.
3. Шпирт А. Нефть и война // Мировое хозяйство и мировая политика. 1938, № 6.
4. Documents on German Foreign Policy 1918-1945, series D, Vol. VI.
5. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. – М., 1973.
6. Petroleum Times, 1948, 17 Jan.

© Соболев Е.В., 2015.

И.З. Шаяхметова
(БашГУ, Уфа)

I.Z. Shayakhmetova
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ВЫБОРЫ В ОРГАНЫ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БАШКИРСКОЙ АССР В 1919 – 1936 ГГ.

ELECTIONS TO THE LOCAL GOVERNMENT OF THE BASHKIR ASSR IN 1919 – 1936

Аннотация. Становление органов городского самоуправления связано с выборами депутатов городских советов. Для советского избирательного права было характерно отсутствие альтернативности, свободы проведения избирательных кампаний и свободы волеизъявления избирателей.

Abstract. The formation of municipal government bodies connected with elections of deputies of local councils. For the Soviet electoral law was characterized by the absence of alternatives, freedom of campaigning and freedom of expression of voters.

Ключевые слова: органы городского самоуправления, выборы, избирательное право.

Keywords: local government, elections, suffrage.

Реформа органов местного самоуправления, начатая в 2006 г., в небольшой группе регионов Российской Федерации, наиболее подготовленных к ней, в том числе и в Республике Башкортостан, определила круг вопросов, без решения которых невозможно осуществление эффективной муниципальной деятельности. При этом важно учитывать наследие прошлого. Одной из организационных форм местного управления и самоуправления в советский период российской истории были городские советы, становление которых в Башкирской АССР связано с выборами депутатов.

В целом для избирательной системы в 1919 – 1936 гг. были характерны следующие особенности. Во-первых, избирательное право предоставлялось только трудящимся, «эксплуататорские» слои населения были лишены избирательных прав. Во-вторых, имело место некоторое неравенство в избирательных правах между рабочими и крестьянами, предоставление рабочим определенных преимуществ при выборах делегатов на всесоюзные и всероссийские съезды советов. В-третьих, прямые выборы были только при избрании депутатов сельских и городских советов, вышестоящие органы государственного управления избирались не прямым голосованием избирателей, а на соответствующих

нижестоящих съездах советов, то есть путем многостепенных выборов. В четвертых, голосование являлось открытым, что затрудняло проникновение в советы неугодных кандидатур. В-пятых, выборы проводились по производственно-территориальному принципу¹. Выборы депутатов происходили преимущественно по предприятиям, учреждениям, общественным организациям и т. п., неорганизованная часть городского населения принимала участие в выборах по месту жительства.

Для организации и проведения выборов в городские советы при всех исполкомах образовывались избирательные комиссии в составе председателя и 10 членов. В горизбирком входили: два представителя от горисполкома, по одному представителю от объединения профсоюзов, ВЛКСМ, отдела работниц ВКП(б), национальных меньшинств, Красной Армии, два представителя от общегородского собрания женщин – работниц².

Горизбиркомы организовывали избирательные участки, составляли списки лиц, лишенных избирательных прав, и информировали об этом избирателей, организовывали рассылку избирателям именных повесток о времени и месте проведения избирательных собраний. Комиссии выделяли своих уполномоченных для проведения избирательных собраний на фабриках и заводах.

Избирательные собрания в городах Башкирской АССР проводились на предприятиях и в учреждениях. Избиратели, не связанные с производством (домашние хозяйки, кустари и пр.), участвовали в избирательных собраниях, организуемых по месту жительства. Такие собрания созывались по отдельным участкам, районам или другим территориальным избирательным единицам³. На избирательные собрания допускались лица, имеющие избирательные права. Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовало не менее 35 % всех избирателей данного участка.

До принятия Конституции СССР 1936 г. особенности советского избирательного права состояли в унификации норм, определявших основные принципы организации и проведения выборов в советы путем издания Президиумом ЦИК СССР общесоюзной Инструкции о выборах. Конституция СССР 1924 г. не содержала специального раздела, посвященного избирательной системе и принципам организации и проведения выборов в советы. В ней имелись лишь общие положения о нормах представительства при выборах на Всесоюзный съезд советов.

Все основные вопросы организации выборов регулировались Конституциями союзных республик и инструкциями о выборах в советы и на съезды советов, издаваемых ЦИК союзных республик. Это приводило к тому, что законодательство различных республик по-

разному решало вопросы избирательного права, такие, например, как установление юридических оснований для определения круга лиц, лишенных избирательных прав. Для определения точного количества лишенцев, как правило, от председателя горсовета секретно направлялся запрос в Башобком ГПУ⁴. Затем не менее чем за 20 дней до начала выборов списки избирателей и списки лишенных избирательных прав обнародовались. За этот период различные ходатайства по перевыборам (о неправильном лишении избирательных прав) должны были дойти до Центральной избирательной комиссии, которая рассматривала их и места⁵.

Для восстановления в избирательных правах лицам, лишенным их по статье 69 Конституции РСФСР 1918 г., необходимо было написать ходатайство на имя председателя ВЦИК СССР, которое представлялось в городскую избирательную комиссию, затем направлялось в Президиум БЦИК, откуда после процедуры проверки их БНКВД во ВЦИК.

В случае восстановления избирательных прав выписка об этом направлялась из Президиума ВЦИК в горисполком⁶. В 1923 – 1928 гг. в городах Башкирской АССР было 115 лишенцев⁷ в 1924 – 1936 гг. только в г. Уфе их было 3179 человек⁸. Как правило, в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах гражданам отказывалось уже на стадии подачи материалов в Президиум БЦИК⁹. Некоторые граждане восстановили избирательное право после своей смерти. Таким образом, значительная часть населения Башкирской АССР в 1919 – 1936 гг. была лишена избирательных прав. Это противоречило самой природе советов как представительных органов местного управления.

Создание Центральной Избирательной комиссии при Президиуме ЦИК СССР привело к тому, что в 1926 – 1936 гг. выборы производились на основе избирательного законодательства СССР и союзных республик. Городским советам, их исполнительным комитетам и Центральному исполнительному комитету Башкирской АССР было запрещено издавать местные инструкции о выборах. Эти органы были обязаны при проведении выборов в советы строго руководствоваться Инструкцией о выборах, утвержденной ЦИК РСФСР. Тем самым произошел отход от демократических принципов в организации органов местного самоуправления, закрепленных в Конституции РСФСР 1918 г.

По Конституции СССР 1936 г. открытое голосование было заменено тайным. Практика открытого голосования подразумевала недопущение в представительные органы управления и самоуправления так называемых «чуждых элементов». На деле простое большинство, достигнутое поднятием рук на избирательных собраниях, ограничивало демократические принципы выборной процедуры. Тайное голосование устранило определенные условия, могущие стеснить свободное

волеизъявление избирателей. Они подавали голоса независимо от других лиц. Тем самым советская избирательная система, с одной стороны, приблизилась к избирательным системам тех стран, в которых существовали многовековые выборные традиции, с другой стороны, тщательная подготовка выборов в целом, а также списки кандидатов в депутаты со стороны партийных организаций нивелировали принцип тайного голосования. Изменилась организация выборов. В частности, с введением в действие Основного закона СССР 1936 г. был упразднен производственный и введен в действие территориальный принцип избрания во все органы представительной системы.

С начала оформления советского избирательного права в Башкирской АССР отсутствовали все основные показатели демократических выборов: альтернативность, свобода проведения избирательных кампаний и свобода волеизъявления избирателей. Роль выборов сводилась, по сути, к освящению «волей народа» монополии на власть единственной партии – ВКП (б).

Литература:

1. Ким А.И. Первая Советская Конституция и принцип всеобщих выборов для трудящихся // Труды Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 127.
2. Национальный архив Республики Башкортостан (далее НАРБ). Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 5. Л. 46, 78.
3. Там же. Ф. 122. Оп. 7. Д. 36. Л. 4, 4 об.
4. Там же. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 8. Л. 14.
5. Красная Башкирия. 1925. 13 октября.
6. НАРБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 17.
7. Там же. Д. 3. Л. 1 – 101; Ф. Р-1109. Оп. 3. Д. 1 – 12.
8. Там же. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 6. Л. 1 – 297; Д. 16. Л. 3, 5; Ф. 122. Оп. 8. Д. 9. Л. 71.
9. Там же. Д. 10.

Статья написана в рамках государственной программы: «Города и городское население Южного Урала в XVI – XX вв.: история, источниковедение, историография», – шифр 6.30.204, номер государственной регистрации 200004581.

© Шаяхметова И.З., 2016

Р.Р. Тухватуллин
(БашГУ, Уфа)

R.R. Tukhvatullin
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

**ПРОБЛЕМА АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ А. ШЛЕЗИНГЕРА-МЛ.**

**PROBLEM OF THE AMERICAN NATIONAL
IDENTITY IN THE CONCEPT OF A. SCHLESINGER JR.**

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды А. Шлезингера-мл. на формирование американской национальной идентичности и вызовы, возникающие в этой сфере в связи ростом этнического разнообразия США, подъемом этно-расовых движений и реализацией концепции мультикультуранности.

Abstract. The article deals with the views of A. Schlesinger Jr. on the formation of the American national identity and the challenges that arise in this area because of the growth of US ethnic diversity, the rise of ethno-racial movements and the realization of the multiculturalism concept.

Ключевые слова: национальная идентичность, А. Шлезингер-мл., мультикультурализм, афроцентризм, американское кредо.

Keywords: national identity, Arthur Schlesinger Jr., multiculturalism, Afrocentrism, the American creed.

Рубеж 80-90-х гг. XX века стал временем существенных и значительных перемен в мире. Среди событий этого времени особо выделяют окончание холодной войны, распад СССР, Югославии, Чехословакии, гражданские и этнические конфликты. Эти обстоятельства актуализировали довольно неожиданно для США вопрос о национальном единстве и национальной идентичности, способах их сохранения и укрепления. В 1990-е гг. к данной проблеме обращался виднейший представитель академического сообщества США С. Хантингтон, подчеркнувший опасность эрозии американской идентичности, необходимость сохранения западной культуры и уникальных качеств Запада в целом¹.

В 1991 г. известный американский историк, писатель и либеральный политический деятель А.М. Шлезингер опубликовал книгу, которую в последствии несколько раз переиздавали, с симптоматичным названием – «Разъединение Америки: размышления о мультикультурном обществе» (The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society)².

Автор отталкивается от тезиса о том, что этнический и расовый конфликт заменят конфликт идеологий в качестве взрывоопасной проблемы нашего времени, этничность сегодня – причина раскола наций.

Шлезингер показывает с некоторой идеализацией процесс формирования из разных иммигрантских этнических групп американской нации. Автор задается вопросом: «Что же удерживало американцев вместе более двух веков в отсутствие общего этнического происхождения»? Используя слова С. Дж де Кревекера, отвечает: «Здесь индивидуумы всех наций сплавлены в новую расу людей». Т.е., в нацию. Шлезингер отмечает, что целями этих иммигрантов были спасение, освобождение, ассимиляция.

Вновь создаваемая национальная идентичность предполагала отрыв от корней и отказ от старых лояльностей и формировалась на основе общих политических идеалов и совместного опыта. Впоследствии Г. Мюраль назвал эту совокупность идей, учреждений и привычек «Американским Кредо». Это идеалы неотъемлемого достоинства и равенства всех людей, неотчуждаемых прав на свободу, справедливость и возможность, которые стали узами, связывающими всех американцев. Таким образом, приверженность этим идеалам, а не расе, первоначальному гражданству или этничности делает кого-либо американцем.

Шлезингер особо оговаривает, что иммигранты прибывали в страну, которая неизбежно была по языку, идеалам и институтам английской, а так называемый тигель не «сплавлял» даже всех белых иммигрантов, не говоря уже о черных, желтых или краснокожих американцах.

Тем не менее, по мнению Шлезингера, в течение двух веков истории США превалировал именно взгляд Кревекера на способ формирования американской нации и национальной идентичности американцев. Считалось, что гражданское участие и школьное образование в комьюнити формировали идеальных граждан, «очищенных» от изначальных корней, памяти и этничности³.

Но в XX веке ситуация изменилась: мировые войны, распад колониальных империй, усиление этнической и расовой воинственности на планете, изменение структуры иммиграции приводят к тому, что восторжествовала иная концепция. Не избавление от происхождения и корней, а поиск корней. Культ этничности возник как среди белых, так и среди небелых меньшинств. Этот культ, подчеркивает Шлезингер, имел как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, произошло признание роли в американской истории и достижений таких прежде игнорируемых и подчинённых групп как женщины, американцы

южно- и востоевропейского происхождения, афроамериканцы, индейцы, выходцы из Латинской Америки, азиаты⁴.

С другой, культ этничности приводит к тому, что Америка начинает рассматривать себя не как нация индивидуумов, а как нация групп с более или менее устойчивым этническим характером. Именно разделение на этнические группы устанавливает базовую структуру американского общества. Соответственно, подчёркивает Шлезингер, ассимиляция заменяется фрагментацией, интеграция – сепаратизмом, т.е. происходит эрозия объединяющей американской идентичности⁵.

Наиболее угрожающими проявлениями данной тенденции Шлезингер называет мультикультурализм, афроцентризм, билингвизм.

Мультикультурализм как таковой предполагает признание за индивидом свободного выбора культурных ценностей, равнозначности групп, их своеобразия и оригинальности, поощрение разнообразия. Публичные школы в США были традиционно «механизмом передачи идеала единого народа». Мультикультуралисты подчеркивают, что главной целью публичного образования является защита, укрепление и увековечивание этнического происхождения и этнической идентичности.

Шлезингера беспокоит особо, то, что под давлением мультикультуралистов изменяются учебные планы, в которых больше внимания теперь уделяется неевропейским культурам и минимизируется время, выделяемое, в частности, на изучение истории Западной Европы и США.

Шлезингер делает акцент на роли истории и как фактора определения национальной идентичности, и как средства формирования самой истории. Он считает, что «написание истории превращается из размышления в оружие», и этнические анклавов Америки разработали своего рода компенсаторную литературу. В этом случае история рассматривается уже не как наука, а в качестве средства своеобразной социальной и психологической терапии, основная функция которой заключается в повышении самооценки детей из групп меньшинств⁶.

Как пример подобного подхода автор приводит цитату из доклада Целевой группы по вопросам меньшинств (штат Нью-Йорк), в котором утверждалось: «Систематическая пристрастность к европейской культуре и ее производным имеет чрезвычайно вредное воздействие на психику молодых людей африканского, азиатского, латиноамериканского и индейского происхождения». По его мнению, зилоты мультикультурализма отвергают как гегемонистское понятие приверженности общим идеалам.

Самозванные мультикультуралисты, отмечает Шлезингер, видят в наследии Запада, прежде всего, его преступления. Но преступления Запада привели к созданию своих собственных противоядий, поскольку

Европа «является также источником - единственным источником - тех освободительных идей свободы личности, политической демократии, верховенства закона, прав человека и культурной свободы»⁷.

Шлезингер считает, что политкорректность, доведенная до абсурда, оборачивается ограничениями на свободу слова, становится средством контроля учебных планов и давления на тех, кто ставит под сомнение логику и цели мультикультуралистов. Поскольку – ничто не должно быть сказано, что могло бы нанести обиду представителям меньшинств, необходимо объяснять как «плюралистические (меньшинство, женщины и т.д.) мнения и проблемы рассматриваются и включены в этот курс».

Достаточно едко и порой хлестко Шлезингер характеризует афроцентризм, призванный, по мнению сторонников этого подхода, исправить евроцентристскую индоктринацию, характерную для американского образования. Афроцентристы полагают, в свою очередь, что необходимо отдать должное африканскому вкладу в развитие цивилизации. Провозглашается, что черная Африка является родиной науки, философии, религии, медицины, техники и великих достижений, которые были ошибочно приписаны западной цивилизации, древний Египет был страной черной Африки, Бетховен был афроевропейцем. В истории курсы, посвященные западной цивилизации, рассматриваются как «культурный империализм, предназначенный для того, чтобы унижить незападные традиции и вытиснить западный штамп на людях всех рас». Афроцентристы, таким образом, стали разрабатывать так называемую компенсационную историю, преувеличивающую или придумывающую прошлую славу и достижения угнетенных⁸.

По их мнению, культурно релевантные учебные планы для детей из числа меньшинств должны признавать домашний и общинный диалект, который они приносят в школу. Шлезингер отмечает, что афроцентризм приводит к утверждениям, что поскольку только черные могут понять опыт черных, то только черные должны преподавать истории черных и их литературу. На этом фоне западная культура – это ведущий мировой источник расизма, империализма, сексизма и всего отвратительного. В итоге, заключает Шлезингер, афроцентризм означает еврофобию и сепаратизм, что не сулит ничего хорошего ни для американского образования, ни для будущего республики.

Ярким выражением сепаратистского импульса Шлезингер называет билингвизм (движение за двуязычие). Американский вариант билингвизма не предусматривал создание этно-национальной школы. Его цель – подготовка детей из неанглоговорящих семей к обучению в классах с использованием только английского языка.

В связи с ростом интереса к вопросам этничности и наплывом иммигрантов из испаноязычных стран Латинской Америки билингвизм получил дополнительный импульс. Но, как замечает Шлезингер, двуязычное обучение замедляет, а не ускоряет перемещение испаноязычных детей в «англоговорящий мир», способствует больше сегрегации и самогеттоизации, чем интеграции. По его мнению, использование неанглийского языка обрекает людей на гражданство второго сорта в американском обществе, «двуязычие закрывает двери». Наконец, для такой гетерогенной нации как американская - общий язык является необходимым залогом национального сплочения. Институционализированный билингвизм, наряду с афроцентризмом и культом этничности, заключает Шлезингер, один из источников фрагментации Америки⁹.

В целом Шлезингер оптимистичен относительно будущего республики. Он считает, что именно общая приверженность идеалам демократии и прав человека удерживала американский народ воедино в отсутствие общего этнического происхождения. Отступление от этих идеалов, от цели «единого народа» – приведёт к распаду национальной общности, апартеиду, балканизации, трайбализации.

Сам исследователь подчеркивает, что он не против мультикультурности. Проблема в том, как добиться в плюралистическом обществе сочетания разнообразия нации с должным акцентом на великих объединяющих идеалах Запада¹⁰.

Книга Шлезингера привлекла внимание и активизировала обсуждение затронутых проблем. Отклики по тональности были разнообразными. Консервативный политический обозреватель Х. Макдональд в журнале «Комментарии» (Commentary) опубликовала рецензию под названием «К Югославии?». Она полностью разделяет тезис Шлезингера о том, что современный культ этничности подвергает опасности основу американского эксперимента, американской идентичности угрожают мультикультурализм и афроцентризм. Макдональд уверена, что у западной цивилизации нет причин для чувства вины перед культурами, основанными на деспотизме, суеверии, трайбализме и фанатизме. Одно из наиболее пагубных последствий мультикультурализма, по её мнению, уничтожение лингвистического основания, необходимого для его обсуждения. Поскольку отвергается обращение к американскому «мы», остается – язык «нас» против чужих «них»¹¹.

Благожелательной была рецензия известного американского историка О. Грэхэма-мл. Автор подчеркнул неприемлемость попыток мультикультуралистов придать новую форму учебным программам, использования истории для повышения самооценки представителей

разных групп. Грэхэм считает политкорректность своего рода леволиберальной формой маккартизма, предназначенной для устрашения тех, кто будет защищать западную традицию. При этом он подчёркивает, что Шлезингер не обратил внимания на некоторые важные источники разъединения, в частности, на иммиграцию в «труднопереваримых размерах»¹².

Английский историк и теоретик литературы, эссеист Фрэнк Кермоуд в газете «Нью-Йорк таймс» откликнулся рецензией «Чья история – чушь?». Кермоуд отмечает, что исторически, а не политически, корректная история находится под угрозой со стороны «предубежденных этнических историков». Честная история, подчеркивает Кермоуд, не может рассматривать европейское происхождение американской культуры и Конституции как ядовитые и примириться с этническим мифотворчеством. Рецензент задается вопросом: «Может ли требование свободы слова рассматриваться евроцентристским и корыстным, могут ли существовать авторитарные ограничения на свободу слова»? Кермоуд приводит тезис из статьи историка, теоретика и практика образования Д. Равич - этническое многообразие должно сосуществовать с адаптированной Европеизмом, который является реальной основой американской культуры. По его мнению, нельзя допустить, чтобы язык, на котором передаются знания и опыт, быть ослаблены абсурдными эвфемизмами. Бескорыстное внимание к прошлому является необходимым условием как познавательной рациональности и национальной солидарности¹³.

Б. Гёбел (университет штата Монтана), критично оценивая работу Шлезингера, разделяет его обеспокоенность тем, как различные группы этнических меньшинств, феминисток влияют на учебные планы государственных школ, и в частности, считает ошибочными попытки сделать историю (как учебный предмет) релевантной к группам меньшинств. Вместе с тем, Гёбел называет «Разъединение Америки» примером «вызывающей рознь, антидемократической риторики, в которой Шлезингер обвиняет лидеров так называемого культа этничности», поскольку в книге нет уважения к плюрализму взглядов в американском обществе. По мнению Гёбела, Шлезингер не говорит о том, как можно различить ценные отличия и деструктивные, тенденциозно излагает историю испаноязычных и коренных американцев, которые не иммигрировали в США и не желали ассимиляции, которую автор книги оправдывает. Наконец, Гёбел подчеркивает, что так называемая контрреволюция против теории Америки как «единого народа», на деле – это стремление ученых-мультикультуралистов, феминисток излечить раны, которые действительно разъединяют Америку¹⁴.

Появление «Разъединения Америки» - одно из свидетельств озабоченности эволюцией этно-расовых проблем в американском обществе, судьбой национальной идентичности. Шлезингер верит в объединяющую силу демократических идеалов и считает, что эта сила не потеряла свою мощь. Необходимо сохранить узы сплоченности и, по этой логике, устранить факторы их подрывающие.

Принимая озабоченность автора неожиданными и неприемлемыми для него проявлениями мультикультурализма, политкорректности и афроцентризма, следует отметить, что некоторые положения, изложенные в книге, вызывают вопросы и сомнения. В частности, что двигало иммигрантами? Шлезингер не называет среди причин иммиграции экономические возможности страны. Тем более, что часть так называемых меньшинств долгое время не имела политических прав. Желали ли действительно все иммигранты ассимиляции?

Шлезингер считает угрозой для хрупкой национальной идентичности «заверения активных и шумных меньшинств (этнических, сексуальных, религиозных) о преимущественной преданности своим группам». Но для традиционно угнетённых групп без этого заверения, без политического единства и обращения, в частности, к этничности невозможно добиться перемен, компенсирования несправедливостей. Действительно ли, что «хрупкие узы», скрепляющие американское общество, деформируются из-за этнических групп? Можно ли сводить идентичность индивида к культуре и этничности? Следует отметить, что А. Шлезингер, в целом, убедителен при анализе исторических и политических аспектов проблемы национальной идентичности, но он, по сути, не предлагает путей и способов интеграции общества кроме упования на демократические идеалы.

Американское общество – специфично по своему составу, динамично изменяется. Сама постановка Шлезингером проблемы национальной идентичности и национального единства весьма симптоматична. Для него «Американское Кредо» - достаточно сильно, чтобы и далее соединять вместе американцев. Вместе с тем, на наш взгляд, расширение базы американской идентичности неизбежно, что, возможно, позволит избежать крайностей как этницизма, так и слепой приверженности традиционному канону.

Литература:

1. Тухватуллин Р.Р., Гарипов Р.Ф. Запад и «не-запад» в концепции С. Хантингтона // Государство и общество в Европе: проблемы становления и развития: сборник научных работ / Отв. ред. Р.К. Хабибуллин. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. С. 265-271.

2. Schlesinger, Jr. Arthur M., *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*, Whittle Books, 1991. 92 p. Schlesinger A. M., Jr. *The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society*. N.Y.; L.: Norton, 1992. 160 p. Revised/expanded edition W. W. Norton & Company, 1998. 192 p.

3. Schlesinger A. M., Jr. *The Disuniting of America. Reflections on a Multicultural Society*. N.Y.; L.: Norton, 1992. P. 25, 30.

4. Ibidem. P. 43.

5. Ibidem. P. 2, 44.

6. Ibidem. P. 68-69.

7. Ibidem. P. 127.

8. Ibidem. P. 69.

9. Ibidem. P. 85, 90.

10. Ibidem. P. 130.

11. MacDonald H. Toward Yugoslavia? URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/the-disuniting-of-america-by-arthur-m-schlesinger-jr/>

12. Graham O.L. How America has held together. URL: <http://www.thesocialcontract.com/pdf/one-four/Otis.pdf>

13. Kermode F. Whose History Is bunk? URL: <https://www.nytimes.com/books/00/11/26/specials/schlesinger-disuniting.html>

14. Goebel B. Diversity, Conformity, and Democracy: A Critique of Arthur M. Schlesinger's *The Disuniting of America: Reflections on a Multicultural Society*. URL: <http://mtprof.msun.edu/Win1992/goebrev.html>

©Р.Р.Тухватуллин, 2015.

Р.А. Хазиев, М.А. Хазиева
(БашГУ, БИФК, Уфа)

R.A. Khaziev, M.A. Khazieva
(Bashkir State University; Bashkir Institute of physical culture
Ufa, Russia)

«КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

"CREATIVE CLASS" OF MODERN RUSSIA IN THE CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

Аннотация: В статье анализируются попытки ряда исследователей рассмотреть роль креативного класса в современном обществе. Изучение

историографических источников, состоящих из резонансных периодических изданий, вышедших с 2007 г. по 2013 г., наглядно демонстрирует, как современные исследователи воспринимают креативный класс, являющийся носителем новых ценностей, но в то же время близким базовым культурным и политическим традициям России.

Abstract: This article examines the efforts of some researchers to review the role of the creative class in the formation of Russian new identity. Examination of materials gathered from a variety of sources - mainstream books and periodicals, 2007-2013 - demonstrates how contemporary researchers perceived the creative class: a representative of new culture, who was also very close to main Russia's cultural and political traditions.

Ключевые слова: Креативный класс, интеллектуалы, социальное творчество, историография.

Keywords: Creative class, intellectuals, social creativity, historiography.

Понятие «творческий класс» было введено в оборот в 2002 году американским социологом Ричардом Флоридой, разработавшим концепцию «креативного класса» – класса гуманитарно-технических интеллектуалов или «постиндустриальных людей», являющихся движущей силой современного экономического развития¹. При всей важности интеллектуальных ресурсов экономической рост обеспечивается не только наличием в обществе передовой социальной группы. Не менее значимым является создание для творческих людей высокотехнологичной среды обитания, способствующей рождению новых идей, которые и позволяют достигать ощутимых социально-экономических результатов.

В этой ситуации очень важно отделять зерна от плевел, ведь под маской творческих личностей зачастую скрываются имущие снобы, именно их, видимо, имел в виду патриарх Московский и всея Руси Кирилл, заявивший, что «в нашем обществе есть категория людей, которая пренебрежительно относится к народу, считая его не способным к творческой деятельности. Эти люди сами себе присвоили некое название “творческого класса”, или, используя иностранное слово, они сами себя называют “креативным классом”»². Такие черты, как амбициозность, индивидуализм, мобильность, присущие творческому человеку, не должны порождать представления, что речь идет о некой новой надобщественной силе. Прежде всего, творческие личности – это высокообразованный и эрудированный сегмент, выполняющий работу, от которой напрямую зависит социально-экономическое благосостояние общества.

«Креативный класс» как объект исследования в фокусе внимания российских ученых находится недавно. В данной публикации обратимся

к отдельным новейшим работам, авторы которых рассматривают различные аспекты этой проблемы.

Учитывая, что основной средой обитания «креативного класса» являются города (согласно Р. Флориде, именно в них наиболее полно раскрывается потенциал «креативного класса»), и, основываясь на полуформализованных интервью, взятых у «продвинутых» казанцев, И.Р. Ишмуратова фактически создала социальный портрет региональных антихипстеров, имеющих свои ценностные ориентиры в виде модных трендов, характерных для личностей, способных создавать, придумывать, изобретать³.

Фрагмент монографии философа О.Н. Яницкого⁴ посвящен анализу роста социальной активности дозревшего до выдвижения политических требований креативного «третьего сектора», который «накопил существенный профессиональный и социальный капитал, включая навыки самоорганизации и выстраивания социальных технологий для достижения своих целей»⁵. Е.А. Алтынцева, относящая к «креативному классу» студенчество и профессорско-преподавательский состав вузов, на примере преподавателей пермских вузов обращается к выяснению совокупного образа власти, существующего в бессознательном восприятии российских интеллектуалов⁶.

Ю.Г. Волков⁷, как, впрочем, и предыдущие авторы, даже не ставит под сомнение существование особой когорты – «креативного класса», который, по его убеждению, не только востребован современным укладом жизни, но и наделен гуманистической идеей, в которой находит свое социальное самовыражение, и тем самым приносит ощутимую пользу всему обществу. Согласно Ю.Г. Волкову, «креативный класс» – это интегральная группа «людей, которая независимо от социально-профессиональной деятельности и условий жизни ставит целью социальную самореализацию, исповедует идеи разумного общественного альтруизма и готова включиться в процесс социального созидания»⁸. За пределами пестуемой креативности остается, однако, такое понятие, как реальная деятельность, присущая любому, создающему материальные ценности и находящему нестандартные пути разрешения проблем, ведущие к созданию творчески нового.

«Креативный класс как новый гегемон», в понимании А.Н. Окары, является основным генератором «инноваций, как субъект воспроизводства человеческого капитала, как держатель культурного и информационного ресурсов»⁹. Правда, для российских условий автор вносит коррективы, считая, что «российский креативный класс всячески нуждается в расширении и институализации горизонтальных связей – как внутри сообщества, так и в отношениях с государством»¹⁰. Как тут не вспомнить хрестоматийное утверждение Чарльза Диккенса, который без

скидок на обстоятельства верно заметил: «Тот, кто занимается настоящим творчеством, должен заниматься им постоянно, находить в этом свое призвание».

В определенный диссонанс с последователями Р. Флориды входит В.В. Громько, достаточно аргументированно доказывающая шаткость использования таких категорий, как новая и креативная экономика, обрекающих на сегрегацию и дискриминацию всех тех, кто занят в так называемых «некреативных» отраслях экономики. По справедливому утверждению автора, такой подход изначально не позволяет объективно оценить вклад отдельных «некреативных» секторов экономики в общественный продукт и экономический рост¹¹.

По небесспорному утверждению О.В. Дьяченко, «носителем новых качеств, собственником средств производства и нематериальных ресурсов – предметов труда, становится “креативный класс” – класс, состоящий из людей, производящих ценности в процессе творческой деятельности»¹². Возникает вопрос, а как быть с теми, кто производит общественные ценности, и как определить, была ли их деятельность в процессе созидания творческой или нет.

А.А. Галкин, анализируя теорию среднего класса, «нарядившегося в российские одежды», в целом логично объясняет, почему средний класс из-за своей «арифметико-статистической» невыделяемости не может служить социальной базой для протестных движений в новейшей России, когда роль лидеров «всеобщего недовольства» заняли «политические игроки, отягощенные негативным грузом 90-х гг., либо самодовольные митинговые говоруны, не имеющие политического веса»¹³. В связи с этим А.А. Галкин скептически относится к появлению «креативного класса» – «еще одного квазитеоретического детища, призванного осмыслить и обосновать совокупность желательных преобразований»¹⁴.

Иного мнения придерживаются А.А. Степанов, М.В. Савина¹⁵, Н.Г. Шаламова, Э.В. Колосова¹⁶, фактически сводящие функции государства к созданию чуть ли не особых условий для развития «креативного класса», видя в нем фактически передовую движущую силу культурного, гуманистического, экологического, социально-экономического развития России.

В.В. Кочетков и Л.Н. Кочеткова, беря за основу теоретические рассуждения Р. Флориды, с философской точки зрения определяют роль и значение «креативного класса». По убеждению авторов, «креативный класс» не становится доминирующей силой, поскольку креативные профессионалы понимают, что они очень ценный ресурс новой экономики, но и не более того¹⁷.

Таким образом, российские ученые, даже не придя к единому мнению в определении «креативного класса», или целиком заимствуют

это понятие в трактовке Р. Флориды, или обозначают этим определением социальные группы, а также области экономики, попадающие в той или степени под данный новомодный термин. И лишь отдельные ученые ставят на обсуждение вопрос о некоей искусственности данного термина, претендующего на универсальную и предопределяющую инновационный прорыв силу.

Литература:

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007. С. 10, 23-24.
2. <http://www.newsru.com/religy/22dec2013/kirill.html>
3. Ишмуратова И.Р. «Жизнь как чудо», или жизненные проекты креативного класса России (на примере г. Казани) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 7. С. 49-56.
4. Яницкий О.Н. «Новый средний класс» – это кто? // Власть. 2013. № 12. С. 199-202.
5. Там же.
6. Алтынцева Е.А. Визуальные представления российских интеллектуалов о власти // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 1. С. 103-108.
7. Волков Ю.Г. Гуманистическая миссия креативного класса // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 3-20.
8. Там же. С. 15.
9. Окара А.Н. Милитократия Vs. креатократия: выбор модели модернизации в современной России как социально-философская проблема // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2009. № 4. С. 256.
10. Там же. С. 258.
11. Громыко В.В. Новая экономика, креативная экономика и прочие понятийные инновации в экономической теории // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 3. С. 28-36.
12. Дьяченко О.В. Особенности инновационно-креативной экономики в условиях постиндустриализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 10. С. 16.
13. Галкин А.А. Российское общество 2013: структура общественных настроений и динамика массового поведения // Власть. 2013. № 3. С. 6.
14. Там же. С. 14.
15. Степанов А.А., Савина М.В. Система регулирующего воздействия государства как инструмент формирования и развития эффективного креативного класса в инновационной экономике // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 38 (февраль). 9 с.

16. Шаламова Н.Г., Колосова Э.В. Создание условий для формирования креативного класса как основа успешного развития инновационной деятельности в России // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 11-1. С. 249-252.

17. Кочетков В.В., Кочеткова Л.Н. Этнос креативности и статус инженера в постиндустриальном обществе: социально-философский анализ // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 3-12.

© Хазиев Р.А., Хазиева М.А., 2015.

Р.Ф. Гарипов, Р.Р. Тухватуллин

(Башкирская Академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан; БашГУ, Уфа)

R.F. Garipov, R.R. Tukhvatullin

(Bashkir Academy of Public Service and Administration at the head of the Republic of Bashkortostan; Bashkir State University, Ufa, Russia)

ПЕРВИЧНЫЕ ВЫБОРЫ (ПРАЙМЕРИЗ) КАК СРЕДСТВО ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ США

PRIMARIES AS THE WAY TO DEMOCRATIZE THE US ELECTORAL SYSTEM

Аннотация. Статья посвящена формированию института первичных выборов в США. В начале XX в. он стал одним из важных способов избавиться от влияния партийных боссов на процесс выборов и демократизировать всю избирательную систему США.

Abstract. The article devoted to the U.S. primaries institute' formation. At the early of the XX century it became the important mean to deliver from bossism and democratize the U.S. electoral system.

Ключевые слова: первичные выборы, избирательная система США, боссизм, «система добычи», государственная служба.

Keywords: primaries, the U.S. electoral system, bossism, «spoils system», public administration.

К концу XIX – началу XX вв. партийно-политическая система США была крайне коррумпированной, недемократичной и всецело находилась под контролем крупного бизнеса. После беспринципного компромисса 1877 г. была восстановлена в полном объеме двухпартийная система «республиканцы - демократы». Республиканцы выторговали

президентское кресло у демократов, победивших на выборах 1876 г., взамен прекратив режим военной оккупации южных штатов.

В последней четверти XIX в. президентами США обычно становились бесцветные, невыразительные политики, малоизвестные даже в своей партии (т.н. «темные лошадки»). Их кандидатуры были компромиссными в процессе внутрипартийной борьбы. Поэтому они становились марионетками в руках выдвинувших их партийных боссов. К тому же их легко было подать в любом выгодном для избирателей образе, т.к. истинные их заслуги и достоинства были неизвестны.

В этот период республиканская и демократическая партии почти ничем не отличались друг от друга. Обе они находились под полным контролем финансово-промышленных магнатов, выступали за максимальное невмешательство государства в социально-экономические отношения, откровенно враждебно относились к растущему рабочему и антимонополистическому движениям. Не случайно видный прогрессивный сенатор начала XX в. Р.Петтигру иронично писал, что республиканская и демократическая партии «похожи, как две горошины из одного стручка»¹.

Правда, обе партии вели жаркие споры по малозначительным вопросам о размере таможенных тарифов, о золотых и серебряных деньгах, при этом избегая обсуждения ключевых общественных проблем. Будущий президент США В.Вильсон точно охарактеризовал беспредметность этих «дуэлей»: «Нет лидеров – нет принципов, нет принципов – нет партий»².

Подлинными же руководителями политических процессов в США в это время были могущественные боссы партийных организаций отдельных штатов, по американской терминологии, «делатели президентов». Именно они были проводниками пожеланий крупных компаний, получали от них деньги на выборы, выдвигали кандидатов в президенты и конгрессмены, формулировали для них задачи, подбирали кадры для замещения различных государственных должностей. Рядовые партийные функционеры за верную службу получали по протекции своих боссов «теплые местечки» на государственной службе, беспрекословно выполняли все их указания, регулярно отчисляли деньги в партийную кассу. Даже возник обычай назначения после выборов подавляющего большинства федеральных, штатных и муниципальных чиновников победившей партией по принципу «Победитель забирает все» («система добычи»).

Многие государственные учреждения превратились в опорные пункты деятельности партийных боссов (например, таможни Нью-Йорка, Детройта). В отличие от президентов и губернаторов, боссы не избирались и не сменялись. Часто они даже назначали своих преемников.

Сами же боссы обычно заседали в сенате США, который превратился в палату боссов. Именно сенаторы утверждали (или отклоняли) предложенных президентом кандидатов на должности верховных судей, министров, послов и других федеральных должностных лиц. Очень часто после победы на выборах президенты США обнаруживали, что без их ведома и участия партийные боссы заранее уже подобрали кандидатов на все государственные посты. За счет распродажи федеральных и штатных должностей боссы-сенаторы сколачивали огромные состояния. Сенат США открыто называли «клубом миллионеров».

Сильное возмущение сложившимися политическими порядками, злоупотреблениями трестов, откровенной службой всего государственного аппарата их интересам, коррупцией охватило почти все американское общество. В конце XIX – начале XX вв. в США возникло мощное прогрессистское движение, объединившее в своих рядах самые широкие слои – от рабочих и фермеров до интеллигенции, мелких и средних предпринимателей.

Прогрессисты считали, что искоренить боссизм и «систему добычи», демократизировать политическую систему и государственный аппарат США можно с помощью реформы государственной службы, внедрения института первичных выборов (primaries) на всех уровнях и прямых выборов в сенат. Эти лозунги вскоре приобрели широкую популярность. В 1883 г. под давлением прогрессистов конгресс США принял закон Пендлтона. Часть федеральных должностей теперь должна была замещаться на основе конкурсных экзаменов. Однако вскоре выяснилось, что боссы вовсе не собирались отказываться от «системы добычи». Увеличилось число чиновников, назначенных на конкурсной основе, но одновременно резко стало расти и количество государственных служащих из сторонников победившей на очередных выборах партии. Они оставались на своих местах до выигрыша своих политических соперников.

Вскоре выяснилась также и неэффективность конкурсных экзаменов. Партийные боссы добились предельного упрощения тестовых заданий. Так, от соискателя федеральной должности требовалось назвать 15 штатов и 15 городов США, уметь умножать и делить простые дроби, различать существительные, прилагательные и глаголы, иметь элементарные представления об американской истории. Фактически это был уровень начальной школы, а для ставленника босса это не могло быть препятствием. Для изменения сложившихся политических порядков этого оказалось недостаточно³.

После этого усилился общественный интерес к теме первичных выборов (праймериз) как к средству демократизации всей политической жизни США. Предполагалось, что с их помощью не партийные боссы и

их аппарат на партийных совещаниях и съездах (в основном, в процессе закулисных переговоров и сделок), а сами избиратели по своей воле будут выдвигать разных претендентов на выборные должности, определять их популярность и отбирать из них наиболее сильных и перспективных. Первые праймериз были проведены демократической партией в 1842 г. в штате Пенсильвания, а республиканцы опробовали их в 1867 г.

Однако широкое распространение праймериз получили в «Прогрессивную эру». В 1903 г. прогрессисты в Висконсине добились принятия закона о выдвижении кандидатов не на партийных съездах, а на первичных выборах. В 1903-1908 гг. 31 штат принял законы, введившие прямое выдвижение кандидатов самими избирателями (обязательные праймериз)⁴. К 1915 г. подобные законы были утверждены в большинстве штатов, а к 1927 г. – во всех штатах, кроме Коннектикута⁵. Таким образом, проведение праймериз стало регулироваться не на федеральном, а на штатном уровне. Однако впоследствии ряд штатов отказался от обязательного проведения первичных выборов, однако они проводились по-прежнему из-за популярности этого института среди избирателей.

Особое значение имеют президентские праймериз, являющиеся начальным этапом президентской предвыборной кампании. Обычно они проходят в феврале - июне года президентских выборов. Результаты первичных выборов не имеют силы закона, тем не менее, они играют огромную роль в избирательном процессе США.

Наиболее распространенными являются прямые праймериз. Они могут быть закрытыми или открытыми. В первом случае, принятом в большинстве штатов, в праймериз принимают участие только избиратели, принадлежащие к определенной партии. Во втором случае от избирателя не требуется строгого определения своей партийной принадлежности. Тогда он после получения бюллетеней со списками всех партий может голосовать за кандидатов той партии, которой он отдает предпочтение. При этом на самих выборах он может изменить свои политические симпатии в пользу другой партии.

В ряде северных штатов существует традиция поддерживать кандидата, набравшего простое арифметическое большинство голосов. Во многих южных штатах оценивают разрыв набранных голосов между победителем и его ближайшими конкурентами. Появление в избирательной системе США института первичных выборов было обязано массовым демократическим движениям начала XX в. Затем постепенно под давлением общественных движений были проведены и многие другие демократические изменения. Все это позволило расширить избирательную базу, усилить активность граждан на выборах, в

очередной раз укрепить их веру в демократичный характер американского общества. В целом же политическая система США, в т.ч. и двухпартийная система, неоднократно успешно демонстрировала способность откликаться на наиболее важные запросы общества, нейтрализовать критические настроения различных слоев, интегрировать их в рамки имеющихся институтов и поддерживать социальную стабильность.

В России институт первичных выборов, как и многие другие, был заимствован из американского опыта. Впервые он опробован летом 2007 г. правящей партией «Единая Россия» в преддверии предстоящих выборов в Государственную Думу. Однако многие политологи заявляли, что указанные процедуры внутрипартийного голосования по своей сути не являются праймериз. Дело в том, что на американских первичных выборах популярность кандидатов от какой-либо партии определяется не самими членами партии внутри ее структур, а все же избирателями, пусть даже и поддерживающими ее на выборах. Избиратель, в отличие от члена партийной организации, а тем более от делегата конференции или съезда, жестко не связан партийной дисциплиной, не обязан голосовать только за кандидатов этой партии, поэтому может на выборах изменить свое мнение, подав голос за ее оппонентов.

В ноябре 2009 г. на XI съезде «Единой России» норма об обязательном проведении предварительных выборов кандидатов внутри самой партии, т.е. выдвижении кандидатов на выборы на основе предварительного внутрипартийного голосования, была внесена в Устав партии. Согласно этой норме, предварительные выборы начинаются за 2 месяца и заканчиваются за 1 месяц до официального выдвижения кандидатов.

В июне 2011 г. инициативу «Единой России» о первичных выборах поддержал Общероссийский Народный фронт. Его региональные координационные советы вносят предложения по кандидатам, затем проводится тайное голосование и по его результатам составляется партийный список, выдвигаемый на думские выборы.

Среди других политических партий России данный институт, безусловно, демократического содержания пока еще не получил распространения. Однако такие первичные выборы в нашей стране называть праймериз все же будет неточно по смыслу. Скорее, это внутрипартийное рейтинговое голосование, как его и называют многие политологи. К тому же у нас сам этот термин непонятен широким слоям избирателей, и так вынужденным с трудом разбираться в нагромождении множества заимствованных англицизмов, внедряемых в наш лексикон без особой нужды.

Литература:

1. Петтигрю Р. Торжествующая плутократия. М., 1922. С. 237.
2. Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. N.Y., 1948. P. 169.
3. White L.D. The Republican Era: 1869-1901. A Study in Administrative History. N.Y., 1958. P.348.
4. Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 310.
5. Словарь американской истории: с колониальных времен до первой мировой войны / Под ред. акад. А.А.Фурсенко. СПб., 1997. С.482.

© Гарипов Р.Ф., Тухватуллин Р.Р., 2015.

Г.М.Крюкова
(БашГУ, Уфа)

G. M. Kryukova
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ЭВАКУАЦИЯ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОК СТРАНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И СБОРНИКАХ ДОКУМЕНТОВ 1990-Х – 2000-Х ГГ.

EVACUATION OF CHILDREN IN YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR TO THE EAST OF THE COUNTRY IN THE DOMESTIC REGIONAL LITERATURE AND COLLECTIONS OF DOCUMENTS OF THE 1990 – 2000-IES.

Аннотация. В данной статье рассматривается историография проблемы эвакуации детей из оккупированных, в период Великой Отечественной войны, территорий вглубь страны, в том числе на территорию БАССР.

Abstract. In this article the historiography of a problem of evacuation of children from occupied, in the period of the Great Patriotic War, territories in far inland, including on the territory of BASSR is considered.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дети, эвакуация, историография.

Keywords: Great Patriotic War, children, evacuation, historiography.

На сегодняшний день у историков, занимающихся изучением Великой Отечественной войны, не сформировался единый подход в периодизации историографических этапов данной проблемы. В советской

историографии вопрос эвакуации детей из оккупированных территорий не стал предметом специального рассмотрения. Данная тема была представлена в рамках историографии военного детства в целом. Более того, советская идеология задавала патриотический тон и при выборе изучаемых направлений исследователи отдавали предпочтение героизму детей как на периферии, так и в тылу. Вопросы детства рассматривались в контексте борьбы всего советского народа против фашистских агрессоров.

В данной статье будут рассматриваться сборники документов и научные исследования, затрагивающие проблемы эвакуации детей в годы Великой Отечественной войны, вышедшие в период с 1990-х гг. и по настоящее время.

В 1995 г. публикуется сборник документов «Башкирия в годы Великой Отечественной войны», в котором имеется ценная информация об эвакуированных детях. Так из сообщения Совнаркома БАССР от 19 июля 1941 г. по размещению эвакуированных детей в Макаровском районе становится понятно, что даже в самом начале войны республика смогла мобилизовать ресурсы и подготовиться к приему эвакуированного населения. Эшелон с эвакуированными детьми принят 16 июля 1941 г. Утром того же числа дети размещены по колхозам района. Размещение в основном произведено по квартирам колхозников за счет уплотнения их и в отдельных свободных домах, которые были заняты местными жителями; только в одном случае занята школа, но для них готовятся помещения, чтобы переселить детей из школы, когда будет нужно. Людей принято по данным начальника эшелона 1700 вместо плановых 1500. Так, к примеру, в Зилаирском районе БАССР ...Всего принято 977 душ, из них 453 человека взрослых и 524 детей. Из общего числа населения в райцентре разместили 316 душ, в том числе 2 детсада – 180 ребят устроены в 2-х помещениях, помещения отведены хорошие и просторные¹. На территорию Башкирской АССР за годы войны прибывали эвакуированные из Москвы и Московской области, из Ленинграда, Ростовской, Смоленской, Воронежской областей, из Белорусской, Украинской, Молдавской и других союзных республик.

В 2000 г. М.А. Бикмеев издает монографию «Башкортостан в годы Второй мировой войны 1939-1945»². Автор, в четырех из шести глав своего труда описывает значение Башкирской АССР в Великой Отечественной войне, трудовой подвиг народов республики, состояние народного хозяйства в военные годы. Однако деятельность детей БАССР периода войны Великой Отечественной войны не получила должного рассмотрения.

В 2010 году издан сборник документов и материалов «На братской земле Башкортостана» (Из истории эвакуации в годы Великой

Отечественной войны 1941-1945 гг.)³. Научно-археографическое издание, составителями которого являются Бурангулова З.Ю., Григоренко Л.Ф., Нугаева Ф.Г. посвящено эвакуации на территорию Башкортостана учреждений, организаций, предприятий и населения. Тематически его органично дополняет другой сборник документов, редактором которого была Р.Н. Сулейманова⁴.

Из отчета дошкольного отдела Наркомата просвещения БАССР в Наркомпрос РСФСР за 1941 г. можно узнать, что с июня по октябрь 1941 г. в Башкирию прибыло 20 эвакуированных детских садов, «с количеством детей 1483»⁵. К апрелю 1942 г. в Башкирскую АССР: детдомов – 5 (789 детей), детсадов – 21 (1907 детей), детский интернатов – 7 (654 детей)⁶.

В постсоветский период диапазон исследований ориентированный на детское население расширяется, несмотря на это тема эвакуации детей из оккупированных территорий вглубь страны, по-прежнему остается малоизученной. В настоящее время в различных трудах данный вопрос зачастую представлен в виде статистических данных. Тем не менее, появляются работы российских историков, педагогов и психологов, рассматривающих проблемы эвакуации в своих исследованиях. Данный факт подчеркивает актуальность изучаемой темы и целесообразность её дальнейшего детального рассмотрения. Так, например, Потёмкина М.Н. в статье «Психологический аспект эвакуации в годы Великой Отечественной войны»⁷ характеризует эвакуацию как стрессогенный фактор.

Трудность принятия решения об эвакуации диктовалась несколькими факторами. Это и стремительное наступление немецких войск в начале войны, и отсутствие заранее продуманных планов эвакуации, и острая нехватка транспортных средств, и надежда, что скоро враг будет остановлен, а оккупация продлится совсем недолго; и сомнения в том, что гитлеровский режим представляет смертельную угрозу для жизни советских людей. Несовпадение представлений о будущей войне с реальными событиями привело, в частности, к психологическим сложностям эвакуации. Зачастую люди никак не хотели верить в вероятность прихода фашистов. «Ленинградцы, несмотря на разъяснение опасности положения, не допускали и мысли о возможности подхода врага к стенам их города и не стремились эвакуироваться из него». Отсутствие полной и правдивой информации, приводимой в сводках Совинформбюро, также способствовало росту чувства неуверенности и беспокойства у людей. Одни воспринимали переезд, как неизбежность, другие боялись оставить свои родные места, родных⁸.

Емелин С.М. в статье «Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)»

дает оценку последствий войны, объясняя появление детской беспризорности военным временем и безнадзорностью со стороны взрослых, вынужденных уйти на фронт. Правительством были закрыты или эвакуированы многие образовательные учреждения. Следует отметить, что и стремительная эвакуация не способствовала стабилизации данной социально-демографической группы. Удельный вес движения беспризорных и безнадзорных детей на Южном Урале в 1941 г. колебался от 5,56 до 8,66% общесоюзного уровня. Рост и снижение данных показателей напрямую зависели от таких процессов, как эвакуация промышленных предприятий и оборудования в Уральский регион, мобилизация населения на фронт и, следовательно, связанная с ними миграция населения. Наибольшее число детей данной категории среди регионов Южного Урала наблюдается в Башкирской АССР, что в немалой степени связано как с уже указанными причинами, так и с тем, что на территории республики были более благоприятные условия для размещения детей, что принималось во внимание при решении вопросов их распределения по регионам⁹.

Если в Башкирии хоть как-то справлялись с распределением эвакуированного населения, то в целом по стране ситуация имела иной характер. Эшелоны с детьми, порою, приходили неожиданно, и детей встречали на вокзалах представители эвакуационных пунктов, районо, работники райкомов партии. Они обходили вагоны, помогали устраивать больных, доставляли сухой паек, свечи, медикаменты. В любой час после прихода поезда дети обеспечивались кипятком и горячей пищей. У перрона стояли запряженные сани, повозки, дровни, чтобы развозить детей по колхозам. Иногда возникали трудности при размещении эвакуированных детей. В некоторых районах подготовленность к прибытию детей оставляла желать лучшего: не было мест для распределения детей, были перебои с поставкой питания. В 1942 году по решению Главного управления милиции для размещения детей, прибывших с оккупированных территорий, в ряде крупных городов создавались детские комнаты (с 1944 г. - детские комнаты милиции), которые принимали и распределяли прибывших эвакуированных детей и местных безнадзорных и беспризорных детей¹⁰.

Снабжение товарами эвакуированных семей комсостава находилось в ведении Башвоенторга, обслуживание которых производилось посредством розничной сети и сети общественного питания. Обслуживаются питанием 2 детских сада для эвакуированных детей комсостава – по Благовещенскому филиалу на 100 детей, по Бирскому – на 200 [детей]¹¹. В 1941 году с захваченных врагом территорий было эвакуировано в тыл страны более 800 детских учреждений с 90 тыс. воспитанниками. Значительная часть детских

учреждений эвакуировалась на Урал, где численность воспитанников детских домов увеличилась примерно в 2-3 раза. Спешно открывались новые детские дома. С 1941 по 1945 гг. число детских домов по РСФСР выросло на 125 %, на 104 % увеличилось количество воспитанников в них¹².

Научные изыскания современных историков выводят историографию на новый уровень. Появляются публикации, в частности Хазиева Р.А, в которых анализируются труды зарубежных историков, посвященные детям военного лихолетья¹³, а также вклад женщин-ученых в освещение различных вопросов, касающихся как нашей темы, так и других периода Великой Отечественной войны¹⁴.

Подводя итоги отметим, что задачи по эвакуации детей, поставленные Советским государством как в целом по стране, так и на территории Башкирской АССР в частности, были выполнены. Проанализировав литературу, посвященную эвакуации детей из оккупированных районов страны на территорию Башкирской АССР, важно отметить, что данная тема не стала предметом специальных исследований и требует тщательного изучения.

Литература:

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сб. док. и материалов / Составители: Т.Х. Ахмадиев, Г.Д. Иргалин, Н.П. Каменев, Г.Р. Мухаметдинов. Уфа: Китап. 1995. С. 271, 277
2. Бикмеев М.А. Башкортостан в годы второй мировой войны 1939 – 1945. Уфа: БГПУ, 2000. 352 с.
3. На братской земле Башкортостана (Из истории эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.): сбор. док. и материалов / Составители З.Ю. Бурангулова, Л.Ф. Григоренко, Ф.Г. Нугаева. Уфа : Китап. 2010. 184 с.
4. Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945-1964 годах: на примере Башкирской АССР: сбор. док. и материалов / Ответ. редактор Р.Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2014. 480 с.
5. Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сбор. док. и материалов. Уфа, 1995. С. 211-212.
6. На братской земле Башкортостана (Из истории эвакуации в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) : сбор. док. и материалов. Уфа, 2010. С. 102.
7. Потёмкина М.Н. Психологический аспект эвакуации в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. С. 58-61.
8. Там же. С. 58.

9. Емелин С.М. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 2. URL: <http://juvenjust.org/index.php?showtopic=1443>

10. Там же.

11. Башкирия в годы Великой Отечественной войны: сбор. док. и материалов. Уфа, 1995. С. 290.

12. Варехина А.Н. Детские дома на Урале в годы великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 33.

13. Хазиев Р.А. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: некоторые аспекты новейшей англоязычной историографии // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов: Сб. статей. Казань, 2015. С. 113-115.

14. Хазиев Р.А. Великая Отечественная война: женщины-ученые в российской историографии XXI века // Труды института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Уфа, 2015. Вып. VI. С. 225-235.

© Крюкова М.Г., 2015.

Е.А.Круглов
(БашГУ, Уфа)

E. A. Kruglov
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ГРЕЧЕСКИЕ СЫНЫ РОССИИ

THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE GREEK SONS OF RUSSIA

Аннотация. Статья посвящена как вкладу 10 Героев Советского Союза – греков России – в битвах против фашизма, так и обстоятельствам депортации их сородичей на Восток в 1944-56 гг.

Abstract. The article is devoted both to the contribution by the ten Hero of the Soviet Union – Russian Greeks – in the battles against fascism, and to the circumstances of the deportation their relatives to the East in 1944-1956.

Ключевые слова: российские (советские) греки, фашизм, летчик, генерал, депортация.

Keywords: Russian (soviet) Greeks, fascism, pilot, general, deportation.

Тема участия греков России (тогда - СССР) и их несомненного героизма в боях 1941-45 гг. очень непроста для анализа по целому ряду обстоятельств. Во-первых, донныне нет полных данных – едва ли появятся – об этнической составляющей личного состава частей и соединений Вооруженных сил СССР в указанный период его истории. Если в годы Отечественной войны 1812-1814 гг. такие данные по итогам переписи регулярно публиковались, а в рядах российской армии были этнические подразделения, пусть небольшие, но компактные, чей вклад зафиксировали военные документы и последующие исследования историков¹, а в Крымской войне середины XIX в. еще также можно было отследить действие отдельных последних этномассивов в армии Российской державы, то уже на рубеже XIX-XX в. унификация процессов в стране по итогам реформ 60-70 гг. XIX века практически стала сводить на нет и этническую составляющую армии. Тем более, это стало очевидным в годы советской власти: при курсе на создание СССР и единого «советского народа» на просторах страны Советов фиксация этнической составляющей в рядах тогда еще Красной армии не соответствовала ни Конституции, ни духу времени.

В этих условиях и учет призывников в ряды Красной армии 1939-40 гг., и их мобилизация на фронт в 1941г. по признаку нации, как это было в XIX веке, уже не велся. Поэтому очень непросто сказать, какое количество военнообязанных греков юга России, Украины, Северного Кавказа и западной Грузии – мест компактного проживания понтийцев – было мобилизовано в начале и ходе войны, а самое главное, как справедливо это отмечал еще в конце XX в. Ф.Х. Кессиди², какое количество мобилизованных было отправлено в «рабочие батальоны» по негласному приказу от 1940 г. за подписью И.В. Сталина. Согласно этому документу, откладывался «до особого распоряжения» призыв в Красную Армию представителей ряда национальных меньшинств, как сейчас бы сказали, «некоренного происхождения», а именно - корейцев, греков, болгар, немцев, ассирийцев и т.п. Как правило, людей указанных национальностей мобилизовали для отправки в «рабочие батальоны», каковые с 1943 г. чаще всего были заняты на строительстве в системе ГУЛАГ гидроэлектростанций юга России. Таким образом большая часть греков – понтийцев, даже мобилизованная в ряды РККА, оказывалась вне боев с фашистами. Второе обстоятельство, затрудняющее объективную оценку вклада греков в победу над врагом, во многом связано с вышеуказанным и как бы следует из него. Речь идет об опять же негласной установке на ассимиляцию «некоренных» этносов, согласно каковой ЗАГСам страны Советов было настоятельно рекомендовано уже с середины 30-х годов детей от смешанных браков греков с русскими или украинцами

регистрировать исключительно в пользу «коренной» национальности. Как иллюстрацию результатов этого курса приведем данные официальных справочников и энциклопедий: русскими в них числятся генерал армии, начальник штаба II Белорусского фронта и Герой Советского Союза В. Я. Колпакчи (1899-1961), а также академик-физик, лауреат Сталинской премии 1942 г. в области радиофизики Н.Д. Папалекси (1880-1947)³. Равным образом, по графе «русские» проходят в энциклопедиях советской поры контр-адмирал флота и дважды герой СССР полярник И.Д. Папанин (1894-1986), а также летчик-испытатель новых моделей истребителей, генерал-майор и тоже дважды Герой СССР В.К. Коккинаки (1904-1985)⁴. У обоих отцы были греки, у полярника - из Севастополя, у испытателя - из Новороссийска, но по материнской линии (точнее, по установке Самого...) стали «русскими», т.к. в известных условиях 30-х годов, дабы уберечь детей от непредсказуемых мер властей по части «инородцев», немало понтийцев в интернациональных семьях записывали детей в «пользу коренной нации»⁵. Так и появились греческие сыны России Папанин и Колпакчи, Папалекси и Коккинаки...

Лишь немногие понтийцы тех лет отваживались в паспортах сохранять фиксацию истинного происхождения. В числе таких исключений укажем двух любимцев Вождя: это бригадир 1-ой женской тракторной бригады из-под Мариуполя 1933 года Прасковья (Паша) Ангелина (1912-1959 гг.), дважды удостоенная звания Герой Социалистического труда⁶, и ее земляк Г.Я. Бахчиванджи, отважный летчик-испытатель первых отечественных самолетов с турбореактивным двигателем на жидком топливе. Сбив летом 1941 г. 10 самолетов врага, в 1943 г. при очередном испытании новой модели капитан авиации - «мариупольский Икар» - погиб, и звание Героя получил посмертно⁷.

Но, думается, свой главный подвиг Ангелина и Бахчиванджи совершили именно в конце 30-х, когда своим примером смогли заступиться перед «самим» за земляков – греков мариупольщины, почему тем и не довелось испить по полной «чаши» депортации.

Другим повезло меньше – и в тылу, и на фронтах 1941-1945 гг. В последнем случае, как показывают изыскания А.Н. Коцониса⁸ в Институте военной истории МО России, на начало XXI века им было выявлено 10 греков-героев СССР. Однако, почти половина из них по вышеуказанным причинам в наградных листах проходила по другим, не греческим, национальностям. Вот эти данные (помимо вышеуказанных деятелей науки, авиации и флота):

Зубалов Феофил Андреевич – гвардии капитан 37 армии Степного фронта, Герой Советского Союза за форсирование Днепра под Кременчугом в октябре 1943 г.

Мурза Степан Федорович – полковник 47 армии того же фронта, получивший как и Зубалов, звание Героя за форсирование Днепра под Черкасском в октябре 1943 г.

Котанов Федор Евгеньевич - полковник отдельного 384 – го Николаевского десантного батальона, получивший звание Героя за прорыв обороны врага в дельте Дуная в апреле 1944 г.

Тахтаров Илья Федорович - капитан 51 армии IV Украинского фронта, Герой Советского Союза за освобождение Севастополя в апреле 1944 г.

Талах Константин Яковлевич - младший сержант 2-ой гвардейской армии IV Украинского фронта. Подобно И.Ф. Тахтарову, успешно воевал с оккупантами Крыма и звание Героя был удостоен за освобождение Армянска и Мелитополя в апреле 1944 г.

Хаджиев Константин Ильич – старший лейтенант 51 армии IV Украинского фронта, Герой Советского Союза за участие в освобождении северных районов Севастополя в мае 1944 г.⁹

Целио Георгий Кузьмич – майор штурмового батальона 47 армии I Белорусского фронта. Погиб в штыковой атаке на врага в апреле 1945 г. под Бранденбургом на Одере и звание Героя присвоено посмертно в мае 1945 г.

Мурза Илья Митрофанович – подполковник 70 армии II Белорусского фронта, удостоен звания Героя за апрельское форсирование Одера южнее Шварц Катце в июне 1945 г.

Коккинаки Константин Константинович - полковник авиации и младший брат генерал-майора В.К. Коккинаки. В 1939-40 гг. в небе Китая сбил 7 японских самолетов. Осенью 1941 г. в составе 401 истребительского авиаполка Западного фронта сбил еще лично 3 и в группе – 4 немецких самолета, после чего был с братом отозван с фронта для проведения испытаний новых моделей самолетов, получив звание Героя Советского Союза в 1964 г.¹⁰

Приводимые в исследованиях А.Н. Коцониса фотокопии наградных листов с отчетливостью свидетельствуют, что в графе «национальность» у ряда понтийцев вместо ожидаемой записи «грек» отмечалось иное: К.Я. Талах и С.Ф. Мурза - украинцы, К.И. Хаджиев – грузин, а Г.К. Целио – русский ... О причинах подобной «кореннизации» уже говорилось ранее. Не стал искушать судьбу и будущий четырежды Герой Советского Союза маршал Г.К. Жуков, знавший о греческих корнях своего деда–кузнеца Калужской губернии¹¹, но в условиях очевидной русификации «инородцев» еще со времен Гражданской войны и Халкин Гола писавший о себе в графе национальность «русский». Тем более, что в условиях войны 1941-1945 гг. все архивные записи детских

домов и церковных метрик Калужской области погибли в огне боев и пожаров.

Не все понтийцы, однако, проявили подобную «гибкость». Тот же Г.К. Жуков, обучаясь в Академии им. М.В. Фрунзе, слушал в свое время в ее стенах глубокие лекции заместителя начальника штаба РККА и одного из ведущих военных теоретиков грека В.К. Триандафилова (1894-1931). Последний еще в годы I Мировой войны отличился в боях с врагами России, став кавалером пяти наград Отечества¹², а в предвоенное время выпустил для слушателей Академии им. Фрунзе ряд глубоких работ по фундаментальным проблемам военного строительства¹³. Автор этих работ, на которых выростали Жуков и Мерецков, Говоров и Василевский, не считал нужным скрывать свое «некоренное» греческое происхождение.

Как не старался его скрывать в годы Великой Отечественной войны и еще один понтийский грек, уроженец Крыма Василий Дмитриевич Фисатиди (1921- 1984).

Проходя службу в 69-й отдельной разведроты Краснознаменной Сибирской стрелковой дивизии, Василий Дмитриевич за годы войны захватил 156(!) «языков» из солдат и офицеров германского вермахта. По неписаным наградным нормативам трофеев войны, этому списку «языков» вполне соответствовало высокое звание Героя Союза, но по причине графы «национальность» и из-за сосланных уже в конце войны в Казахстан родственников-греков из Крыма подполковник В.Д.Фисатиди этого звания так и не получил. Грудь разведчика-героя к концу боев с фашистами украшали ордена Отечественной войны, Александра Невского, Красного знамени, шесть медалей и... «путевка» к депортированным родичам в казахстанский город Кентау, куда он прибыл в 1951¹⁴ году. Там, а также в других городах и весях СССР от Перми на севере до Казахстана на юге, уже ряд лет находились депортанты юга России, под предлогом о якобы имевшихся в 1942-44 гг. фактах коллаборационизма крымских армян, болгар и греков с оккупантами, высланные по спецпостановлению ГКО № 5859 СС, от 2/6-1944 г. в ряд районов Урала и востока СССР. Сюда же теперь, после боев 1944 г. и освобождения Крыма, отправлялись снятые с фронтов войны их земляки-греки, экс-фронтвики-орденоносцы: 465 рядовых, 86 сержантов, 8 офицеров – несостоявшихся волею рока Героев Отечества. И среди них - В.Д. Фисатиди, размышлявший в годы депортации о странностях судеб греков как в России, так на Балканах - на исторической родине.

Вести же с Балкан в среде греков юга России распространялись гораздо оперативнее сводок Совинформбюро. Поэтому, не зная, естественно, деталей боев, общую же картину битв, партизан и других патриотов Греции против итало-германских оккупантов греки СССР

представляли вполне неплохо. Во всяком случае, едва ли хуже нашей официальной историографии 60-80-х гг. XX века¹⁵.

Знали, в частности, о том, как 28 октября 1940 г., даже не предупредив союзную Германию, фашисты Италии напали на Грецию, имея четырехкратное превосходство сил и рассчитывая на скорый и безусловный успех. Лишь крайне малочисленная группа итальянских интеллигентов во главе с Антонио Грамши, протестуя против политики «великого скрипача» Муссолини, начала с ним интеллектуально-кабинетную борьбу, тогда как многомиллионная масса итальянцев – повсеместно скандировала по городам и весям Апеннин: «Вива Дуче дель пополе Италияно!..». Но многотысячный митинг эллинов на Акрополе, как и в 148-146 гг. до н.э., ответил на вызов Италии однозначно: «Охи!» (Нет!). Этот день и это решение народа стали отправной точкой всегреческого движения Сопrotивления фашизму, повсеместного создания партизанских отрядов клефтов. Самую активную патриотическую позицию при этом заняла греческая творческая интеллигенция.

В первый же день вторжения неприятеля старейший греческий поэт Костис Паламос создает воззвание к патриотам Эллады, напомнив о героике 1821 г. (борьбе за независимость страны с полчищами турок):

*Пусть вас опьяняет бессмертный напиток,
Вино Двадцать первого года!*¹⁶

Для страны это звучало особенно, как последняя струна на бузуки, как нерв народа. И уже в середине ноября 1940 г. в тяжелых боях 20 тысяч итальянцев на границе Эпира и Греции были остановлены, а затем – в декабре – полностью разбиты армией партизан–клефтов во главе с Арисом Велухиотисом, в отряде которого изначально было только 6 тысяч человек. Так зарождалась ЭЛАС – армия освобождения Эллады.

Но приход на помощь разгромленному Муссолини его «германского брата» 6 апреля 1941 г. резко изменил картину боев, когда в фантазмагорических мечтах воссоздания «Священной римской империи германской нации» (или III рейха) Италия и Германия подтвердили старую римскую поговорку «Скажи мне, кто твой друг...» Так в середине апреля 1941 г. в соответствии с германским планом «Марита» 29 итальянских дивизий были брошены против Югославии, а для 32 немецких дивизий был со стороны Болгарии открыт путь фашистам на Афины, где вскоре появляется марионеточное правительство генерала Чолак–оглу, албанца по происхождению. Это «независимое правительство» участвовало в разделе Греции на три зоны оккупации (центр – Германии, север и северо-запад – Италии, северо-восток – Болгарии) и допустило появление над Акрополем флага с фашистской

свастикой. В ответ – новый взрыв возмущения народа. Навсегда вошел в историю страны день 31 мая 1941 г., когда рано утром Манолис Глезос и Апостолос Сантос сорвали германский флаг и водрузили над Акрополем знамя Эллады. Это был призыв к согражданам, на который одним из первых откликнулся партизанский поэт Гавалос:

*Глезос, мы не забудем тот час, когда смелою рукою
Черное знамя позора скинул с Акрополя ты!*¹⁷

Героизм юношей из столицы воодушевил население всей страны. В отрядах ЭЛАС получают широкое хождение подпольно издаваемые листовки, газеты и журналы. Так, с мая 1941 г. под редакцией А.Сикельяноса стали выходить журнал «Неа эстиа» (Новый очаг) и чуть позднее – газета «Элевтериа» (Свобода). В 1943 г. к ним присоединяется антифашистский журнал «Протопори» (Авангард) партизанского поэта Никоса Карвуниса. Именно в «Протопори» впервые были опубликованы строки еще одного поэта, Костаса Варналиса:

*Народ бессмертный! Прошлое Эллады
В тебе заключено с грядущим рядом.*

И чуть позже - его же:

*Дух народной силы, свет народной веры
Вдохновлял Эсхила, окрылял Гомера*¹⁸.

Героическое прошлое для эллинской национальной ментальности всегда было рядом. К лету 1943 г. в рядах ЭЛАС было уже 5 дивизий, более 20 тысяч человек, под командованием генерала С.Сарафиса. Этой армии, при единодушной поддержке эллинского народа, удалось начисто сорвать попытку германской мобилизации греков на восточный фронт весной 1943 г.: ни один балканский грек, в отличие от земляков Муссолини, не воевал с нашим отечеством... И это тоже хорошо знали греческие сыны СССР (России), сражаясь весной 1944 года на Дунае и в Крыму, за Армянск и Севастополь. А на Балканах к весне 1944 г. Антифашистское сопротивление включало в свои ряды более 100 тысяч бойцов, а осенью их уже было более 150 тысяч. К этому времени всегреческое движение ЭЛАС освободило свыше 90% территории страны, британский же корпус генерала Скоби, призванный освободить, по мысли Черчилля, «мягкое подбрюшье» Европы, контролировал лишь 7% эллинской земли. Таков был его вклад в освобождение Балкан.

В Грецию победа пришла осенью 1944 г.: 12 октября оккупанты оставили Афины, а через 10 дней их войска были окончательно выбиты с земли Эллады.

Это «марафонское поколение Сопротивления», как именовал его П.Антеос, заплатило высокую цену за элевтерию Эллады, оставив на полях сражений 420 тысяч человек при тогдашнем населении страны в неполных 6 миллионов. По удельному весу потерь в годы II мировой

войны вслед за Россией (Советским Союзом), Польшей и Югославией Греция занимает четвертое место в мире.

Конечно, масштабы этих потерь соплеменников с Балкан греки России тогда не знали. Еще меньше им было известно о потерях своих в СССР, на полях сражений 1941-1944 гг., а также в лагерях депортантов 1944-56 гг., где долгие годы 9 мая встречали буквально «со слезами на глазах».

Литература:

1. Ангелина П.Н.//Энциклопедия греков СНГ... с.14-16; подробнее о ней см.: К.Костенко. Большая жизнь М., 1959.
2. Варналис К. Стихотворения и поэмы / Сост. В.Соколюк. М., 1985. С. 67 сл.
3. Гинзбург С. Отечественная война 1812 г. и русские евреи. СПб., 1912; Нерсисян М.Г. Отечественная война 1812 г. и народы Кавказа. Ереван, 1965;
4. Герои Советского Союза М., 1987 т. 1 с. 131.
5. Ильинская С. «...Поднять над Элладой Солнце!» // ИЛ. 1970. № 2. С. 206.
6. Риттих А.Ф. Племенной состав контингентов Русской армии мужского населения Европейской России. СПб., 1875;
7. Колпакчи В.Я. // Большой энциклопедический словарь . М., 1991 т. 1 с. 605
8. Коккинаки В.К. // Люди бессмертного подвига. М., 1975. Т. 1. с.124
9. Круглов Е.А. Бородино: плечом к плечу башкир и грек // Вклад Башкирии.. С. 146.
10. Круглов Е.А. Последние лестригоны России рубежа XIX- XX вв. // Modern History. Вып.XIV, Уфа, БашГУ, 2011. С. 60-66
11. Муратиди Ф. Греки-адмиралы и генералы военно-морского флота России. СПб., 2007; Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVII –XIX вв. СПб., 2008.
12. Папалекси Н.Д. // БСЭ. Изд. 3. М., 1975 т. 19. С.,457;
13. Попанин И.Д. // Там же т. 2. С. 124
14. Попов Г.Х. Я всегда считал себя греком // Понтоc, 1993 № 19 с. 2-3
15. Соколов В.Д. Мои друзья – летчики. М., 1969 с. 218-222;
16. Назарова Л. Огненный летчик // Понтоc.1992 №1 с. 5;
17. Коцонис А.Н. Лабиринт. М., 2000. С. 17.
18. Космеджи П. Греки Крыма. Симферополь, 1995. С. 119; Коцонис А.Н. Указ соч. соч. С. 61, 66, 75.

19. Неуспешность поисков архивных записей по «греческому вопросу» маршала Жукова в 1989-90 гг. вынуждено было в конечном счете признать и окружение Г.Х. Попова, грека-мэра Москвы тех лет:

20. Михайловский А. Путь из греки в греки лежит через Россию // Столица. № 1991. № 36. С. 26;

21. Кессиди Ф.Х. Прославленный маршал Жуков был грек? // Омония. Афины. 1996 №92;

22. Иоаннидис Р. Триандафилов – полководец, герой, патриот // Понтос 1995. № 3-4 с. 2.

23. Триандафилов В.К. Полевая служба штабов. М., 1925;

24. Триандафилов В.К. Характер операций современных армий. М., 1927;

25. Триандафилов В.К. Высшее командование. М., 1929.

26. Подробнее о Фисатиди см.: Наумов Н.И. Операция «Д». Алма-Ата, 1968; Кесмеджи П. Указ. соч. С. 115-116; Энциклопедия греков СНГ. С. 227-228.

27. Сталин–Берия (Документы. Факты. Комментарии) / Под редакцией д.и.н. Н.Ф. Бугая М., 1992;

28. Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР... выслать греков». М., 1999;

29. Шакурова Ф.А., Чегодаев Е.А. Спецпоселения на территории Башкортостана в 1930-1950 годы // Вестник АН РБ. 2005. Т. 10. № 2; К

30. Круглов–Мавридис Е.А. Крым–Южный Урал // Наследники «греческого проекта». Уфа, 2014. С. 114.

31. «Их надо депортировать»... С.109.

32. Кирьякидис Г.Д. Греция во Второй мировой войне. М., 1967; Шеменков К.А. Греция: проблемы современной истории. М., 1987.

33. Круглов–Мавридис Е.А. Крым–Южный Урал (односторонний греческий «транзит» середины XX века) // Наследники «Греческого проекта» Уфа, 2014.

34. Энциклопедия греков СНГ / ред. Ф.Х. Кессиди. Афины – М., 1999. С. 214-215.

35. Энциклопедия греков СНГ. С.216.

36. Янчаускас Т.В. Офицеры – представители различных национальностей в русской регулярной кавалерии эпохи наполеоновских войн // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 2012. с 284 сл;

37. «Ярость благородная». Антифашистская поэзия Европы. М., 1980. С. 204.

© Круглов Е.А., 2016

ЧАСТЬ IV. Тезисы студентов и магистрантов

А.А. Мухиярова
(студентка БашГУ, г. Уфа)

A.A. Mukhiarova
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ ФИЛИППА II: К ИСТОКАМ СУДЬБЫ ВЕЛИКОГО РЕФОРМАТОРА

YOUTH PHILIP II: ORIGINS TO THE FATE OF THE GREAT REFORMER

Аннотация. Данная статья посвящена истории воцарения Филиппа II в качестве царя Македонии. Одним из важных пунктов статьи является история двухлетнего пребывания будущего царя в качестве заложника в Фивах, где он сумел приобрести огромный опыт для своих будущих реформ, которые умело провел в последующие годы своего правления.

Abstract. This article is devoted to the history of the reign of Philip II as king of Macedonia. One of the most important points of the article is the story of two years of the future king as a hostage in Thebes, where he managed to acquire great experience for future reforms, which are cleverly held in the subsequent years of his reign.

Ключевые слова: Филипп II, Македония, Пердикка III, Эпаминод, Фивы.
Keywords: Philip II, Macedonia, Perdika III, Epaminond, Thebes.

Сразу же необходимо сказать, что в силу ряда причин данных о рождении и воспитании Филиппа II крайне мало. Известно, что Филипп был сыном царя Аминты III и Эвридики. Иными словами, по рождению Филипп II принадлежал к благородной греческой династии, восходившей к сыну Геракла.

Филипп II родился в 383 или 382 году и был младшим из трёх сыновей Аминты III. Была также у него и сестра Эвриноя. Два старших брата царствовали до Филиппа – Александр II (369-368) и Пердикка III (368-359). К тому же у Филиппа было и три сводных брата, которые могли предъявлять свои права на престол, поэтому Филипп достаточно настороженно к ним относился. И чем ближе к совершеннолетию, тем это становилось очевиднее¹.

Скупое освещая молодость, источники практически не содержат описаний внешности Филиппа II. Современная реконструкция лица Филиппа, сделанная на основе головы, найденной в Гробнице II в Эгах, которая, по предположениям ученых, принадлежит Филиппу, изображает нам македонского царя как человека с бородой и закрытым правым

глазом (указывающим на слепоту), что соответствует травме, которую он получил во время осады Мефоны. Судя по останкам, найденным в гробнице в Вергине, которую с большей долей уверенности можно считать местом погребения Филиппа, он был невысокого роста. Исследование останков показало, что его рост составлял 167-171 см. Таким образом, в реальной жизни Филипп был худощавым и низкорослым, что создает яркий контраст по сравнению с той важной ролью, которую этот человек сыграл в мировой истории.

Филипп, как и любой другой отпрыск знатного рода, обучался дома. Главный упор в его образовании, как обычно, делался на физическое развитие: умение сражаться, ездить верхом, бегать и охотиться. А когда Филипп обучался чтению, то, как это делалось у аристократов, особый упор делался на изучение произведений Гомера². Казалось бы, все шло как обычно, но в 13 лет домашнее обучение будущего Филиппа II внезапно кончилось: именно в это время его отдали в качестве заложника в Фивы. Но именно этот период времени, как показала жизнь, сыграл ключевую роль в формировании личности будущего македонского царя³.

Период с 13 до 15 лет Филипп провел в качестве заложника в Фивах, главном городе Беотии, после того как фиванцы одержали победу над Александром II. Согласно Юстину, Филипп провёл в Фивах время приблизительно с 368 по 365 годы. В тот период Фивы были ведущей силой в Греции, во многом благодаря своим блестящим полководцам Пелопиду и Эпаминонду. Время пребывания в Фивах оказало на формирование личности Филиппа огромное влияние. Вот как об этом писал Юстин: «это обстоятельство оказало огромное влияние на развитие выдающихся природных способностей Филиппа»⁴.

Известно, что в Фивах Филипп жил в доме соратника Эпаминода - полководца и политика Паммена, а военной стратегии Филипп научился у самого Эпаминода, особенно это касается совместных действий конницы и пехоты в сражении. Также есть сведения, что заложнику Филиппу никто не мешал наблюдать за тренировками Священного отряда, который состоял из лучших фиванских воинов и был ударной силой всей Беотии.

Также важно учесть, что именно на примере Фив Филипп осознал важность флота и морского могущества. Именно поэтому в будущем Филипп старался не идти на прямой конфликт с Афинами, а всячески задабривал их, так как он понимал, что ему вряд ли удастся создать флот, превосходящий афинский. Что ещё важно отметить, что пребывание в Фивах позволило Филиппу II познакомиться с особенностями греческого полиса, выявить его достоинства и недостатки. Впоследствии Филипп активно использовал полученный опыт, умело натравливая один

греческий полис против другого. Можно с полной уверенностью сказать, что именно в Фивах Филипп осознал особую важность охраны своих границ: внезапное крушение фиванской гегемонии показало, что только одними завоеваниями невозможно добиться верховенства и укрепить его. Несмотря на то, что хорошо обученная и вооружённая армия играла важную роль, намного важнее было объединить страну и не дать противникам, даже потенциальным, объединиться против себя. Позднее, взойдя на трон, Филипп претворил в жизнь все уроки, которые он извлёк из пребывания в фиванском плену⁵.

Филипп вернулся из 3-х летнего плена во время царствования своего брата Пердикки III (368-359 гг.) и получил в своё распоряжение удел, где, возможно, он и начал применять навыки, приобретённые в Фивах⁶. Это в свою очередь подготовило почву для быстрого претворения беотийских реформ Эпаминода в жизнь Македонии сразу же после восшествия на престол Филиппа II

Воцарение Филиппа не было легким и безоблачным, так как ему предшествовала загадочная смерть брата. По официальной версии в 360/359 году Пердикка III был убит в битве с иллирийцами, а его смерть осложнила и без того опасное положение дел в Македонии⁷. Ситуацию усугубило появление двух претендентов на освободившийся престол: одного выдвинули Афины, которые с помощью своего ставленника намеревались вернуть себе Амфиполь (отпавший в 427 году); вторым был Павсаний, выдвинутый царём Фракии, который представлял собой реальную угрозу. Из труда Юстина мы узнаём, что сын Пердикки III, Аминта, был ещё ребёнком, и его избрание на престол могло привести к гибели македонского государства⁸. Поэтому наиболее предсказуемым в этой ситуации было бы избрание Филиппа II (дяди Аминты), которому на тот момент было 23 года, в качестве регента. Однако, приняв во внимание опасности, угрожающие стране, народное собрание неожиданно проигнорировало права Аминты и избрало Филиппа не регентом, а царём. Хотя по сведениям Юстина и Сатира, Филипп определённый период времени был все-таки регентом Аминты, однако эта информация подвергается сомнению, так как Юстин утверждает, что Пердикка погиб от руки убийцы, что ныне доказать невозможно⁹. А биографические данные Сатира также пестрят ошибками, к тому же он был склонен к приукрашиванию ситуации, поэтому данные этих историков относительно регенства Филиппа II, скорее всего, не являются достоверными, а мы склоняемся к версии об избрании Филиппа царем.

Такое решение народного собрания лишний раз подтверждает чрезвычайно сложную ситуацию в Македонии. Так как Филипп обладал гораздо большим опытом в военных и государственных делах, чем любой

из возможных кандидатов на престол, то именно этим обстоятельством было обусловлено подобное решение народного собрания.

Подводя итоги, необходимо отметить сложную внутреннюю обстановку в Македонии, которая проявлялась:

1. В экономическом упадке и нерациональном использовании огромных природных ресурсов Македонии;

2. В разделении страны на две части, что, несомненно, мешало Македонии развиваться как единому государству,

3. В династических переворотах, что также явно не способствовало развитию государства. Экономический кризис и проблемы в политической сфере привели к упадку в армии и установлению нестабильной социальной обстановки в стране.

Все это, конечно, вызвало у более сильных соседей желание воспользоваться ситуацией и вторгнуться в Македонию. В результате, к моменту вступления Филиппа II на престол, Македония переживала кризис и находилась в удручающем состоянии. Она была достаточно уязвима и при этом пребывала в постоянном страхе и ожидании нападения со стороны соседних племён. Вскоре последовало вторжение дарданов, захват ими ряда македонских городов, убийство царя, от которого остался малолетний наследник, а неспособность Македонии противостоять внешнему вторжению окончательно усугубила ситуацию. В этих условиях казалось, что Македонию может спасти только чудо, и этим чудом стал избранный в 359 году царём Филипп II. В столь тяжёлой ситуации он должен был действовать стремительно и уверенно, чтобы в короткий срок преодолеть внутренние проблемы и противостоять внешней угрозе. Именно невероятно тяжёлое положение в стране стало, пожалуй, главной предпосылкой для проведения стремительных и кардинальных реформ, где немаловажную роль сыграли навыки, приобретённые Филиппом II в Фивах.

Таким образом, навыки и умения, которые были заложены в период фиванского плена Филиппа, послужили своеобразными химическими элементами, а для быстрого проведения реакции не хватало только катализатора, которым в данном случае выступила сложная, почти непреодолимая обстановка в Македонии. Решение задачи вывода страны из кризиса и взял на свои плечи бывший пленник Фив, а теперь 23-х летний новый царь Македонии Филипп II.

Литература:

1. Юстин, Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа», Кн. VII
2. Юстин, Эпитома Указ. соч.

3. Фролов Э.Д. Греция в эпоху Поздней Классики. Общество. Личность. Власть. М.:Гуманитарная Академия, 2001.
4. Юстин, Эпитома Указ. соч.
5. Фролов Э.Д. Указ. соч.
6. Плутарх. «Изречения царей и полководцев». Филипп.
7. Тюряхин И.Н. К вопросу о времени заключения союза между Филиппом и Мегаполем /Studia historica к 60-летию А.В.Подосинова.- М. 2009 .
8. Юстин, Эпитома Указ. соч.
9. Юстин, Эпитома Указ. соч.
10. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский.- М.:Наука, 1993.

Мухиярова А.А., 2015.

У.Н. Кудашев
(студент БашГУ, г. Уфа)

U. N. Kudashev
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ГЕРМАНО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В.

THE GERMAN-AFGAN RELATIONS: EVOLUTION OF DEVELOPMENT AT THE END OF XIX- BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Аннотация. Статья посвящена проблемам германо-афганских отношений на рубеже XIX-XX вв. В частности, показаны события совместной германо-турецкой экспедиции в Афганистан. Автор доказывает, что миссия Нидемайера-Хентига заложила основу межгосударственных отношений Германии и Афганистана.

Abstract. The article deals with problems of German-Afghan relations at the turn of XIX-XX centuries. In particular, it shows the events of the joint German-Turkish expedition to Afghanistan. The author argues that Nidemayera-Hentiga mission laid the foundation of Germany and Afghanistan bilateral relations.

Ключевые слова: германо-афганские отношения, экспедиция, дипломатическая миссия, договор.

Keywords: the German-Afghan relations, expedition, diplomatic mission, contract.

Афганистан, находящийся в самом центре Азии, из-за своего стратегически важного положения всегда привлекал к себе завоевателей. К середине XIX в. Афганистан был для Великобритании достаточно сильной проблемой – страна граничила с Британской Индией, так что усиление любого иностранного влияния в регионе сразу же создавало угрозу для британских владений. После второй англо-афганской войны внешняя политика Афганистана полностью контролировалась Великобританией, и любые контакты с представителями других государств были затруднены для Кабула. Впрочем, эмир Абдуррахман сам всячески препятствовал проникновению иностранцев в его страну.

В конце XIX – начале XX в. молодая Германская Империя активно развернула колониальную и экспансионистскую политику. Агенты кайзера проникали в самые разные уголки земного шара – от Африки и Тихого Океана до Латинской Америки. Афганистан, который мог стать прекрасным плацдармом для вторжения в Британскую Индию, сразу же начал притягивать к себе эмиссаров Берлина.

Источниками по данной теме могут послужить мемуары главы германской дипломатической миссии в Афгансистане Оскара фон Нидемайера¹ и воспоминания австрийского офицера Эмиля Рыбички². Историография по германо-афганским отношениям в годы Первой мировой войны на русском языке не очень обширна. Работы Ю.В. Тихонова³ посвящены, в том числе, работе германской миссии по попытке поднять восстание в Британской Индии. Литература, посвященная истории Афганистана и его вооруженным силам, включает работы В.Г. Коргуна⁴, монографии «История вооруженных сил Афганистана: 1747-1977» и «История Афганистана с древнейших времен до наших дней» под редакцией Ю.В. Ганковского⁵.

В 1898 г. эмир Абдуррахман, заинтересованный в улучшении государственного артиллерийского завода «Машин-хана», послал в Германию своего главного инженера, англичанина Пака, для сбора информации о немецкой промышленности и найма немецкого инженера с заводов Круппа. С нанятым инженером, Готтлибом Флейшером, был заключен контракт на 5 лет. После окончания контракта инженер покинул Афганистан. В 1901 г., перед своей смертью, Абдуррахман заказал в Германии 30 75-мм пушек и 6 100-мм гаубиц производства Круппа⁶ (Милитари репорт за 1906 год), а также большое количество боеприпасов для них. Великобритания, которая в 1899 г. столкнулась с крупповскими пушками в Трансваале и Свободной Оранжевой Республике, стремилась не допустить попадания в Афганистан этого смертоносного оружия. Только в 1902 г. она согласилась пропустить орудия в Афганистан.

После начала Первой мировой войны германский Генеральный штаб начал подготовку к отправке в Афганистан миссию, чтобы вовлечь

его в войну против Великобритании, или поднять восстание племен Северо-западной пограничной провинции Британской Индии.

В ноябре началась подготовка к совместной германо-турецкой экспедиции в Афганистан.

Главой экспедиции был назначен Оскар фон Нидемайер – баварский офицер, до войны путешествовавший по Индии и Ирану. На него же были возложены и все военные аспекты экспедиции. За дипломатию сторону миссии отвечал Вернер фон Хетинг – прусский дипломат и офицер, служивший в Пекине, Константинополе и Тегеране и знавший фарси⁷. Всего миссия включала в себя, по разным данным, от 27 до 84 немецких солдат и офицеров, хорошо подготовленных и тщательно отобранных.

Кроме того, в миссию входили индийские националисты (в частности, Кумар Махендра Пратап и Абдул Хафиз Мухаммед Баракатулла), представителей Османской империи (артиллерийский офицер Казим Орбай) и 8 пуштунов-добровольцев⁸.

Экспедиция должна была двигаться через Персию, которая фактически не контролировала свою территорию из-за отсутствия хоть какой-то армии и присутствия войск Великобритании и Российской империи.

В апреле 1915 г. миссия прибыла в Константинополь, откуда через 3 недели она отправилась в Багдад. В Багдаде миссия разделилась на 2 части, и вновь соединилась уже в Тегеране. В конце июня экспедиция направилась в Исфahan, где были сделаны финальные приобретения (одежда, бурдюки для воды, лошади), а 3 июля группа продолжила движение на восток. Нидемайер снова разделил группу, отправив несколько патрулей для отвлечения внимания русских и британских войск, а сам во главе основной группы в ускоренном темпе двигался к персидско-афганской границе, которую и достиг 19 августа. К тому моменту из личного состава экспедиции уцелела лишь половина – остальные дезертировали, были взяты в плен или умерли от болезней. Кроме того, в ходе движения пришлось оставить золото и подарки эмиру⁹.

21 августа миссия достигла Герата, где она впервые контактировала с афганскими властями, а 2 октября прибыла в Кабул. Экспедиция была встречена почетным караулом и всеобщим ликованием местных жителей¹⁰.

Миссия была размещена в одном из дворцов эмира. Несмотря на внешнюю дружелюбность эмира, немцы и турки вскоре поняли, что их сильно ограничивают – за ними постоянно следят британские агенты, а вокруг дворца была расставлена вооруженная стража. Эмир Хабибулла, настроенный проанглийски, старался как можно сильнее затянуть

переговоры, ожидая вестей из Европы. В то же время афганское население и часть истеблишмента Афганистана (в том числе брат эмира Насрулла) были настроены антианглийски и поддерживали Османскую империю и её союзницу Германию. Выражалось это во многом. Например, бежавшие из русского плена австро-венгерские офицеры Йозеф Янош и Эмиль Рыбичка не только не были выданы Антанте, но и тренировали афганскую армию¹¹.

26 октября 1915 г. эмир встретился с сотрудниками миссии в своем дворце в Пагмане. Встреча длилась весь день, но не принесла никаких плодов. Эмир предполагал, что немецкая миссия прибыла с целью налаживания торгово-экономических отношений, а попытки фон Хетинга убедить эмира объявить независимость страны, которая будет немедленно поддержана кайзером, не возымели успеха. Пратап и Баракатулла пытались привлечь эмира обещаниями больших территориальных захватов в Русском Туркестане и Британской Индии, но эмир оставался непреклонен. Последующие встречи также не принесли немецкой миссии желаемого результата¹².

Одновременно с этим члены немецкой миссии консультировали афганских военных. В частности, Нидермайер советовал улучшить систему связи в армии.

Несмотря на неудачи в общении с эмиром, немцы нашли более отзывчивых слушателей – брат эмира Насруллу (представителя староафганцев) и младшего сына эмира Амануллу (представителя младоафганцев). Контакты с ними, впрочем, не принесли никаких особенных результатов.

В декабре 1915 г., под влиянием сильных германофильских и протурецких настроений в стране, Хабибулла сообщил фон Хетингу, что он готов обсудить договор о германо-афганской дружбе. Проект договора был завершен 24 января 1916 г.

Договор включал в себя 10 статей, в том числе признание независимости Афганистана, декларация о дружбе с Германией и установление дипломатических отношений. Кроме того. Договор гарантировал помощь в случае угрозы со стороны Российской Империи и Великобритании – материальная (вооружение), финансовая и отправка военных советников¹³. Немецкая миссия начала реформирование афганской армии и укрепление отдельных крепостей¹⁴.

К весне 1916 г. ситуация на фронтах стала складываться не в пользу Центральных Держав. Сокращение немецкого влияния в Иране и военные поражения Османской империи, а также увеличение ежегодной субсидии британского правительства, снова толкнули Хабиуллу в сторону Великобритании. Вдобавок ко всему, в мае 1916 г. Насрулла предложил германской миссии свергнуть Хабиуллу. Британская

разведка сразу же об этом узнала и сообщила Хабибулле. Миссия была окончательно дискредитирована в глазах эмира¹⁵. 21 мая 1916 г. миссия покинула Кабул, видя бесперспективность дальнейших действий.

Попытки кайзеровской Германии втянуть Афганистан накануне и в годы Первой мировой войны в орбиту своей внешней политики не увенчались успехом. Несмотря на это, миссия Нидемайера-Хентига заложила основу межгосударственных отношений Германии и Афганистана, которые вновь активно развернулись с конца 1920-х г.г. Провозглашение независимости Афганистана в 1919 г., освобождение от зависимости от Великобритании создали условия для сближения с другими мировыми державами, в частности, с Германией, которая и после поражения в Первой мировой войне не отказалась от восточного вектора своей политики.

Литература:

1. Oskar Ritter von Niedermayer. Unter der Glutsonne Irans — Kriegserlebnisse der deutschen Expedition nach Persien und Afganistan. — Dachau: 1925.
2. Рыбичка, Э. В гостях у афганского эмира. — М.: Молодая гвардия. 1935.
3. Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена. 1919-1945. — М. - Липецк: ООО «Информ», 2007, его же Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. — М.: Эксмо, Яуза, 2008.
4. Коргун В.Г. История Афганистана: XX век. — М.: ИВ РАН, Издательство «Крафт+», 2004.
5. История вооруженных сил Афганистана: 1747-1977 / под. ред. Ю.В. Ганковского. — М.: Наука, 1985. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / под. ред. Ю.В. Ганковского. — М. Мысль, 1982.
6. Military report on Afghanistan. — Simla: Division of the Chief of the Staff, Army Head Quarters, India, 1906. — P. 192.
7. Коргун В.Г. Указ. соч. — С.50.
8. Jules Stewart. The Kaiser's Mission to Kabul: A Secret Expedition to Afghanistan in World War I. — London ; New York : I.B. Tauris, 2014. — P. 120.
9. Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане... — С.12.
10. История Афганистана с древнейших времен ... — С.218.
11. Рыбичка, Э. Указ. соч. — С.32.
12. Коргун В.Г. Указ. соч. — С.52.
13. Jules Stewart. Указ. соч. — P. 205.
14. Рыбичка, Э. Указ. соч. — С.76.
15. Тихонов Ю.Н. Политика великих держав в Афганистане... — С.15.

© Кудашев, У.Н. 2015.

В.И. Лясович
(магистрант БашГУ, г. Уфа)

V.I. Lyasovich
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**PROBLEMS OF THE HISTORY AND ARCHEOLOGY OF THE LATE
SARMATIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF SOUTH URAL
AT THE PRESENT STAGE**

Аннотация. Статья содержит краткий анализ проблем изучения позднесарматской общности Южного Урала на современном этапе. На основе анализа многолетних исследований советских и российских ученых, автором работы выделен комплекс противоречий, сложившихся на сегодняшний день в изучении позднесарматской археологической культуры.

Abstract. Article contains the short analysis of problems of studying of a late Sarmatian community of South Ural at the present stage. On the basis of the analysis of long-term researches of the Soviet and Russian scientists, the author of work allocated a complex of the contradictions which developed today in studying of late Sarmatian archaeological culture.

Ключевые слова: археология, позднесарматская археологическая культура, ранний железный век, археология евразийских степей, сарматология.

Keywords: archeology, archaeological culture of the late sarmatians, early iron age, archeology of the Eurasian steppes, sarmatology.

На сегодняшний день проблема исследования позднесарматских памятников на территории Южного Урала до сих пор остаются актуальными.

Интерес к сарматской истории возник в отечественной историографии еще во второй половине XIX в. С этого времени сарматская история стала рассматриваться самостоятельно, а не в тандеме со скифской историей, как было раньше. Главную роль в определении самобытности сармат сыграл В.Ф.Миллер, осуществивший анализ иранских языков, и выделив из их общей массы сарматский язык.

Первые археологические изыскания сарматских памятников начались в дореволюционный период. В это время историей сарматского общества занимаются такие исследователи как В.А.Городцов и М.И.Ростовцев. Именно они обозначили ареал распространения

сарматских памятников от юга Украины до Оренбуржья и отметили основные черты её материальной культуры.

В советский период начинаются планомерные и систематизированные исследования раннекочевнических древностей в евразийской степи, что позволило поставить и решить ряд проблем истории сарматов, например территорию их распространения и периодизацию. Уже в 1925 г. П.С. Рыковым была предложена четырехчленная схема (А, В, С, D) распределения всего сарматского материала по культурно-хронологическому принципу¹.

Позднее данная схема была значительно изменена в работах П.Д. Рау. Он разделил сарматские древности на два этапа – раннесарматский (Stufe A) и позднесарматский (Stufe B), им был передатирован и впервые выделен позднесарматский этап в рамках III-IV вв. н.э.².

Дальнейшее исследование хронологических позиций и этнокультурной принадлежности позднесарматских памятников было осуществлено в работах К.Ф. Смирнова и Б.Н. Гракова. К.Ф. Смирнов отождествлял поздних сармат с аланами и определил существование позднесарматской общности во II-IV вв. н. э.

Итоговой работой в определении хронологических рамок существования позднесарматской общности стали исследования А.С. Скрипкина: первый этап – рубеж I-II вв. – 3-я четверть II в.; второй – 3-я четверть II – середина III в.; третий – середина III – конец IV века³.

Южный Урал входит в орбиту исследований сарматской истории только с 60-х гг. В это же время проводятся раскопки памятников на юге зауральской Башкирии. Материалы этих исследований были опубликованы и систематизированы А.Х. Пшеничком и интерпретированы как комплексы позднесарматской культуры II-IV вв. н.э.⁴

С 80-х гг. исследованиями позднесарматских курганов наиболее активно занимались археологи Челябинска и Уфы - А.Д. Таиров, А.Г. Гаврилюк, И.Э. Любчанский, С.Г. Боталов, С.Ю. Гуцалов, А.Х. Пшеничнюк, Ф.А. Сунгатов и др.

К середине первой четверти XXI в. позднесарматская история, а в частности её археологический аспект, воспринимается современным исследователем как ряд не до конца решенных проблем. К их числу относятся: масштабы влияния поздних кочевников на этнокультурные процессы в лесостепной зоне, интерпретация отдельных памятников, этнокультурные составляющие интеграционных процессов в конце раннежелезного века, историческая судьба поздних сармат.

Так, уже в 70-е годы, исследуя кара-абызскую культуру, А.Х. Пшеничнюком была высказана мысль о проникновении саргатских и гороховских культурных элементов в горно-лесную зону Южного Урала⁵.

Эта теория была принята Н.С. Савельевым, который интерпретировал айские памятники как зауральские, родственные степному миру. Однако в 1988г. А.Х. Пшеничнюк скорректировал свои взгляды на айские памятники и начал относить материалы айского типа уже только к саргатской культуре⁶.

Б.Б. Агеев расчленяет айский и гафурийский типы, рассматривая первый совершенно самостоятельно, как одну из групп ранних кочевников сарматского круга, ушедшую в более северные районы из-за аридизации степи на рубеже V-IV вв. до н.э.⁷.

Достаточно прямо по проблемам заселения Южного Урала высказался В.А. Иванов: «Носители сарматской культуры в IV в. до н.э. плотно освоили северо-восточные районы современного Башкортостана в бассейне рек Ай и Юрюзья»⁸.

Значительные сарматские вкрапления обозначены в кандидатской диссертации С.Л. Воробьевой. Основная идея её работы – это поиск аналогий в предметных комплексах сарматской общности и карабызской культуры на примерах инвентаря в Шиповском и Охлебининском могильниках⁹.

Сарматское влияние прослеживает в турбаслинской археологической культуре Ф.А. Сунгатов. Говоря о происхождении носителей турбаслинской культуры, он отмечает, что они являются потомками позднесарматских племен правобережья р. Белой, откуда в IV в. были вытеснены первой волной гуннского нашествия, и, скорей всего, увлечены на Запад, будучи включенными в военный гуннский союз¹⁰. Более того, носители турбаслинской культуры переняли обычай деформации черепа, пришедший, по мнению А.А.Скрипкина, из районов Средней Азии и ставший своеобразным маркером позднесарматской археологической культуры.

До сих пор нет четкого объяснения присутствия степных элементов в Салиховских курганах и Ахмеровском могильнике, исследованных С.М. Васюткиным. Он интерпретировал их как синтез приуральского позднесарматского и гуннского населения¹¹. Подобное взаимодействие сложилось на основе трех этнических компонентов: позднесарматского (по большей части иранского), финно-угорского (имендьяшевский тип) и гуннского, т.е. тюркского. Более того, гуннское влияние на культуру местных племён С.М. Васюткин поставил доминантой и связывает с ними все изменения в погребальном обряде автохтонного населения Южного Урала на стыке эпох раннего железного века и раннего средневековья.

Противовес доводам С.М. Вастюкина составил В.Ю. Малашев. В своей кандидатской диссертации «Позднесарматская археологическая культура» он сразу оговаривается о чрезвычайной сложности судеб

носителей позднесарматской культуры. И предполагает, что часть позднесарматского населения Южного Приуралья вошла в состав населения лесостепных районов и оставила памятники смешанного типа, как Салиховский и II Ахмеровский курганные могильники¹².

О синтезе сарматского и местного населения в конце раннего железного века и начале раннего средневековья высказывались С.Н. Коренюк и М.Л. Перескопов. Салиховские и Ахмеровские курганы обозначены ими как типично сарматские, но показан новый – Старо-Муштинский. Старо-Муштинский могильники трактуется ими как сармато-мазунинский¹³.

Таким образом, археология позднесарматской общности на территории Южного Урала предстает в достаточно разнородных взглядах по многим вопросам. Подобные противоречия сформировали целый блок фундаментальных проблем, требующих более глубокого и детального рассмотрения:

– Масштаб взаимодействия лесного и степного населения в переходный период от раннего железного века к раннему средневековью.

– Отсутствие четкой интерпретации отдельных памятников и выделение их культурных компонентов.

– Привязка отдельных археологических памятников с культурами периода раннего железного века.

– Вклад сарматских племен в формирование кара-абызской и турбаслинской археологических культур.

Литература:

1. Шилов С.Н. История археологического изучения Южного Зауралья. Автореф... дис. канд. истор. наук. – Курган, 1997. С.14.

2. Там же. С. 16.

3. Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды. – Волгоград, 2010. С.9.

4. Боталов С.Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время. Автореф... дис. канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2003. с.15.

5. Савельев Н.С. Население Месягутовской лесостепи в V-III веках до н. э. Автореф... дис. канд. истор. наук. – Уфа, 2002. с. 17.

6. Там же. С. 18.

7. Там же. С. 20.

8. Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). – СПб, 1994. С.56.

9. Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма Кара-Абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Автореферат. – Ижевск, 2012. С.15.

10. Сунгатова Ф.А. Турбаслинская культура. – Уфа, 1998. С. 15.
11. Шмуратко Д.В. Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху великого переселения народов. – СПб.2010. с.101.
12. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II-III вв. н.э. Автореф... дис. канд. истор. наук. – Москва, 2013. с.16.
13. Коренюк С.Н., Перескопов М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. - Казань, 2012. С. 133–141.

© Лясович, В.И. 2015.

Ю.С. Усова
(аспирантка БашГУ, г. Уфа)

Yu.S. Usova
(Bashkir State University, Ufa, Russia)

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ НИЦЦКОГО ДОГОВОРА (1999–2000 гг.)

PARTY-POLITICAL STRUGGLE IN THE UK ON THE ISSUE OF FORMATION OF THE TREATY OF NICE (1999 - 2000)

Аннотация. Статья посвящена анализу партийно-политической борьбы в Великобритании по вопросу формирования Ниццкого договора. Рассматриваются подходы консервативной и лейбористской партий Великобритании к данному вопросу.

Abstract: The article analyzes the party-political struggle in the UK on the issue of formation the Treaty of Nice. The author examines the approaches of the UK's conservative and the labour political parties to this issue.

Ключевые слова: Великобритания, лейбористская партия, консервативная партия, Ниццкий договор, европейская интеграция.

Keywords: the UK, the labour party, the conservative party, the Treaty of Nice, EU integration process.

В период 1997–2007 гг. (три премьерских срока Т. Блэра, лидера лейбористской партии) в преддверии очередной волны расширения Европейского Союза проходил процесс изменения основных договоров ЕС. Вопросы, которые требовали изменения, стали предметом партийно-политической борьбы внутри страны. Обе ведущие партии

Великобритании (лейбористская и консервативная) отстаивали собственные подходы к данной проблеме¹.

Амстердамский договор позволял проведение расширения ЕС до пяти новых членов на условиях сокращения размера Комиссии до одного комиссара от одной страны, и модификации системы веса голосов в Европейском Совете. Однако оказалось, что первое расширение превысит пять стран-кандидатов (минимум шесть стран уже на тот момент соответствовали Копенгагенским критериям). Для более значительного расширения была нужна новая межправительственная конференция.

3-4 июня 1999 г. проходил саммит Европейского Совета в Кёльне. Главы государств и правительств ЕС в итоговой Кёльнской декларации сфокусировались на усилении общей европейской политики безопасности и обороны². Однако в заключениях саммита также отмечалось стремление к решению институциональных вопросов, которые не были решены в Амстердамском договоре. Глава Еврокомиссии Романо Проди в ходе саммита внес предложения о её планируемой модернизации.

Правительство Великобритании поддерживало обязательство Р. Проди придерживаться в работе Комиссии принципов прозрачности, отчетности и эффективности. Приветствовалась инициатива немецкого президентства в предложении Европейской Хартии основополагающих прав. Тони Блэр отмечал, что этот документ консолидирует в одном месте множество прав и свобод, которые уже гарантируются в Европейском законодательстве. В национальных интересах Великобритании настаивать на том, чтобы ЕС поддерживало свободы и права во всех государствах-участниках.

Представители консервативной партии в противовес утверждали, что данный документ будет способствовать передаче суверенных прав государства на уровень ЕС, и демонстрирует стремление премьер-министра к формированию европейской супердержавы. Лидер оппозиции Уильям Хейг спрашивал, почему премьер-министр не выразит в рамках встречи Европейского Совета четко и ясно пожелания британцев о форме ЕС. Почему в дебатах палаты Общин и выступлениях внутри страны Т. Блэр говорит одно, но совершенно по-другому формулирует свои слова в ходе встреч с партнерами на европейском уровне. Кроме этого лидер оппозиции подчеркивал, что взгляды правительства на проблемы европейской интеграции со временем меняются. В частности, У. Хейг напоминал, что если в 1997 г. лейбористы во главе с Т. Блэром были против инициатив ЕС по вопросам безопасности и обороны, то на момент дебатов прослеживается уже обратный подход правительства.

В ответ Т. Блэр отметил, что изменение данного подхода обусловлено тем, что общая политика безопасности и обороны ЕС будет развиваться в сотрудничестве с НАТО. По вопросу расширения

возможности голосования квалифицированным большинством премьер-министр отметил, что изменения вносятся в интересах Великобритании. Представителями лейбористской партии особо подчеркивалось, что самое масштабное расширение по голосованию квалифицированным большинством произошло с одобрения премьер-министра от консервативной партии (Джона Мейджора).

Кроме этого, в ходе Кёльнского саммита было подтверждено, что в начале 2000 г. будет созвана межправительственная конференция для решения вопросов, которые необходимо решить перед расширением ЕС.

10 июня 1999 г. в Великобритании впервые прошли выборы в европейский парламент по системе пропорционального представительства. Победу одержала консервативная партия, получив 36 мест. Лейбористы получили 29 мест (на 33 места меньше чем в 1994 г.). Третье место заняли либерал-демократы с результатом в 10 мест. Кроме изменения системы выборов, на данный результат, очевидно, повлияла активная кампания консервативной партии по «спасению фунта» и представлению европейской политики правительства как реальной угрозы потере национального суверенитета Великобритании. По результатам опросов Евробарометра «потеря национальной идентичности» была одним из трех самых распространенных «опасений» в данный период среди граждан Великобритании³. Подобная ситуация внутри страны ограничивала действия правительства по такому «чувствительному» вопросу, как введение «евро». Однако по тем же результатам Евробарометра население Великобритании поддерживало усиление общей политики безопасности и обороны и проведение общей внешней политики. Но на серьезный компромисс в этих вопросах с партнерами по ЕС не было готово уже правительство страны.

Подготовка к межправительственной конференции проходила в рамках финского президентства на встрече Европейского Совета в декабре 1999 г. в Хельсинки была подтверждена относительно узкая (институциональная) повестка дня предстоящей межправительственной конференции. Однако была сохранена возможность вносить другие темы на обсуждение в ходе межправительственной конференции.

В палате Общин министр иностранных дел лейбористского правительства Робин Кук отмечал, что предстоящая в 2000 г. межправительственная конференция должна сфокусироваться на институциональных вопросах ЕС. «Великобритания имеет четкий национальный интерес в обеспечении пересмотра веса голосов в Совете Министров ЕС»⁴. Тори в ответ подчеркивали, что изменения приведут лишь к еще большей бюрократизации и отрыву политики ЕС от ожиданий граждан Союза.

Было три ключевых изменения институтов Европейского Союза, которые лейбористское правительство Великобритании стремилось провести в рамках предстоящей межправительственной конференции. Первое - это пересмотр веса голосов в Совете. По существовавшей системе Бельгия получала 5 голосов, тогда как Великобритания 10, хотя территориально в шесть раз больше Бельгии. Великобритания, Франция и Германия представляли большинство населения ЕС, но имели только треть голосов в Совете Министров. Без изменений после предстоящего расширения Великобритания, Франция и Германия вместе остались бы не только меньшинством, но даже не блокирующим меньшинством по голосованию квалифицированным большинством. Поэтому Робин Кук подчеркивал, что дальнейший процесс расширения ЕС должен сопровождаться процессом пересмотра веса голосов, более справедливо отражающих разницу в населении между государствами-участниками. В то же время правительство Великобритании говорило о важности для каждого государства ЕС, в том числе и небольшого, сохранения места в Европейской Комиссии. Однако отмечалось, что Великобритания не станет уступать свое второе место в Европейской Комиссии, если не будет достигнуто соглашение по увеличению веса британского голоса. Третьим вопросом было расширение сфер по голосованию квалифицированным большинством. Правительство Т. Блэра было уверено, что некоторые ключевые сферы национальных интересов лучше решать принципом единогласия. К ним относились вопросы контроля границ, оборона, налогообложение, социальное обеспечение, национальные ресурсы и поправки к договорам. Подчеркивалось, что большинство стран ЕС не были намерены принимать голосование квалифицированным большинством в этих сферах.

Для остальных вопросов по принятию решений в рамках ЕС голосование квалифицированным большинством в значительной степени уже применялось. Около четырех пятых всех принимаемых решений в Совете Министров на тот момент уже было основано на голосовании квалифицированным большинством. Как результат, здесь были ограничены возможности для расширения, но вне ключевых вопросов национальных интересов сохранялось стремление по введению голосования квалифицированным большинством на основе «от случая к случаю».

Представители консервативной партии выражали «беспокойство» по поводу расширения сфер по голосованию квалифицированным большинством, в том числе считая, что Великобритания в таком случае окажется в меньшинстве. В ответ министр иностранных дел Робин Кук отмечал, что в 1998 г. голосование имело место в Совете Министров в 213 случаях. Великобритании не удалось провести свою позицию только

дважды, Германии это не удалось 18 раз, Нидерландам - 15, Италии – 13 раз. «Те, кто настаивает на сохранении национального вето, должны признать, что преимущество от возвращения голосования единодушием в этих сферах будет в первую очередь на руку Германии и другим странам-участницам, а не в пользу продвижения в ЕС Великобританией собственных национальных интересов»⁵. Все еще оставалось множество сфер, с принятием решений единогласием, в которых правительство Великобритании стремилось ввести голосование квалифицированным большинством. В частности, сфера «транспорта, в котором голосование квалифицированным большинством может помочь Великобритании продвинуть более либеральную программу; реформирование Европейского Суда могло бы проходить легче, если бы необходимые процедуры могли быть согласованы голосованием квалифицированным большинством, а не единодушием. Если мы хотим быть уверены, что управление единым рынком производится энергично и эффективно, тогда мы нуждаемся в Европейском Суде, который не тратит годы на вынесение вердикта»⁶. В то же время Робин Кук напоминал что, несмотря на значительное использование голосования квалифицированным большинством, любое увеличение этих сфер - ничто по сравнению с «потоком» голосования квалифицированным большинством, обрушившимся в ходе последнего срока правления консервативной партии. Под руководством Джона Мейджора было согласовано введение голосования квалифицированным большинством по 42 новым сферам. Лейбористы отмечали, что это было верным решением. Если бы консервативное правительство этого не сделало, невозможно было бы формировать далее единый рынок.

Представители консервативной партии в ответ подчеркивали, что программа Романо Проди по предстоящей межправительственной конференции говорила об интеграции в Договоры о ЕС Хартии основополагающих прав, хотя представители правительства отмечали, что этого не произойдет. Как следствие консерваторы делали вывод, что правительство поддерживало инициативы Европейской Комиссии, которая направляла ЕС к созданию единого Европейского государства⁷.

Официально получив рекомендации Европейской Комиссии и Европейского парламента, межправительственная конференция начала свою работу 14 февраля 2000 г. В течение последующих 10 месяцев Группа Представителей проводила встречи дважды в месяц.

15 февраля 2000 г. в палате Общин была представлена Белая книга «Реформа для расширения» по межправительственной конференции ЕС. Р. Кук подчеркивал, что в этой Белой книге детально освещены те шаги, которые должен предпринять ЕС, чтобы быть готовым к новому расширению⁸. Для Великобритании наиболее сложным в этих реформах

являлось расширение веса голоса. В стремлении к балансу между единодушием и голосованием квалифицированным большинством присутствовал двойной риск, что решения будут заблокированы, если количество стран увеличится вдвое, и при этом сохранится право вето. «Решения, которые могут быть заблокированы, могут касаться национальных интересов Великобритании, и могут касаться вопросов, по которым правительство будет стремиться достигнуть соглашений». Белая книга повторяла «красные линии» правительства о том, что единогласие должно остаться в голосовании по таким вопросам, как поправки к договору, контроль границ, налогообложение, социальное обеспечение, оборона и доходы. Оставалось немного вариантов по расширению голосования квалифицированным большинством, но правительство Великобритании готово было рассматривать его в случаях, когда дело касалось национальных британских интересов.

В ответ на призывы представителей консервативной партии провести референдум по ратификации формирующегося европейского договора, Р. Кук отвечал: «Джон Мэйджор подписал Маастрихтский договор от имени Великобритании. Это был драматический договор – его подпись запустила стремительные изменения в Европе. Он построил две новые опоры ЕС. Он заложил основу для формирования единой валюты. Он подписал 30 статей по расширению голосования квалифицированным большинством. Согласовывая эти смелые изменения, даже не пришлось в голову вынести их на референдум гражданам Великобритании. Действительно, сегодняшний лидер консервативной партии (Уильям Хейг – авт.) голосовал в парламенте против проведения референдума по Маастрихтскому договору⁹. В целом, по сравнению с Маастрихтским договором, в Ниццком договоре не было ничего, что представляло бы угрозу Великобритании или британскому образу жизни. Значит, проведение референдума по его ратификации не было обосновано. «Те, кто будут рисковать ограничивать участие Великобритании в Европейском Союзе, являются опасными для наших национальных интересов»¹⁰.

Консервативная партия обвиняла правительство в стремлении сформировать европейскую супердержаву. В ответ, представители лейбористов подчеркивали, что сопротивление процессу формирования единого европейского государства ощущается по всей Европе и, все стремятся оставить ЕС союзом государств. Например, приводились цитаты из речи канцлера Шрёдера: «Национальное государство будет центром надежд и нужд людей», и президента Ширака: «будущее Европы - не в объединенном государстве Европы, а как Объединенной Европы государств»¹¹.

В противовес представители консервативной партии цитировали французского премьер-министра Лионеля Жоспена, выразившего мнение о том, что создание единой европейской армии станет «важной вехой на пути к созданию объединенной политической Европы». А также министра иностранных дел ФРГ - Йошки Фишера, который отмечал, что Хартия основополагающих прав является стимулом не только для прав человека, но «больше всего для идентичности и законности ЕС» как «существенная основа для процесса дальнейшей интеграции»¹².

Главы государств и правительств стран ЕС обсуждали вопросы межправительственной конференции на встречах в Санта Мария да Фейра (Португалия) 19-20 июня 2000 г., Биаррице (Франция) 13 – 14 октября, и в Ницце (Франция) 7 – 10 декабря 2000 г. Завершающие переговоры были закончены 11 декабря 2000 г.

Французский президент Жак Ширак в новом договоре стремился передать больше власти в руки Европейского Совета, и меньше Европейской Комиссии. Президент Комиссии Романо Проди поддерживал обратную модель (больше власти Комиссии, и меньше - Совету). Третье, более радикальное предложение, выдвигалось министром иностранных дел ФРГ Йошкой Фишером, предлагавшим видение парламентской Европейской федерации. На этой противоречивой основе работала межправительственная конференция на протяжении большей части 2000 г. Существенными разногласиями был отмечен Ниццкий саммит, в ходе которого премьер-министр Великобритании Тони Блэр угрожал наложить на договор вето, если Франция будет пытаться давить ради большего сокращения британского вето (наступление на «красные линии» Великобритании)¹³. Соглашение в итоге было достигнуто, но мало кто мог назвать этот результат значительным прогрессом.

11 декабря 2000 г. премьер-министр (Т. Блэр) в палате Общин отметил результаты саммита Европейского Совета в Ницце¹⁴. Он подчеркнул, что в рамках межправительственной конференции было достигнуто увеличение веса британского голоса. Таким образом, три самые большие страны ЕС сохранили способность совместного блокирования решений. Европейский Совет согласовал меры по Европейской безопасности, которые обсуждались последние два года. Европейская оборона будет действовать только в тех случаях, когда НАТО решит не участвовать полностью. Также будет ограниченное сохранение мира, гуманитарные операции и управление кризисами. Коллективная безопасность будет оставаться обязанностью НАТО. Сохранялась возможность принятия решений единодушием по «красным линиям» британского правительства, и расширялась возможность голосования квалифицированным большинством по приоритетным

сферам. По статьям, на которые распространялось голосование квалифицированным большинством, 11 имели отношение к мерам и изменению правил процедур. Одно из них – выдвижение президента Комиссии. Когда состав ЕС достигнет 27 или 30 членов одна маленькая страна не сможет заблокировать назначение в данной сфере. 9 изменений относились к свободе передвижения, где Великобритания сохранила право решать, присоединяться или нет к данным мерам. Оставшиеся изменения в первую очередь относились к эффективности экономического управления и единому рынку, где голосование квалифицированным большинством являлось национальным интересом Великобритании: финансовое управление бюджетом ЕС, промышленная политика, торговля и услуги. В сфере юстиции и внутренней политики специальный протокол Амстердамского договора продолжал сохранять право Великобритании решать, когда присоединяться к сотрудничеству на уровне ЕС в национальных интересах страны, например, в работе по вопросам беженцев. По количеству Комиссаров, предполагалось, что Европейская Комиссия останется без изменений до 2005 г., за исключением одного для каждой страны-кандидата на вступление в ЕС. Затем, с 2006 г. останется один комиссар от одной страны, максимум 27, с соглашением сократить количество комиссаров в 2010 г., после нового рассмотрения вопроса.

Лидер оппозиции Уильям Хейг продолжал утверждать, что все изменения, которые произойдут в ЕС после вступления в силу Ниццкого договора, направлены на формирование единого европейского супер-государства (супердержавы). На что представители правительства отвечали, что не стали бы участвовать в подобном процессе ни в коем случае. Кроме этого Хейг подчеркивал, что расширив голосование квалифицированным большинством до 39 сфер, премьер-министр дал возможность европейским институтам в будущем навязывать дальнейшую интеграцию. Таким образом, лидер консервативной партии делал вывод о том, что Ниццкий договор направлял еще более глубокую интеграцию стран ЕС.

В ответ на критичный подход консервативной партии, Т. Блэр отмечал, что данная критика безосновательна. В первую очередь, потому что изменения поддерживались правительством Великобритании изначально. В частности большая часть сфер по расширению голосования квалифицированным большинством была предложена Великобританией. Часть сфер, в которых сохранилось принятие решений единодушием, входила в «красные линии» (налогообложение и социальное законодательство) правительства лейбористов.

В данной ситуации на руку парламентской оппозиции работала обтекаемость и некоторая двусмысленность формулировок, принимаемых

в Брюсселе, и отраженных в итоговых заключениях саммитов Европейского Совета. Оппозиция трактовала их с точки зрения критики действий правительства. Выступления представителей консервативной партии в СМИ с подобными мнениями (о формировании европейского супер-государства) поддерживало евроскептицизм британской общественности и усиливало его. В такой ситуации только активная работа правительства по ознакомлению с деталями договоров и европейской политики Великобритании с общественностью могла сохранить баланс между скептиками и оптимистами. Однако, как и в 1992 г. еще Джон Мейджор, Тони Блэр столкнулся с тем, что каждый европейский договор, и европейская политика в частности, обрастали «мифами и легендами», которые только усиливали евроскептицизм в Великобритании. В дальнейшем всё это скажется на подходе правительства к следующим договорам ЕС.

Решение институциональных вопросов в Ницце в декабре 2000 г. было крайне сложным. Большая часть глав государств и правительств стран-участниц ЕС на встрече в Ницце осталась недовольна результатами переговоров. Ниццкий договор не завершил работу по изменению ЕС перед ожидавшимся расширением. Предполагались новые дебаты по конституционному характеру ЕС.

Договор вступил в силу 1 февраля 2003 г. В Великобритании ратификация Ницкого договора проходила в парламенте. Первое чтение - 21 июня 2001 г., второе – 4 июля 2001 г., ратификация завершилась 17 октября 2001 г. голосованием: за – 392, против – 158¹⁵.

Таким образом, в рамках партийно-политической борьбы по вопросу формирования Ницкого договора представители правительства поддерживали изменения веса голосов в Европейском Совете и дальнейшей подготовки институтов ЕС к расширению, однако четко боролись за неприкосновенность «красных линий». Представители оппозиции в противовес отмечали, что «красные линии» не спасут страну от потери суверенитета и стремления лейбористов к формированию европейской супердержавы. Отчасти этот подход тори был основан на должном консерватизме. С другой стороны сохранялось противоречие внутри консервативной партии: поддержка расширения ЕС на восток, но отказ от любого компромисса и вообще любой трансформации по институциональным вопросам ЕС. Однако расширение не могло быть реализовано без должной трансформации и подготовки структур ЕС. Что вынуждало консерваторов отступать в дебатах, однако их настроения оказывали воздействие на британскую общественность.

Таким образом, Великобритания в период первого премьерского срока Тони Блэра активно участвовала в формировании новых европейских договоров. Однако, помимо политики «конструктивного

взаимодействия» со странами ЕС, правительство не проводило активных действий по закреплению еврооптимистичного подхода в британском обществе. Основной акцент в эти годы был смещен на вопрос участия Великобритании в зоне «евро». Консервативная партия вела активную и успешную пропаганду против оптимистичного подхода лейбористов к вопросам европейской политики. Эта пропаганда сказалась не только на вопросе «евро» и «неопределенном отказе» правительства от участия в этом проекте, но и вообще на отношении населения Великобритании к проектам европейской интеграции, и в том числе к европейским договорам.

С другой стороны, то, что оппозиция смогла так воздействовать на общественность, говорит об изначальном скептическом подходе, характерном населению Великобритании. А также что партия лейбористов, несмотря на оптимистичный подход, и стремление сотрудничать с европейскими партнерами, не имела четкой и работающей стратегии по работе с общественностью по вопросам европейской политики. Во-первых, по причине сильного омоложения лейбористской партии в период 1979–1997 гг.. Во-вторых, последний период применения на практике подходов к европейской политике был в период 1974–1979 гг.. То есть по вопросу европейской политики можно сделать вывод: лейбористы стремились к победе на парламентских выборах (в том числе стремились к тому, чтобы подходы партии к европейской политике поддерживались электоратом), но не ставили своей главной целью проведение радикально активной еврооптимистичной политики. Правительство лейбористов удовлетворяла ситуация, в которой европейские вопросы перед электоратом были нейтрализованы. Правительство в рамках первого премьерского срока Т. Блэра сохранило прагматичный подход к решению вопросов европейской интеграции.

Литература:

1. Blair's Britain (1997-2007) // ed. by A. Seldon. Cambridge, 2007.
2. Hansard. House of Commons. Parliamentary Debates, 8.06.1999, Vol. 332, col. 463 – 479. London, 1999
3. Eurobarometer 51
4. Hansard. House of Commons. Parliamentary Debates, 1.12.1999, Vol. 340, col. 314 – 405. London, 1999
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. Ibidem.
8. Hansard. House of Commons. Parliamentary Debates, 15.02.2000, Vol. 344, col. 751 – 784. London, 2000.
9. Ibidem.
10. Ibidem.
11. Ibidem.

12. Ibidem.
13. Ibidem.
14. Hansard. House of Commons. Parliamentary Debates, 11.12.2000, Vol. 359, col. 349 – 370. London, 2000
15. Hansard. House of Commons. Parliamentary Debates, 17.10.2001, Vol. 372, col. 1172 – 1274. London, 2001

© Усова Ю.С., 2015.

Отец - Чигрин Дмитрий Петрович

Мать - Чигрина Анастасия
Даниловна

В студенческие годы

С супругой

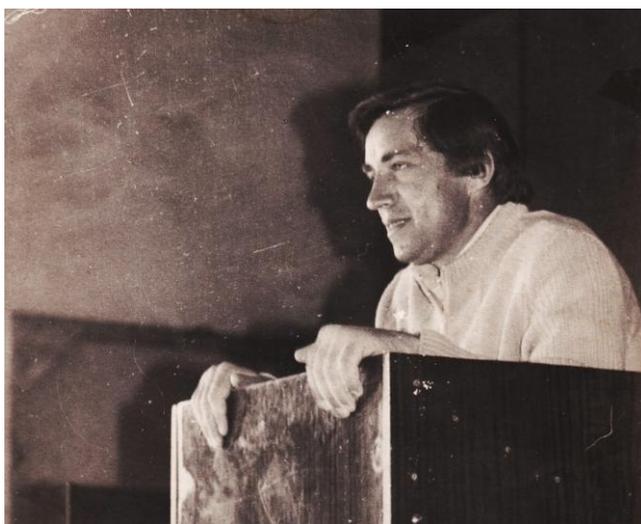
Студенческая группа (в верхнем ряду И.Д.Чигрин – второй слева)

С другом Ф.А.Сафиним

С другом Тадеушем Сомборским

На лекции

Кафедра всеобщей истории
(Стоят (слева направо) - О.А. Науменков, Ф.М. Байрамов, И.Д. Чигрин,
сидят - Б.Н. Лаптев, Я.В. Зайцев, К.Г. Газизов)

С коллегами на научной конференции
(О.А. Науменков, И.Д. Чигрин, М.Г. Зубаиров)

Среди студентов на первомайской демонстрации

С дочерью Аллой на практике в Москве

С коллегами и студентами на демонстрации

С коллегами (слева направо - Ф.А. Сафин, И.Д. Чигрин, А.Г. Низамов)

На субботнике

С коллегами (слева направо - И.Д.Чигрин, Б.Н.Лаптев,
Р.К.Хабибуллин, Р.Р.Тухватуллин)

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. Памяти И.Д. Чигрина	3
<i>Чигрина А.И.</i> Иван Дмитриевич Чигрин: штрихи к портрету	3
<i>Чигрина Э.Г.</i> Об И.Д. Чигрине	9
<i>Лаптев Б.Н.</i> Иван Дмитриевич Чигрин	11
<i>Ерин М.Е.</i> О моем друге Иване Чигрине	15
<i>Хабибуллин Р.К.</i> Победы и свершения И.Д. Чигрина	18
<i>Чевтаев А.Г.</i> Дорогому коллеге и другу	19
<i>Рахимов Р.Н.</i> Об Иване Дмитриевиче Чигрине	22
<i>Круглов Е.А.</i> Вспоминая учителя, или И.Д. Чигрин и Керчь	24
<i>Лаптев Б.Н.</i> Кафедра зарубежной истории Башкирского государственного университета	27
<i>Целищев А.О.</i> Вклад И.Д. Чигрина в изучение истории Германии	40
ЧАСТЬ II. Актуальные проблемы истории Германии	46
<i>Бессилин Н.А.</i> Германия и немцы в изображении Жана Жувенала дез Юрсена	46
<i>Шаяхметов Ф.Ф.</i> Германская империя и «восточный вопрос» в конце XIX – начале XX вв.	56
<i>Быстрова Н.Е.</i> Советская Россия и Версальский мир	64
<i>Дмитриева С.И.</i> Дискуссии в СДПГ и МСБС о послевоенной Европе и роли СССР (1943-1945)	76
<i>Логиновский Е.Л.</i> Факторы экономического сотрудничества германских государств и КНДР (1949–1990)	84
<i>Долгилевич Р.В.</i> Выборы 1967 г. в палату депутатов Западного Берлина и положение в городской организации СДПГ: оценки посольства СССР в ГДР	942
ЧАСТЬ III. Актуальные проблемы исторических исследований	104
<i>Подопригора А.Р.</i> Мантическое искусство и культ Геракла	104
<i>Дряхлов В.Н.</i> Императорские указы 397 и 399 гг. против ношения в Риме одежды иноземного образца	118
<i>Азнабаев Б.А.</i> Башкирская политика XVI-XVIII вв. как альтернатива государственности	123
<i>Кортунов А.И.</i> Некоторые факты службы дворян-поляков в Оренбургском казачьем войске	131
<i>Соболев Е.В.</i> Нефтяная политика европейских держав на Ближнем Востоке в первой половине XX в.	139
<i>Шаяхметова И.З.</i> Выборы в органы городского самоуправления	

Башкирской АССР в 1919-1936 гг.	144
<i>Тухватуллин Р.Р.</i> Проблема американской национальной идентичности в концепции А. Шлезингера-мл.	148
<i>Хазиев Р.А., Хазиева М.А.</i> «Креативный класс» современной России в новейшей историографии	155
<i>Гарипов Р.Ф., Тухватуллин Р.Р.</i> Первичные выборы (праймериз) как средство демократизации избирательной системы США	160
<i>Крюкова М.Г.</i> Эвакуация детей в годы Великой Отечественной войны на восток страны в отечественной региональной литературе и сборниках документов 1990-х – 2000-х гг.	165
<i>Круглов Е.А.</i> Великая Отечественная война и греческие сыны России	170
ЧАСТЬ IV. Тезисы студентов и магистрантов	179
<i>Мухиярова А.А.</i> Юношеские годы Филиппа II: к истокам судьбы великого реформатора	179
<i>Кудашев У.Н.</i> Германо-афганские отношения: эволюция развития в конце XIX-начале XX в.	183
<i>Лясович В.И.</i> Проблемы истории и археологии позднесарматской археологической культуры Южного Урала на современном этапе	188
<i>Усова Ю.С.</i> Партийно-политическая борьба в Великобритании по вопросу формирования Ниццкого договора (1999-2000 гг.)	192
Приложения	203

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ**

**Сборник научных трудов
памяти И.Д. Чигрина**

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 11.05.2016 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 12,19. Уч.-изд.л. 12,72.
Изд. № 63. Заказ 207.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450076, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*